

ОПУБЛИКОВАТЬ СТАТЬЮ

в изданиях НИЦ "Социосфера"

[ПОДРОБНЕЕ](#)

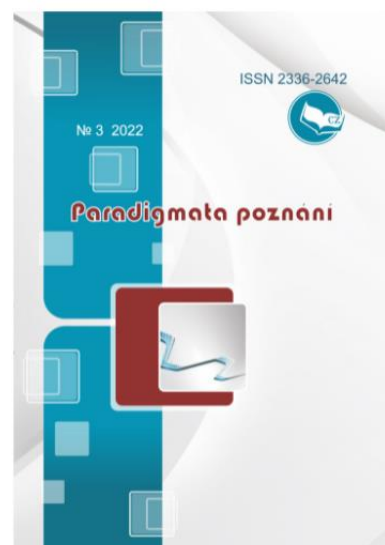
СОЦИОСФЕРА

- *Российский научный журнал*
- *ISSN 2078-7081*
- *РИНЦ*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным наукам*

PARADIGMATA POZNÁNÍ

- *Чешский научный журнал*
- *ISSN 2336-2642*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СБОРНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ

- *Широкий спектр тем международных конференций*
- *Издание сборника в Праге*
- *Публикуются материалы по информатике, истории, культурологии, медицине, педагогике, политологии, праву, психологии, религиоведению, социологии, технике, филологии, философии, экологии, экономике*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

ISSN 2078-7081

Научно-методический
и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

№ 2 2022

УЧРЕДИТЕЛИ
ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
Самарский государственный социально-педагогический университет

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин
кандидат исторических наук, доцент

Международная редакционная коллегия

А. С. Берберян, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения)
В. Н. Гончаров, доктор философских наук, доцент (Ставрополь, Россия)
И. Г. Дорошина, кандидат психологических наук, доцент (Пенза, Россия)
Е. Кашпарова, PhD. (социология – Прага, Чехия)
У. Р. Кушаев, (DSc) доктор философских наук (Ташкент, Узбекистан),
Д. Танцошова, PhD. профессор (экономика – Братислава, Словакия)
Н. Ц. Христова, PhD., профессор (история – София, Болгария)
Н. А. Хрусталькова, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия)

Международный редакционный совет

Н. Арабаджийски, PhD., профессор (экономика – София, Болгария)
А. Ю. Большакова, доктор филологических наук (Москва, Россия)
С. Н. Волков, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия)
Л. Е. Гринин, доктор философских наук, академик РАЕН (Волгоград, Россия)
В. В. Кондрашин, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия)
В. М. Минияров, доктор педагогических наук, профессор (Самара, Россия)
М. Сапик, PhD., доцент (философия – Кутна Гора, Чехия)
Л. Цибак, PhD., MBA (экономика – Братислава, Словакия)

Рецензенты

М. А. Антипов, кандидат философских наук, доцент (Пенза, Россия)
И. Ю. Гац, доктор педагогических наук, доцент, профессор (Москва, Россия)
В. С. Давтян, доктор политологических наук, доцент (Ереван, Армения)
А. Д. Доника, кандидат медицинских наук, доктор социологических наук, доцент, профессор (Волгоград, Россия)
Д. В. Ефимова, кандидат психологических наук, доцент (Пенза, Россия)
И. О. Карелина, кандидат педагогических наук, доцент (Рыбинск, Россия)
Ю. В. Мездриков, доктор экономических наук, профессор (Саратов, Россия)
Н. В. Саратовцева, кандидат педагогических наук, доцент (Пенза, Россия)
Ю. Г. Фатеева, кандидат филологических наук (Волгоград, Россия)
С. В. Явон, доктор социологических наук, доцент (Самара, Россия)

Рецензируемый научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует статьи по философии, культурологии, филологии, психологии, педагогике, социологии, праву, истории, экономике и другим социально-гуманитарным дисциплинам, а также методические разработки учебных и воспитательных занятий.

Журнал индексируется в наукометрических базах:

- Электронная научная библиотека (Россия)
- Directory of open access journals (Швеция)
- Open Academic Journal Index (Россия)
- Research Bible (Китай)
- Scientific Indexing Services (США)
- Global Impact Factor (Австралия)
- Cite Factor (Канада)
- International Society for Research Activity (ISRA)
- Journal Impact Factor (JIF) (Индия)
- General Impact Factor (Индия)
- Infobase Index (Индия)
- Scientific Journal Impact Factor (Индия)
- Universal Impact Factor

Импакт-фактор

- РИНЦ – 0,075
- Global Impact Factor – 1,721
- SJIF – 6,492

ISSN 2078-7081

© ООО Научно-издательский центр
«Социосфера», 2022.
© Самарский государственный
социально-педагогический университет, 2022.

ISSN 2078-7081

Scientifically-methodical
and theoretical journal

SOCIOSPHERE

№ 2 2022

THE FOUNDERS
The science publishing centre «Sociosphere»
Samara State Social and Pedagogical University

The chief editor – Boris Doroshin
candidate of historical sciences, associate professor

International editorial board

A. S. Berberyan, Doctor of Psychological Sciences, professor (Erevan, Armenia)
V. N. Goncharov, Doctor of Philosophy, assistant professor (Stavropol, Russia)
I. G. Doroshina, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
E. Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic)
U. R. Kushaev, (DSc) Doctor of Philosophy (Tashkent, Uzbekistan),
J. Tancosova, Ph.D., professor (Economics – Bratislava, Slovakia)
N. Ts. Khristova, Ph.D., professor (History – Sofia, Bulgaria)
N. A. Hrustalkova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia)

International editorial council

N. Arabadzhiiski, Ph.D., professor (Economics – Sofia, Bulgaria)
A. Yu. Bolshakova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia)
S. N. Volkov, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia)
L. E. Grinin, Doctor of Philosophy, academician of RANS (Volgograd, Russia)
V. V. Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia)
V. M. Miniyarov, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Samara, Russia)
M. Sapik, Ph.D., assistant professor (Philosophy – Kutna Hora, Czech Republic)
L. Cibak, Ph.D., MBA (Economics – Bratislava, Slovakia)

Reviewers

Mikhail A. Antipov, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor (Penza, Russia)
Iren Yu. Gats, Doctor of Pedagogical Sciences (Moscow, Russia)
doc. **Vage S. Davtyan**, Ph.Dr. (docent v oboru politologie – Jerevan, Arménie)
Alena D. Donika, Candidate of Medical Sciences, Doctor of Sociology, Assistant Professor (Volgograd, Russia)
Diana V. Efimova, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
Inessa O. Karelina, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor (Rybinsk, Russia)
Yuriy V. Mezdrikov, Doctor of Economical Sciences, professor (Saratov, Russia)
Nadezhda V. Saratovtseva, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
Yulia G. Fateeva, Candidate of Philological Sciences (Volgograd, Russia)
Snezhana V. Yavon, Doctor of Sociological Sciences, assistant professor (Samara, Russia)

Peer-reviewed scientific and methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes articles on philosophy, philology, psychology, pedagogy, sociology, law, history, economics and other social and human sciences, and also methodological manuals of training and educational activities.

The journal is indexed by:

- Electronic Research Library (Russia)
- Directory of Open Access Journals (Sweden)
- Open Academic Journal Index (Russia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- Global Impact Factor (Australia)
- Cite Factor (Canada)
- International Society for Research Activity (ISRA)
- Journal Impact Factor (JIF) (India)
- General Impact Factor (India)
- Infobase Index (India)
- Scientific Journal Impact Factor (India)
- Universal Impact Factor

Impact factor of the journal

- Russian Science Index – 0,075
- Global Impact Factor – 1,721

ISSN 2078-7081

© The science publishing centre «Sociosphere»,
2022.
© Samara State Social and Pedagogical University,
2022.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

Бушмелева М. А., Рультыет А. А.	
Медиация как альтернативная форма урегулирования гражданских споров	11
Бушмелева М. А., Смирнова Е. М.	
Конфликтогенность тенденций автоматизации системы управления персоналом.....	17
Бушмелева М. А., Смирнова Е. М.	
Реализация процесса оценки конфликтного потенциала сотрудников в рамках системы управления персоналом	24

ФИЛОЛОГИЯ

Александрова Е. С., Сытина Н. А.	
Лингвостилистическая специфика перевода юмористических текстов с английского языка на русский	31
Дреева Дж. М., Болатов Т. А.	
К проблеме дефиниции понятия «интертекстуальность»	38
Эргашева Д. А.	
Проблематика рассказа Хён Джингона «Удачный день»	42

ПРАВО

Ярмонова Е. Н., Вирясова Н. В., Чубатова Н. А., Романчук О. Н., Илюшин В. В.	
О некоторых аспектах разграничения взяточничества и других должностных преступлений.....	47

ПЕДАГОГИКА

Бышов Д. В., Наумова Е. А.	
Некоторые вопросы правового статуса педагогических работников.....	50
Драгнев Ю. В.	
Оздоровление армрестлеров после спортивных тренировок и соревнований.....	53
Жампеисова К. К., Хан Н. Н., Колумбаева Ш. Ж.	
Интеграция в педагогическом процессе как условие успешной подготовки будущего педагога.....	58
Казанская И. В., Ямщиков С. В., Молдагали Ж. Х.	
Интеграция высшего образования Казахстана в мировое образовательное пространство: достижения, проблемы, перспективы	64
Ладонина Е. Ю.	
Использование ролевой игры и моделирования для развития коммуникативной компетенции	70
Логачева М. И., Васильева В. В.	
Информационные технологии и образование.....	74
Сидоров С. В., Дедюхин Д. Д.	
Практико-ориентированная подготовка будущих специалистов в условиях среднего профессионального образования.....	77

Строительева О. Ю., Слабкий Е. С.

Педагогические условия развития исследовательской компетенции
у детей дошкольного и школьного возраста в контексте
непрерывного образования 82

Хлебников А. С., Степанова С. Н.

Технология разрешения конфликтов в системе «ученик-ученик» 86

Gorbatov V. I.

The role of ethno-pedagogy in the upbringing of the younger generation of Russians 92

Kegeyan S. E.

The features of the formation of socio-cultural competence in teaching
the English language 96

Kegeyan S. E.

The methods of using authentic materials in the process of teaching foreign language
intercultural communication 99

МЕДИЦИНА

Semeleva E. V., Pligina E. V.

Assessment of the prevalence of visual organ morbidity in the republic of Mordovia
for the period 2018–2020 102

Semeleva E. V., Pligina E. V.

Fast food is a fashionable food trend 105

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Дорошина Е. Б.

Пример анализа антиутопий в произведениях кинематографа 108

ПСИХОЛОГИЯ

Звонова Е. В., Балдандорж А.

Планирование карьеры современными женщинами Монголии 114

Звонова Е. В., Ровкина Н. Ю.

Восприятие цвета в рекламе – возрастные и гендерные характеристики 121

Zinina A. Y.

Reasons and factors for the formation of psychological dependence
on gambling addiction 128

СОЦИОЛОГИЯ

Великих П. К.

Коммуникации в студенческой среде 132

Маннанова Н. Х.

Дистанционное образование как фактор влияющий на социальные процессы 136

ПОЛИТОЛОГИЯ

Кучиева А. И.

Дипломатические отношения КНР и США в период 2008–2021 гг.:
обзор актуальных проблем 140

Хлопов О. А.

Противоречия и стратегическая конкуренция между США и КНР: потенциальные
риски и возможности их урегулирования..... 145

Правила для авторов 155

План международных конференций, проводимых вузами
России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии,
Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2022 году..... 157

Информация о научных журналах 158

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 159

CONTENTS

ECONOMICS

- Bushmeleva M. A., Rultyet A. A.**
Mediation as an alternative form of settlement of civil disputes 11
- Bushmeleva M. A., Smirnova E.M.**
Conflict factors in automation trend of personnel management system 17
- Bushmeleva M. A., Smirnova E. M.**
Implementation of conflict potential's evaluation process among employees
within the framework of personnel management system..... 24

PHILOLOGY

- Aleksandrova E. S., Sytina N. A.**
Linguostylistic specificities of comic texts translation from English into Russian 31
- Dreeva Dzh.M., Bolatov T.A.**
To the problem of definition of the term "intertextuality" 38
- Ergasheva D.**
The problems of Hyun Jingon's tale "Lucky day" 42

LAW

- Yarmonova E. N., Viryasova N. V., Chubatova N. A.,
Romanchuk O. N., Ilyushin V. V.**
On some aspects of the distinction between bribery and other malfeasance 47

PEDAGOGICS

- Byshov D. V., Naumova E. A.**
Some issues of the legal status of teachers 50
- Dragnev Y. V.**
Rehabilitation of arm wrestlers after sports training and competitions..... 53
- Zhampeisova K.K., Khan N.N., Kolumbayeva Sh.Zh.**
Integration in the pedagogical process as a condition for successful training
of a future teacher..... 58
- Kazanskaia I. V., Yamshchikov S. V., Moldagali Zh. H.**
Integration of Kazakhstan's higher education into the global educational space:
achievements, problems, prospects 64
- Ladonina E. Yu.**
The use of role play and simulation to develop communicative competence..... 70
- Logacheva M. I., Vasilyeva V. V.**
Information Technology and learning 74
- Sidorov S. V., Dedyukhikn D. D.**
Practice-oriented training of future specialists in the context of secondary
vocational education..... 77
- Stroiteleva O. Y., Slabky E. S.**
Pedagogical conditions for the development of research competence in preschool
and school-age children in the context of continuing education..... 82

Khlebnikov A. S., Stepanova S. N.

Technology of conflict resolution in the "student-student" system 86

Gorbatov V. I.

The role of ethno-pedagogy in the upbringing of the younger generation of Russians..... 92

Kegeyan S. E.

The features of the formation of socio-cultural competence in teaching
the English language 96

Kegeyan S. E.

The methods of using authentic materials in the process of teaching
foreign language intercultural communication 99

MEDICAL STUDIES

Semeleva E. V., Pligina E. V.

Assessment of the prevalence of visual organ morbidity in the republic of Mordovia
for the period 2018–2020 102

Semeleva E. V., Pligina E. V.

Fast food is a fashionable food trend..... 105

ART STUDIES

Doroshina E. B.

An example of the analysis of dystopias in cinematography 108

PSYCHOLOGY

Zvonova E. V., Baldandorzh A.

Career planning by modern women of Mongolia 114

Zvonova E. V., Rovkina N. Y.

Perception of color in advertising - age and gen-der characteristics 121

Zinina A. Y.

Reasons and factors for the formation of psychological dependence
on gambling addiction..... 128

SOCIOLOGY

Velikikh P.K.

Communication in the student environment 132

Mannanova N. X.

Distance education as factor influencing social processes 136

POLITICAL SCIENCE

Kuchieva A. I.

Diplomatic relations between China and the United States in the period 2008–2021:
an overview of current problems 140

Khlopov O. A.

The Contradictions and Strategic Competition between the USA and China:
Potential Risks and Opportunities for their Settlement 145

Roos for authors 155

Plan of international conferences held by the universities of Russia,
Armenia, Azerbaijan, Bulgaria, Belarus, Kazakhstan, Uzbekistan
and the Czech Republic on the basis of Vědecko vydavatelské
centrum «Sociosféra-CZ» in 2022..... 157

Information about about scientific journals 158

Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 159

УДК 340.115.7

МЕДИАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ФОРМА УРЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКИХ СПОРОВ

М. А. Бушмелева

А. А. Рультет

*Старший преподаватель,
ORCID 0000-0001-9010-3289,
e-mail: BushmelevaMA@gup.ru,
студент,
ORCID 0000-0003-0083-9829,
e-mail: alinarultyet@gmail.com,
Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов,
г. Санкт-Петербург, Россия*

MEDIATION AS AN ALTERNATIVE FORM OF SETTLEMENT OF CIVIL DISPUTES

M. A. Bushmeleva

A. A. Rultyet

*Senior lecturer,
ORCID 0000-0001-9010-3289,
e-mail: BushmelevaMA@gup.ru,
student,
ORCID 0000-0003-0083-9829,
e-mail: alinarultyet@gmail.com,
Saint-Petersburg Humanitarian University
of the Humanities and Social Sciences
Saint Petersburg, Russia*

Abstract. In 2011, at the federal level, the normative state bodies of Russia adopted an Act on Mediation. Afterwards, in addition to the judicial method of dispute resolution, non-judicial means to resolve the conflict appeared in Russia. It's interesting, that principles of mediation and Russian civil legislation contain a number of similar provisions: equality of the parties, voluntary nature, impartiality and independence of both, the mediator and the judge. If mediation is compared with other methods of dispute settlement, that are identified in civil legislation, such as claim procedure and arbitration, than the main advantages of the alternative method of dispute resolution can be seen as privacy and the parties' focus on mutually beneficial solution.

Keywords: mediation; court; principles; civil dispute; settlement; conciliation procedures.

Традиционной формой урегулирования и защиты гражданских прав долгое время являлось судебное разбирательство. Однако в России произошли серьезные изменения на законодательном уровне в связи с введением ФЗ РФ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуры медиации)» от 27.07.2010 № 193 (последняя редакция). Медиацию относят к одному из видов примирительных процедур между спорящими сторонами как в сфере личных

неимущественных, так и в сфере имущественных правоотношениях.

Гражданское законодательство основывается на таких принципах, как: равенство участников, неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, беспрепятственное осуществление гражданских прав, обеспечение восстановления нарушенных прав и судебная защита [3]. Стоит отметить, что процедура медиации также

строится на ряде принципов: добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие сторон, беспристрастность и независимость медиатора [12]. Интересен тот факт, что можно отметить общие черты между принципами гражданского законодательства и медиации. Рассмотрим более подробно данный вопрос.

В гражданском законодательстве и медиации признается юридическое равенство участников. Данный принцип характеризует правовое положение участников. Это означает, что ни одна из сторон не обладает властными полномочиями по отношению к другой [2]. Обе стороны обладают одинаковыми юридическими возможностями. В ст. 2 ГК РФ закреплён принцип, согласно которому гражданское законодательство регулирует общественные отношения, основанные на равенстве сторон [3]. В ст. 3 ФЗ №193 также говорится о равноправии сторон, что выражается в их равном праве на высказывание своего мнения, уточнение информации [12]. Помимо этого, мнение участников конфликта учитывается в равной степени при заключении медиативного соглашения вне зависимости от их статуса.

Проанализируем принцип свободы договора. В соответствие со ст. 421 ГК РФ свобода договора означает, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора [3]. Не допускается принуждение к заключению договора. Так нормативное закрепление свободы договора в рамках гражданско-правовых принципах выражает добровольность сторон при заключении договора [5]. В медиации к сторонам также применяется принцип добровольности, который проявляется в следующем: процедура медиации начинается с взаимного согласия сторон, возможности выхода стороны конфликта на любой стадии медиации, исполнения медиативного соглашения.

На основании выше сказанного можно отметить, что есть сходства гражданского законодательства и медиации. Однако не

все так однозначно. На наш взгляд, есть ряд аспектов, отличающих медиативную процедуру. Необходимо рассмотреть один из базисных принципов медиации, а именно, конфиденциальность. Информация, полученная в ходе процедуры медиации, медиаторами не распространяется и не передается третьим лицам. Для хозяйствующих субъектов, которые хотят урегулировать гражданско-правовой спор, будет выгоднее обратиться к процедуре медиации.

Во-первых, процедура медиации конфиденциальна, это дает для хозяйствующих субъектов контроль в отношении над деловой репутацией, что отражается на прибыли компаний. Из этого следует, что медиация выгодна, поскольку соответствует российскому гражданскому законодательству и интересам хозяйствующих субъектов. Во-вторых, в медиации есть практика разрешения дел, изначально находившихся в картотеке суда. Это говорит о том, что конфликты, происходившие между хозяйствующими субъектами, находятся в открытом доступе, что также является репутационным риском. Если дела, связанные с гражданско-правовыми отношениями, не доводили до судебного разбирательства, то существовало бы меньше репутационных потерь у организаций. В тоже же время, медиация гарантирует конфиденциальность процесса, по этой причине данный способ урегулирования гражданско-правовых споров может быть эффективнее, как в предпринимательской, так и иной экономической деятельности.

В нормах российского права гарантирована гражданско-правовая ответственность, где цель – восстановление нарушенных прав и стимулирование деловых отношений между участниками гражданского оборота [8]. Однако данная мера ответственности осуществляется в форме принуждения, поэтому актуален вопрос налаживания отношений между участниками конфликта. В ходе процедуры меди-

ации стороны добровольно приходят к взаимовыгодным договоренностям, поэтому индекс исполнимости медиативного соглашения более высокий.

Необходимо отметить, что российское гражданское законодательство, его базисные принципы не препятствует использованию медиации как альтернативного метода в урегулировании гражданско-правовых споров. Гражданское законодательство и медиацию объединяет диспозитивный метод. Данный метод предполагает проведения сторонами переговоров с участием посредника (медиатора), позволяющего достичь сторонами взаимовыгодных решений.

В настоящее время перед государственными органами России поставлена задача внедрения и распространения применения внесудебных форм урегулирования споров, в том числе и медиации. Например, в Федеральных целевых программах «Развитие судебной системы России на 2007–2011 гг.» и «Развитие судебной системы России на 2013–2024 гг.» было заявлено о необходимости более широкого применения процедуры медиации [6, 9, 10]. На основе федеральных целевых программ разработана «Концепция развития судебной системы на 2013–2020 годы», в которой также содержится указания на всестороннее развитие медиации [11]. Развитие судебной системы зависит от медиации, поскольку данный метод снижает нагрузку на суды, а значит, качество правосудия повышается.

В последнее время наблюдается положительная динамика применения процедур медиации. В 2020 г. в рамках конференции Союза медиаторов Международной ассоциации русскоязычных адвокатов (МАРА) были сделаны следующие выводы: пандемия изменила привычный ход проведения процедуры медиации с введением онлайн-сервиса при урегулировании споров, возросло количество обращений по семейным и предпринимательским спорам. Однако процент оказания медиативных услуг в российском обществе

остается низким. Как отмечалось в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации на 2015 гг., процедура медиации не популярна у российского населения по следующим причинам:

- высокая стоимость услуг профессиональных медиаторов;
- процессуальная пассивность сторон при разрешении гражданских споров;
- нежелание нести дополнительные финансовые затраты;
- отсутствие традиции ведения досудебных переговоров в соответствии с российскими законами.

Помимо уже перечисленных выше причин ряд экспертов, такие как участники круглого стола «Реформа института медиации. Перегрузка альтернативного разрешения споров», прошедшего в 2016 гг. на базе НИУ ВШЭ, отметили, что о процедуре медиации население не только не осведомленно, но и испытывает недоверие к специалистам. В ходе круглого стола была оговорена основная причина непопулярности процедуры медиации – недостаточное количество медиаторов. Заместитель главного редактора Вестника СПЧ Дмитрий Замышляев отметил, что районные суды испытывают повышенный спрос на медиаторов. Для решения данной проблемы судьи предлагают организовывать выездные дежурства, чтобы у населения появилась возможность обратиться к услугам медиатора. Преимущества работы медиатора в том, что исключены коррупционные факторы. Исходя из законодательства о медиации, посредник (медиатор) не заинтересован в исходе конфликта. Перед специалистом стоит задача налаживания коммуникации между спорящими сторонами. Поэтому, основываясь на принципах беспристрастности и независимости медиатора, снижаются коррупционные факторы в ходе разрешения конфликтов.

В российском обществе по-прежнему остается востребованным судебная защита частных интересов, поскольку на данный момент существует проблемы реали-

зации медиации в России. Однако анализ таких принципов как добровольность и конфиденциальность позволяет оценить преимущества процедуры медиации в урегулировании гражданско-правовых споров. Иные принципы, на которых основывается медиация, а точнее, равноправие сторон, беспристрастность и независимость медиатора, составляют базис для процедуры, но не отличают ее от других процедур. Например, равноправие сторон является основой для урегулирования разногласий не только в случае медиативного разбирательства, но и в иных частноправовых отношениях, в том числе и гражданских. Также добровольность проявляется в гражданском законодательстве при заключении договора [7], а беспристрастность и независимость является фундаментом для работы судей, и по этому критерию есть общие принципы проведения процедуры медиации и судебных процедур при урегулировании спора.

Кроме медиации российскому гражданскому законодательству применяются иные формы внесудебного урегулирования гражданско-правовых споров. К ним относят претензионный порядок и третейский суд. Рассмотрим более подробно каждый альтернативный способ урегулирования споров.

Урегулировать гражданско-правовой спор можно в претензионном порядке. Медиация и претензионный порядок направлены на разгрузку судебной системы и на формирование и обеспечение функционирования альтернативных способов урегулирование споров.

Для процессуального права России характерно отсутствие дефиниции «альтернативное урегулирование спора». В настоящее время на законодательном уровне применяют другой термин – «примирительные процедуры». Этот термин закреплен в гл. 14.1 ГПК РФ [4]. По сути, данная глава включает такие примирительные процедуры как переговоры, медиацию, судебное примирение, или ис-

пользование других инструментов, а именно, мировое соглашение, которое реализуется на любой стадии судебного разбирательства. Претензионный порядок (досудебный порядок) направлен на выполнение действий, когда стороны по своей договоренности до открытия судебного дела стараются урегулировать разногласия или нарушенные права [13]. Однако целью претензионного порядка становится выполнение формальностей перед обращением в суд, а также получение доказательств в ее соблюдение. Проблему претензионного порядка можно рассмотреть на примере в сфере экономических интересов хозяйствующих субъектов при споре. Так применение данной процедуры создаст ситуацию, при которой одна из сторон будет в более выгодном положении: один из участников может вывести активы или инициировать несостоятельность (банкротство) для того, чтобы минимизировать риски или уйти от ответственности. Данные ситуации складываются из-за особенности претензионного порядка, когда одна из сторон в силу закона предъявляет претензию, а другая сторона, нарушившее обязательство, должно удовлетворить требование, предъявляемые к ней [14]. В свою очередь, суть медиации не в предъявление претензий, а совместном поиске взаимовыгодного решения для обеих сторон.

Урегулировать гражданско-правовой спор можно не только в претензионном порядке, но и в третейском суде. Данный суд занимает особое место при урегулировании экономических споров. Не являясь в системе государственной судебной системе РФ, третейские суды согласно ст. 11 ГК РФ относят к одной из форм защиты гражданских прав [3]. Третейское разбирательство и медиация осуществляются на родственных принципах: конфиденциальности, независимости и беспристрастности третейского судьи и медиатора, равноправия сторон. К особым принципам работы третейского суда можно отнести

законность, состязательность, диспозитивность. Однако между третейским судом и медиацией есть отличия. Во-первых, третейский суд построен на принципе состязательности, где есть «победитель» и «проигравший», тогда как медиация нацелена на взаимный компромисс сторон. Во-вторых, в третейском разбирательстве решение выносится судьей (арбитром), а в результате проведения процедуры медиации может быть заключено медиативное соглашение, где медиатор не выносит окончательное решение, но стороны самостоятельно приходят к взаимовыгодному соглашению [1]. Исходя из отличительных особенностей процедур, можно применять медиацию при урегулировании гражданско-правовых споров в тех случаях, когда стороны рассматривают долгосрочные партнерские отношения, поскольку третейское разбирательство позволит решить спор в конкретный момент времени, но не создаст почву для развития дальнейших отношений.

Для эффективности процедуры медиации в урегулировании гражданских споров требуется определенная уровень правовой культуры, поскольку базисом для проведения процедуры является сотрудничество, взаимное уважение, компромисс в решениях, а не стремление извлечь выгоду в одностороннем порядке и наказать санкциями.

Важно отметить, что описанные выше преимущества медиации позволяют данному методу занять важное место в системе способов урегулирования гражданско-правовых споров. Поэтому урегулирование гражданского спора должно осуществляться не только в судебном порядке, но и с применением примирительными процедурами. Наравне с судебной защитой нарушенных гражданских прав целесообразно закрепить в законодательстве альтернативные формы урегулирования споров.

Библиографический список

1. Абдуллаева М. З. Медиационный и третейский (квазисудебный) порядок защиты гражданских прав // Уникальные исследования XXI века. 2017. №4 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsionnyy-i-treteyskiy-kvazisudebnyy-poryadok-zaschity-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 15.01.2022).
2. Абсаямова Т. О., Подмарькова О. С. Принцип юридического равенства сторон // Инновационная наука. 2016. № 1–3 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-yuridicheskogo-ravenstva-storon> (дата обращения: 15.01.2022).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // Электронный ресурс. СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_5142/
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022) // Электронный ресурс. СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/
5. Иванова Ю. А., Меняйло Л. Н., Федулов В. И. Принцип свободы договора в гражданском праве // Вестник Московского университета МВД России. 2018. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-svobody-dogovora-v-grazhdanskom-prave> (дата обращения: 21.02.2022).
6. Коробкин А. В. Понятие и принципы гражданско-правовой медиации // Человек: преступление и наказание. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-printsiipy-grazhdansko-pravovoy-mediatsii> (дата обращения: 16.01.2022).
7. Милохова А. В. Медиация и ее место в системе урегулирования гражданско-правовых споров // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2011. № 8 (70). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-i-ee-mesto-v-sisteme-uregulirovaniya-grazhdansko-pravovyh-sporov-1> (дата обращения: 03.01.2022).
8. Мусаева И. М. Гражданско-правовая ответственность в российском праве // Скиф. 2020. № 10 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-otvetstvennost-v-rossiyskom-prave> (дата обращения: 16.01.2022).
9. Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2006 г. N 583 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России" на 2007–2012 годы» (с изменениями и

- дополнениями) // Электронный ресурс. СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63101/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b
10. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. N 1406 "О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013 - 2024 годы" (с изменениями и дополнениями) // Электронный ресурс. СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140638/
11. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2012 N 1735-р <Об утверждении Концепции федеральной целевой программы "Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы"> // Электронный ресурс. СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135603/
12. Федеральный закон "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" от 27.07.2010 N 193-ФЗ (последняя редакция) // Электронный ресурс. СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/
13. Шелепина Е. А. Особенности применения медиации к спорам, возникающим из гражданских правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2015. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-primeneniya-mediatsii-k-sporam-voznikayuschim-iz-grazhdanskih-pravootnosheniy> (дата обращения: 14.01.2022).
14. Щербаков Я. Е. Претензионный порядок урегулирования споров в гражданских правоотношениях. Проблемы и направления развития // Вестник ЧелГУ. 2012. № 27 (281). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretenzionnyy-poryadok-uregulirovaniya-sporov-v-grazhdanskih-pravootnosheniyah-problemy-i-napravleniya-razvitiya> (дата обращения: 16.01.2022).

© Бушмелева М. А.,
Рультыет А. А., 2022.

УДК 658.310.9

КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ ТЕНДЕНЦИЙ АВТОМАТИЗАЦИИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

М. А. Бушмелева

Е. М. Смирнова

*Старший преподаватель,
ORCID 0000-0001-9010-3289,
e-mail: BushmelevaMA@gup.ru,*

*студентка,
ORCID 0000-0002-5843-3453,
e-mail: lizasmirnova190101@yandex.ru,
Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов,
г. Санкт-Петербург, Россия*

CONFLICT FACTORS IN AUTOMATION TREND OF PERSONNEL MANAGEMENT SYSTEM

M. A. Bushmeleva

E. M. Smirnova

*Senior lecturer,
ORCID 0000-0001-9010-3289,
e-mail: BushmelevaMA@gup.ru,*

*student,
ORCID 0000-0002-5843-3453,
e-mail: lizasmirnova190101@yandex.ru,
Saint Petersburg University
of the Humanities and Social Sciences,
Saint Petersburg, Russia*

Abstract. Nowadays, one of the main trends in the personnel management system is automation. This process has a lot of benefits. For example, using the artificial intelligence helps speed up and simplify the work of managers. That is why specialists of personnel management now have more opportunities to work with employees rather than with papers. However, the automation has a number of disadvantages. Any innovations mean new features that involve changes in the work of the entire organization. As a result, employees may feel frustrated and that may cause the outbreak of conflicts. In this paper, the conflict factors of automation of the personnel management system are considered, which must be taken into account for a successful result in the adaptation of artificial intelligence.

Keywords: automation; artificial intelligence; personnel management system; progress; cooperation.

На сегодняшний день в сфере экономики происходят глобальные изменения, связанные с научно-технологическим прогрессом. Бизнес, некоммерческие организации, государственные учреждения, да и в целом сфера производства товаров и услуг подвержены влиянию цифровизации – активному внедрению инновационных технологий в различные сферы внутренних процессов компаний. Данный процесс является комплексным, а значит предполагает, помимо использования прогрессивных методов и форм деятельности, создание определённой философии, от-

ношения к новой цифровой реальности. Цифровизация – это также модернизация корпоративной культуры организации, её внешних деловых связей и, помимо прочего, процесса управления персоналом.

Итак, в наши дни всё чаще в менеджменте применяют автоматизированные технологии для управления трудовыми ресурсами организации. Причём данный тренд в российских компаниях куда популярнее, чем можно представить. Согласно исследованиям, проведённым ещё в 2019 г., в России примерно 50 % организаций применяют элементы цифровизации

для автоматизированного сбора данных, около 40 % кампаний – для осуществления предикативной аналитики [10]. Одним из примеров успешной автоматизации процесса управления персоналом является практика Сбербанка. Согласно данным издания «Ведомости», кампания ещё в 2018 году начала использование облачной системы управления талантами SAP SuccessFactors. Помимо этого, Сбербанку удалось автоматизировать практически все ключевые задачи менеджериального управления, что позволило объединить их в единую систему.

Можно предположить, что на сегодняшний момент, в связи с различным факторами, в том числе, с началом всемирной пандемии, показатели внедрения автоматизированных технологий управления персоналом лишь увеличиваются. И действительно, аналитики McKinsey Global Institute прогнозируют, что к 2025 году рост эффективности цифровизации вызовет широкое распространение внедрения инновационных технологий в менеджмент – более 50 % задач данного направления деятельности будут полностью или в большей степени автоматизированы [2]. Рассмотрим причины и преимущества, которые способствуют распространению тенденции цифровизации процесса управления персоналом.

Начать нужно с того, что функционал менеджеров организации сегодня обширен и включает в себя большое количество задач: от рекрутинга, до работы с психологическим состоянием сотрудников. Помимо этого, специалисты системы управления выполняют работу бюрократического характера, а также ряд повторяющихся задач, которые могут занимать довольно большое количество времени. Однако, от эффективности работы менеджера зависит успешность компаний на рынке, ведь главная цель управления персоналом заключается в организации продуктивной деятельности коллектива. Вот почему автоматизация и цифровизация

менеджмента приобретает всё большую популярность сегодня – новые технологии позволяют ускорить и упростить процесс работы с коллективом. На рынке цифровых технологий сегодня представлены программы по подбору персонала (например, технологии компании Entelo Inc.), по планированию и анализу интеллектуального потенциала организации (например, программное обеспечение SAP), по анализу активности того или иного работника (например, программное обеспечение Veriato) и многие другие. Причём, стоит отметить широту их функционала – это сложные технологии, зачастую представляющие собой искусственный интеллект. Данные программы успешно справляются с задачами, которые ранее выполнял человек. Так, например, рекрутинговые программы сегодня позволяют не только анализировать полученные от потенциальных сотрудников резюме. Они сами способны исследовать имеющиеся на рынке предложения соискателей, отбирая достойных кандидатов. Таким образом, данные автоматизированные технологии позволяют обрабатывать большой объём информации в краткие сроки, что, безусловно, ускоряет работу всей организации, а значит позитивно отражается на её продуктивности в целом.

Помимо ускорения процессов управления персоналом, преимуществом автоматизации является уменьшение временных затрат менеджеров на выполнение некоторых функциональных обязанностей. Это, в свою очередь, позволяет специалистам распределить своё рабочее время иначе. Как отмечают некоторые исследователи, на сегодняшний день многие компании придерживаются тренда гуманизации управления персоналом – в центре управленческого процесса находится не просто трудовая функция сотрудника, но его личность, профессиональный потенциал и интересы относительно карьеры. Вследствие этого, современные концепции HR-менеджмента предполагают

уделение большего внимания личностным аспектам работы с коллективом, которые искусственный интеллект, пока что, охватить не может [8]. Таким образом, популяризация тренда цифровизации системы управления персоналом обусловлена возможностью выделения большего количества времени на персональную работу с сотрудниками, которая появляется у специалистов по управлению вследствие уменьшения количества выполняемых ими задач.

Однако, несмотря на положительные факторы внедрения инновационных технологий в работу менеджеров, существуют аспекты, обуславливающие конфликтность данного процесса. В целом нужно отметить, что автоматизация различных аспектов работы организации в любом случае предполагает внедрение нововведений, причём не только технических, но и организационных, а в некоторых случаях, и нормативных. В то же время изменения, вносимые в работу организации, могут повысить уровень напряжённости в трудовом коллективе из-за множества факторов, один из которых – неопределённость, наступающая за переменами. Ситуация, возникающая из противоречия между некогда стабильной организационной системой и происходящими в ней изменениями, может быть рассмотрена в качестве инновационного конфликта [9, с. 11]. Стоит заметить, что данные конфронтации могут возникнуть на разных уровнях – внутриличностном, межличностном, межгрупповом, а также в пространстве как микро-, так и макросреды организации, особенно если изменению подвергается система управления персоналом – отдел, который так или иначе связан со всеми функциональными подразделениями компании или учреждения. Причём интересно, что урегулируют конфликтные ситуации, возникающие в коллективе, именно менеджеры. Значит, при проведении реформ в их структурном подразделении, специалисты управления персоналом должны обладать достаточ-

ной конфликтологической компетентностью, чтобы суметь грамотно реагировать на явление инновационного конфликта. Важно понимать – общая тенденция такого рода противоречий такова: если компетентно управлять их развитием, можно не только избежать деструктивных последствий, но также успешно адаптировать организацию под изменившиеся условия рынка. Вследствие этого рассмотрим некоторые конфликтогенные аспекты процесса автоматизации системы управления персоналом.

Начать можно с одного из наиболее очевидных последствий процесса цифровизации – изменения в кадровом составе. Зачастую автоматизация приводит к сокращению штата сотрудников, вследствие оптимизации выполнения ряда задач. Так, например, согласно исследованию консалтинговой программы Gartner, почти 2 миллиона человек в 2020 году попали под сокращение рабочих мест в результате распространения технологий искусственного интеллекта [4]. Следствием такого «эффекта», в свою очередь, может стать увеличение количества безработных граждан, а также общего уровня напряжения среди населения, то есть в макросреде организации. Усугубиться ситуация может с изменением требований к соискателям на должность специалиста по управлению персоналом, ведь не каждый потенциальный сотрудник обладает необходимыми компетенциями. В результате, в маргинальном положении окажутся работники с низкой квалификацией или недостаточной специализацией, например, в сфере IT. В совокупности данные факторы способствуют не только возникновению конфронтации внутри организации, но и созданию конфликтогенной почвы для более масштабных социальных противоречий. С другой стороны, конфликты в микросреде компании могут возникнуть из осознания сотрудниками возможности потери своего рабочего места. Возникающая фрустрация становится причиной роста напряжения среди коллектива и, как

следствие, появления не только инновационных конфликтов, но и иных межличностных конфронтаций. Данный аспект необходимо учитывать при проведении автоматизации функционирования системы управления персоналом для того, чтобы предотвращать развитие деструктивных явлений. Так, например, А. А. Михайлов и В. И. Федулов в своём исследовании обращают внимание на важную особенность реализации менеджмента – в HR сфере (даже при современном высоком уровне развития технологий) многие задачи не могут полностью осуществляться искусственным интеллектом [6], а значит массовых сокращений опасаться коллективу не стоит. Задача специалистов, которые занимаются разработкой программы автоматизации системы управления персоналом, в таком случае, заключается в проведении грамотной информатизации персонала о соответствующих изменениях и, что самое главное, об их последствиях.

Однако, не только процесс внедрения инновационных технологий содержит в себе конфликтные факторы. Реализация автоматизированных систем менеджмента также подразумевает наличие конфликтогенов, связанных с различными аспектами функционирования отдела по управлению персоналом. Ряд вопросов, например, связан с этической стороной процесса цифровизации. Как отмечают в своём исследовании О. Л. Чуланова и К. Н. Хайбуллова, 69 % опрошенных ими респондентов подчёркивают необходимость учёта этических аспектов в деятельности искусственного интеллекта [12]. Многих из опрошенных волнуют вопросы сохранения конфиденциальности персональной информации о сотрудниках, учёта человеческих факторов и функциональных состояний работников при оценке искусственным интеллектом продуктивности деятельности коллектива, учёта автоматизированными системами личностных ка-

честв соискателей при подборе нового сотрудника и иные.

И действительно, если говорить о сохранности личных данных, которые искусственному интеллекту необходимы для проведения различных исследований относительно коллектива, можно обнаружить конфликтогенность данного аспекта цифровизации менеджмента. Дело в том, что на сегодняшний день ряд инструментов искусственного интеллекта, например, программа Oracle Fusion HCM, позволяют специалистам по работе с персоналом получать данные об психологических исследованиях, которые сотрудники проходят в приложениях, о проблемах, которыми делятся работники [5]. С одной стороны, это позволяет менеджерам предупреждать возникновение деструктивных последствий сложных функциональных состояний членов коллектива, но с другой стороны – такие моменты могут быть очень личными для ряда работников. Вопрос об этичности использования такого рода персональных данных, без прямого на то разрешения реципиента, остаётся открытым. Помимо этого, некоторые современные программы искусственного интеллекта могут отслеживать и передавать руководству информацию о намерении сотрудника покинуть организацию, что не всегда может иметь конструктивные последствия. Например, может сложиться ситуация, когда, узнав данную информацию, руководитель перестанет мотивировать работника, будет относиться к нему иначе, может даже возникнуть конфликт, хотя сотрудник ещё только рассматривал вариант увольнения [1]. Это показывает, что часть информации должна быть строго конфиденциальной и раскрываться только в результате прямого разрешения работника в конкретном случае. Однако, до конца не разработан ответ на проблему утечки личной информации сотрудников. Рано или поздно такая ситуация может произойти в любой кампании, и всё же чёткого решения данного вопроса ещё

нет. Осознание данного факта также является конфликтогенным аспектом внедрения автоматизированных программ в работу системы управления персоналом – не все сотрудники будут согласны на передачу своих данных, понимая, что нет гарантии их сохранности.

Безусловно, вопрос об этических аспектах применения цифровых технологий в рекрутинге стоит особо остро. Связано это с проблемой дискриминации. Дело в том, что ряд исследователей утверждают, что автоматизированные системы более объективны, чем специалист по управлению персоналу. В алгоритм программы включаются определённые качества, которыми должен обладать соискатель, поэтому субъективная составляющая решения при подборе кандидатов исключена, как исключена и дискриминация по любым признакам. Однако иные исследователи, например, О. Б. Дигилина, обращают внимание на человеческий фактор при создании искусственного интеллекта – в его алгоритм изначально могут быть заложены дискриминационные установки, которые будут распознаны не сразу [3]. Это, в свою очередь, может стать конфликтогенным на уровне макросреды организации, поскольку вокруг компании может сложиться образ дискриминирующей, отвергающей ценность равноправия. Хотя и во внутренней среде организации может возникнуть противоречие – кто из специалистов заложил такие данные в программу?

Здесь можно обнаружить ещё один ряд конфликтогенов, связанных с автоматизацией менеджмента. Речь идёт об ошибках, совершаемых искусственным интеллектом в процессе реализации различных задач системы управления персоналом. Безусловно, специалисты сами иногда допускают ошибки в управленческих решениях, однако ответственность за это тоже несут они. А в ситуации, когда ошибку совершает алгоритм не всегда понятно, кто же ответственен за неверно сделанный выбор. Конфликтный потенциал данных ошибок скрывается в реакции коллектива:

фрустрация наступает из-за непонимания, как произошла такая ситуация и кого в этом «винить». Ведь сбои в работе системы управления персоналом могут иметь очень серьёзные последствия. У сотрудника, попавшего из-за этого в неприятную ситуацию, может возникнуть неприятие происходящего, даже агрессия, которая, как ни странно, должна найти выход. Когда «виновник» известен – что делать понятно, но, когда «виновата», по сути, программа, работник может рассеивать накопившееся напряжение на весь коллектив, на отдел управления персоналом, создавая тем самым конфликты, причём крайне деструктивные.

Можно заметить, что многие из представленных выше конфликтогенов так или иначе связаны с той самостоятельностью, которая предоставляется искусственному интеллекту при принятии управленческих решений. Это не значит, что каждая функция, осуществляемая автоматизированной системой, должна быть под контролем, но в тоже время многие специалисты отмечают, что важные решения должны принимать именно люди – специалисты в области управления персоналом. Помимо этого, как замечает в своём исследовании Я. Г. Одинцова, для того чтобы цифровизация менеджмента прошла наиболее успешно, необходимо развивать инновационный потенциал организации в целом, вовлекать работников в данный процесс, грамотно информируя их [7].

Важно отметить, конфликтоген – это действие или бездействие, которое может привести к возникновению противоречий, в том случае, когда оно оценивается как конфликтное [13, с. 40], однако наличие конфликтогенов в том или ином явлении не означает, что конфронтация точно возникнет. Как уже отмечалось ранее, любой конфликт содержит в себе не только деструктивный, но и конструктивный потенциал, а значит грамотная работа с противоречиями – это возможность для развития, в первую очередь. Вот почему, при изучении процессов автоматизации си-

системы управления персоналом важно изучать конфликтный потенциал данного явления: специалистам-менеджерам необходимо понимать, что конфликт – это не всегда вред для организации, но с ним нужно уметь работать, чтобы повышать эффективность работы коллектива. Цифровизация – это потенциально конфликтно-генный процесс, однако в тоже время он даёт важные преимущества системе управления персоналом.

В завершении, обратимся к выводам, которые в своей книге «21 урок для XXI века» сделал профессор из Израиля Ю. Н. Харари [11]. Автор предположил, что к 2050 году все сферы экономики и труда будут автоматизированы: от работы водителя, до психотерапевтических мероприятий. Трудно сказать, насколько такой прогноз реалистичен, но интересны мысли, которые учёный делает на основе данного утверждения. Харари говорит о необходимости сотрудничества человека и автоматизированных систем. Он приводит пример с шахматной программой – её введение не повлияло на вовлечённость людей в игру, наоборот, искусственный интеллект помогает им развивать свои навыки. Этот вывод справедлив и относительно цифровизации системы управления персоналом: для развития не только данного функционального отдела, но и всей организации в том числе, необходимо сотрудничество и грамотное распределение обязанностей между программами и специалистами.

Библиографический список

1. Берзина М. Е., Иванова И. И., Устратова И. А., Мельничук А. В. Роль искусственного интеллекта в сфере управления персоналом // Новое поколение. 2019. № 20. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37624030> (дата обращения: 11.01.2022).
2. Гладкая К. В., Тихонов А. И. Автоматизация задач в области управления персоналом с помощью HR-бота // Московский экономический журнал. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtomatizatsiya-zadach-v-oblasti-upravleniya-personalom-s-pomoschyu-hr-bota> (дата обращения: 09.01.2022).
3. Дигилина О. Б. Корпоративные инструменты в управлении персоналом: искусственный интеллект // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. № 3. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37752590> (дата обращения: 11.01.2022).
4. Климчук Т. В., Уваров М. А. Искусственный интеллект в сфере управления персоналом // Вестник науки и образования. 2020. № 13-2 (91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-sfere-upravleniya-personalom> (дата обращения: 24.02.2022).
5. Коновалова В. Г. Влияние искусственного интеллекта на гуманизацию управления персоналом // Актуальные вопросы управления персоналом в условиях постпандемической экономики: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 08 апреля 2021 года. 2021. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47463412> (дата обращения: 11.01.2022).
6. Михайлов А. А., Федулов В. И. Особенности автоматизации HR-процессов в российских компаниях // Вестник Академии знаний. 2020. № 2 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-avtomatizatsii-hr-protsessov-v-rossiyskih-kompaniyah> (дата обращения: 24.02.2022).
7. Одинцова Я. Г. Новые возможности управления персоналом в условиях цифровизации // Ученые записки Тамбовского отделения РГСУ. 2020. № 20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-vozmozhnosti-upravleniya-personalom-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (дата обращения: 24.02.2022).
8. Семина А. П. Автоматизация процесса управления персоналом // Вестник Академии знаний. 2020. № 1 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtomatizatsiya-protssesa-upravleniya-personalom> (дата обращения: 24.02.2022).
9. Сюй Цзинь-Ли Управление инновационными конфликтами в российских организациях: автореф... дис. кан. социол. наук. – Москва : 2010. – 23 с.
10. Тихонов А. И. Основные задачи российских компаний, решаемые с помощью HR-аналитики // ЕГИ. 2020. №2 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-zadachi-rossiyskih-kompaniy-reshaemye-s-pomoschyu-hr-analitiki> (дата обращения: 11.01.2022).

11. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века / пер. с англ. Ю. Гольдберга. – Москва: Синдбад, 2019. – 414 с.
12. Чуланова О. Л., Хайбуллова К. Н. Исследование применения технологий искусственного интеллекта в управлении персоналом современных организаций // Вестник евразийской науки. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-primeneniya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-v-upravlenii-personalom-sovremennyh-organizatsiy> (дата обращения: 28.02.2022).
13. Шейнов В.П. Управление конфликтами. – Санкт-Петербург: Питер, 2019. – 572 с.

© Бушмелева М. А.,
Смирнова Е. М., 2022.

УДК 658.310.9

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ОЦЕНКИ КОНФЛИКТНОГО ПОТЕНЦИАЛА
СОТРУДНИКОВ В РАМКАХ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ****М. А. Бушмелева****Е. М. Смирнова***Старший преподаватель,
ORCID 0000-0001-9010-3289,
e-mail: BushmelevaMA@gup.ru,**студентка,
ORCID 0000-0002-5843-3453,
e-mail: lizasmirnova190101@yandex.ru,
Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов,
г. Санкт-Петербург, Россия***IMPLEMENTATION OF CONFLICT POTENTIAL'S
EVALUATION PROCESS AMONG EMPLOYEES WITHIN THE FRAMEWORK
OF PERSONNEL MANAGEMENT SYSTEM****M. A. Bushmeleva****E. M. Smirnova***Senior lecturer,
ORCID 0000-0001-9010-3289,
e-mail: BushmelevaMA@gup.ru,**student,
ORCID 0000-0002-5843-3453
e-mail: lizasmirnova190101@yandex.ru,
Saint Petersburg University
of the Humanities and Social Sciences,
Saint Petersburg, Russia*

Abstract. Economic development led to various changes in the theory of personnel management. Modern management is based on taking into account personal interests and professional qualities of employees when developing an efficient organization management strategy. At the same time destructive conflicts can arise in organization microenvironment and they can interfere with the efficient teamwork. That is why one of the tasks of the personnel management system is the prevention of conflict situations among working collective. The main stage of this process is prediction the tension increase, which involves assessing the conflict potential of employees. In this paper various technologies, which help to assess conflict intensity in the workforce, and specific realization features of this process are considered.

Keywords: conflict potential; personnel management system; anticipating conflict; employee's personality; analysis tools.

В наши дни, в связи с общемировыми процессами глобализации, информатизации, гуманизации меняется многое, в том числе экономические реалии, в рамках которых осуществляют свою деятельность различного рода организации. С изменением рынка, то есть макросреды различных корпораций, производств, частных и государственных компаний, нововведения появляются и во внутренней организационной среде.

В настоящее время меняется философия управления персоналом. Сотрудники рассматриваются не просто с точки зрения человеческого ресурса организации (как некоего придатка к организационной системе) – они помещаются в центр процесса функционирования компаний. Современный менеджмент строится, исходя из повышения значимости знаний, навыков и инновационных идей работников, которые в своей совокупности представляют интеллектуальный потенциал организа-

ции, определяющий стоимость товаров и услуг, а также успешность компаний на постоянно изменяющейся арене рынка. Важно отметить, место работника в организационной структуре определяется теперь не только соответствием уровня его знаний занимаемой должности – важным становится учёт личностных качеств сотрудника, социально-психологических паттернов его поведения при соотнесении их с выполняемой трудовой функцией [2, с. 188], а также при создании коллектива, важным качеством которого является сплочённость. Таким образом, деятельность по управлению персоналом качественно меняется: речь уже идёт не только об обеспечении организации кадровыми ресурсами, как это понималось ранее, но и о создании комплексного подхода работы с сотрудниками, включающего в себя разработку системы мер, направленных на повышение эффективности кадрового потенциала, создание определённых условий труда при консолидации материальных и нематериальных ресурсов компаний. Наиболее популярным и востребованным направлением в менеджменте сегодня можно назвать HR-менеджмент, основной задачей которого является соотнесение личных ценностей и целей сотрудников с целями организации и бизнеса в целом [1, с. 5]. Общая тенденция управления персоналом сегодня такова: успешность компаний на рынке зависит, прежде всего, от трудового коллектива, а также от того, насколько грамотно и эффективно проводится работа по организации его функционирования.

Итак, как уже отмечалось ранее, в управлении персоналом применяется системный подход [7], предполагающий создание собственно системы управления персоналом, тесно взаимодействующей с иными системными элементами организации. Причём, что интересно, есть несколько вариантов включения данного механизма в организационную структуру [6]. Во-первых, система управления персоналом может быть штабным органом,

находящимся в подчинении руководителя организации и стоящим на одном уровне с иными структурными подразделениями. Во-вторых, она может занимать более высокое положение относительно иных штабных структур, являясь частью системы руководства. В-третьих, управление персоналом может быть частью иных функциональных структур организации, находясь в их подчинении. И в-четвёртых, данный механизм может быть подчинён только руководителю по администрированию. Однако, как отмечает большинство специалистов, система управления персоналом приобретает большую эффективность именно в ситуации её включения в систему руководства организации. В таком случае, у менеджеров появляется больше возможности влияния на процессы, происходящие внутри организации, ведь данное положение позволяет менеджеру напрямую участвовать в процессе разработки кадровой политики организации. В том числе, одним из функциональных направлений деятельности системы управления персоналом является работа с возникающими конфликтными ситуациями.

Будучи системным образованием, менеджерское управление состоит из ряда подсистем, каждая из которых направлена на обеспечение того или иного аспекта работы коллектива. В качестве одной из них выделяют социально-психологическую подсистему как структуру, направленную на обеспечение психологического климата микросреды организации [5]. В её компетенцию, в том числе, входят вопросы межличностного взаимодействия сотрудников, которые включают в себя аспекты формального и неформального общения, личностных и групповых детерминант. Стоит отметить, что нарушения в психологическом климате коллектива могут быть вызваны различными причинами, связанными как с микро-, так и с макросредой организации, вследствие чего уровень напряжённости превысит нормальный. Это, в свою оче-

редь, может привести к возникновению конфликтных ситуаций, обладающих деструктивным потенциалом. В то же время, в качестве одной из основных целей системы управления персоналом называют удовлетворение потребностей сотрудников [4, с. 135], и речь идёт не столько о материальных нуждах работников, сколько об их социально-психологических потребностях, таких как потребность в уважении и признании, самореализации. Их наиболее полное удовлетворение возможно только при условии создания нормальных условий труда, в том числе, при нормализации психологического климата. Вот почему работа с конфликтами является одним из направлений деятельности системы управления персоналом, хотя специалисты в области теории менеджмента обращают недостаточное внимание на этот аспект.

Между тем, конфликтные ситуации, возникающие в организации, как уже отмечалось выше, могут нести в себе и конструктивный, и деструктивный потенциал. Безусловно, в рамках системы управления персоналом акцент в первую очередь делается на позитивных аспектах конфликта, таких как выход негативных эмоций, инновационные решения и действия, направленные на улучшение существующего положения. Однако, нельзя забывать, что конфликтная ситуация только тогда эффективна, когда ей грамотно управляют, проблему урегулируют. В иных случаях, противоречия содержат в себе потенциал, выражающийся в рассогласованности коллектива, что, в свою очередь, приводит к снижению продуктивности и эффективности его работы. Поэтому, можно сказать, что одним из функциональных направлений системы управления персоналом должна быть деятельность по предупреждению возникновения условий, провоцирующих появление в коллективе деструктивных противоречий, то есть профилактика возникновения конфликтных ситуаций. Особенность

данной деятельности заключается в том, что невозможно точно предсказать, какой направленности конфликт возникнет и насколько интенсивным будет его протекание. В то же время, без профилактики конфликтов развитие деструктивных тенденций в коллективе может стать бесконтрольным и хаотичным. Поэтому, первым и, можно сказать, базисным этапом профилактики конфликтов является деятельность по направленной на прогнозирование возникновения конфликтных ситуаций в организации.

Это обоснованное предположение о возможном появлении противоречий в организационной микросреде, возможных тенденциях их развития и протекания [3]. Данная деятельность строится на комплексном анализе существующей ситуации в трудовом коллективе и выявлении различных детерминант появления конфликтных ситуаций, связанных как с организационной средой, так и с личностными особенностями персонала. Обобщенно, данную характеристику можно определить как конфликтный потенциал сотрудников. Данный потенциал выражается в стремлении человека защищать свои потребности посредством конфликтного взаимодействия, которое проистекает из совокупности характеристик, присущих субъекту конфронтации. Здесь важно уточнить: конфликтный потенциал присущ не только конкретному сотруднику, но и коллективу, и даже организации в целом. Поэтому, можно говорить о наличии двух видов конфликтного потенциала сотрудников: индивидуально-личностного и организационно-структурного [9, с. 158–159]. Его оценка производится на основе анализа конфликтогенов, присущих и характеру человека, и организационной среде.

Индивидуально-личностный конфликтный потенциал представлен индивидуальными особенностями сотрудников, их психологическими характеристиками, влияющими на поведение, в том числе и в конфликтных ситуациях. К ним

можно отнести такие поведенческие детерминанты как темперамент, свойства реактивности, характеристики эмоциональных реакций и иные. Данные естественные особенности психики сотрудников, в свою очередь, составляют личность работника, которая, помимо всего прочего, может являться конфликтной (то есть обладать особыми паттернами поведения в ходе конфронтационного взаимодействия) [10, с. 426–428]. Оценка индивидуально-личностного конфликтного потенциала сотрудника позволяет прогнозировать не только вероятность появления конфликтной ситуации, но и её динамику, которая как раз-таки зависит от активности сотрудника в конфликтном взаимодействии, от его эмоциональных реакций на те или иные ситуации.

Функциональную направленность потенциальных противоречий позволяет определить оценка организационно-структурного конфликтного потенциала. Данный потенциал выражается в различных организационных характеристиках, оказывающих влияние на стремление работников принять участие в конфронтационном взаимодействии. К таковым можно отнести психологический климат в коллективе, систему мотивации персонала, а также условия труда. В совокупности данные характеристики составляют корпоративную культуру организации, также оказывающую значительное влияние на возникновение противоречий в коллективе. Если она не соответствует ожиданиям сотрудников, создавалась без учёта их интересов и потребностей, то такая корпоративная культура и её составляющие могут стать основанием для развития высокого организационно-структурного конфликтного потенциала, что, в свою очередь, негативно отразится на уровне социальной напряжённости трудового коллектива.

Итак, для оценки общего конфликтного потенциала сотрудников необходимо учитывать интегративные показатели его индивидуально-личностных и организационно-структурных компонентов. По-

этому данная деятельность предполагает использование комплексного подхода, выраженного в создании систематизированной программы по оценке указанных выше характеристик. Она должна включать в себя использование различных методов и технологий анализа конфликтотегов микросреды организации, к которым можно отнести использование наблюдения и различных опросных методик.

Можно предположить, что для оценки индивидуально-личностного конфликтного потенциала сотрудников наиболее эргономичным будет использование технологий тестирования. Связано это с тем, что зачастую сотрудники системы управления персоналом не обладают достаточной компетенцией в области психологии и конфликтологии для проведения, например, бесед с исследуемым персоналом. В то же время опросники содержат в себе чёткие правила интерпретации полученных результатов, а также теоретический материал, необходимый для понимания полученной информации, что позволяет анализировать ситуацию специалистам, не обладающим углублёнными знаниями в области психологии. Выделим ряд тестирований, которые можно использовать в ходе проведения оценки индивидуально-личностного конфликтного потенциала сотрудников. Отнесём к таковым:

- методики экспресс-диагностики Бойко – небольшие по объёму опросники, позволяющие выявить психоэмоциональные особенности личности (склонность к неуправляемой эмоциональной возбудимости, состояние фрустрации и иные);
- методика самооценки конфликтности, разработанная Емельяновым С. В., которая позволяет выявить уровень конфликтности личности работника. На данном момент тестирование представлено в двух вариантах;
- опросник Кеннета Томаса и Ральфа Киллмена, который является частнонаучным инструментом конфликтологии, позволяющем выявить паттерны пове-

дения человека в конфликтных ситуациях, то есть, стратегии его поведения;

- личностный опросник СМЛ (стандартизированный метод исследования личности), который является адаптированной версией известного многоаспектного личностного опросника MMPI (Minnesota Multiphasic Personality Inventory), разработанного американскими исследователями Хэттуэем С. и Маккинли Дж. в 1940 г. Данное тестирование позволяет выявить особенности характера, поведения, психических отклонений сотрудника и многие другие психологические показатели.

Необходимо отметить, что опросные технологии также применимы при оценке организационно-структурного конфликтного потенциала сотрудников. Могут быть использованы:

- модульный социотест Анцупова А. Я., разработанный для выявления и анализа взаимоотношений в коллективе, а также его конфликтных тенденций;
- опросник «Maslach Burnout Inventory» (MBI), позволяющий определить на ранних стадиях развитие профессионального выгорания у сотрудников;
- методика «Возможность реализации мотивов» (ВРМ), которая представляет собой отечественную разработку исследователей Доминьяка В. и Родионовой Е. А., необходимую для анализа уровня реализации мотивов сотрудников и выявления тех, кто чувствует недостаточное внимание к учёту их интересов.

Однако, они могут быть дополнены технологией наблюдения. В силу того, что любое тестирование определено в рамках заданных критериев, оно не может полностью отразить картину происходящих в коллективе процессов. Наблюдения помогут заметить те моменты, которые были упущены в ходе применения опросных технологий, а также составить более полную, комплексную и структурированную

мозаику конфликтного потенциала сотрудников с учётом всех выявленных характеристик.

Итак, выбрав необходимые для комплексного анализа технологии, необходимо при создании программы оценки учесть некоторые особенности проведения такого рода мероприятий в трудовом коллективе. Дело в том, что любая программа предполагает не только разработку теоретической и научной базы аналитических мероприятий – достоверность результатов подобного рода исследований в большей степени будет зависеть от практических аспектов реализации программы оценки конфликтного потенциала сотрудников. Специалисты выработали ряд правил, которые необходимо брать в расчёт при составлении плана работы с коллективом [8, с. 75].

Во-первых, нужно учитывать обстановку, в которой будет проходить исследование. Она должны быть максимально комфортной для респондентов, и речь идёт не только о материальных составляющих, но и о состоянии участников исследования. Сотрудники должны чувствовать себя максимально уверенно, поэтому в качестве одного из этапов проведения диагностики выделяют этап информирования респондентов. Важно объяснить участникам, с какой целью проводится исследование и какую роль оно играет в работе организации. И вот здесь специалистам, разрабатывающим программу аналитической работы необходимо учесть фактор скепсиса, с которым участники могут отнестись к исследованию. Дело в том, что в российской практике отношение к психологам, и уж тем более к молодой профессии конфликтологов, остаётся не доверительным. Данных специалистов воспринимают как «стукачей», доносящих информацию руководителям организации. Возвращаясь к вопросу о месте системы управления персоналом в организации, хочется отметить, что данная проблема наиболее актуальна для компаний, в кото-

рых менеджмент является штабным органом, подчинённым различного уровня руководителям. Таким образом, важно при составлении программы оценки конфликтного потенциала сотрудников разрабатывать также вопрос о степени последствий такого рода исследований. Необходимо донести до сотрудников – исследование проводится с целью улучшения условий их деятельности, развития организации, а не с целью «чистки неугодных» сотрудников. «Неугодных» нет, ведь конфликт – это нормальное явление, управляя которым можно прийти к конструктивным результатам.

Во-вторых, при разработке программы исследования необходимо рассчитывать время, которое может быть затрачено на работу. Специалисты указывают, что тестирование должно занимать не более 3-х часов, но, на наш взгляд, на практике такое время будет воспринято сотрудниками как излишнее. В действительности, учитывая загруженность работников (особенно в кризисные периоды деятельности организации), а также их скептическое отношение, о котором мы уже говорили ранее, время, которое возможно использовать для проведения мероприятий по оценке конфликтного потенциала, сокращается до 30 минут – 1 часа. Использование большего количества времени может негативно сказаться на результатах применения опросных технологий. Поэтому, выбирая методы тестирования, необходимо обращать внимание не только на их научную эффективность, но и на объём, сложность формулировок. Так, например, приведённый нами выше личностный опросник ММРІ включает в себя более 500 вопросов. Он признан в качестве одного из наиболее комплексных методов исследования характеристик личности, однако вопрос о его эффективности в рамках исследования микросреды организации остаётся открытым.

Итак, в данной работе были рассмотрены основные аспекты реализации оценки конфликтного потенциала сотрудников

при осуществлении деятельности системы управления персоналом по профилактике возникновения конфликтных ситуаций. Нужно сказать, что наиболее эффективно данная деятельность будет способствовать улучшению работы организации в случае её систематического применения. Однако, оценка конфликтного потенциала сотрудников может осуществляться ситуативно, в случае заметного изменения уровня социальной напряжённости в коллективе. В тоже время, здесь встаёт вопрос о наличии в системе управления персоналом специалистов, обладающих достаточной компетентностью для выявления конфликтных тенденций в организационной микросреде. Речь идёт в первую очередь о конфликтологах и психологах, специализирующихся в области изучения конфликтов. На сегодняшний день очень мало организаций, в штат сотрудников которых включены данные специалисты. Это проблема, решение для которой ещё только предстоит найти.

Библиографический список

1. Блюм М. А. Коробова О. В., Уляхин Т. М. HR-менеджмент в системе управления коммерческим предприятием: монография. – Тамбов : ООО «Консалтинговая компания Юком», 2016. – 95 с.
2. Гапоненко А. Л. и др. Менеджмент : учебник для вузов. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 398 с.
3. Денисова О. Г. Научное прогнозирование социального конфликта: теоретические подходы и методы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 1-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnoe-prognozirovanie-sotsialnogo-konflikta-teoreticheskie-podhody-i-metody> (дата обращения: 11.01.2022).
4. Кибанов А. Я. Управление персоналом организации : учебник. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 638 с.
5. Коваленко Т. В., Митасова А. А. Современные социально-психологические аспекты управления персоналом // Инновационные технологии в машиностроении, образовании и экономике. 2017. Т. 12. № 4-5(6). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30766857> (дата обращения: 13.01.2022).

6. Мехреньгина Д. С. Структура системы управления персоналом на предприятии // Молодой ученый. 2021. № 5 (347). URL: <https://moluch.ru/archive/347/78078/> (дата обращения: 21.01.2022).
7. Муравьева А. С. Системный подход в управлении персоналом как конкурентное преимущество предприятия // Современные исследования. 2018. № 11(15). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36685403> (дата обращения: 16.01.2022).
8. Психологическая диагностика в управлении персоналом: учебное пособие для сотрудников кадровых служб / Е. А. Климов, Т. Ю. Базаров, М. О. Калашников, Е. А. Аксёнова; под ред. Климова Е. А. – Москва: РПО, 1999. – 184 с.
9. Цой Л. Н. Организационный конфликт-менеджмент. 111 вопросов, 111 ответов. – Москва : Книжный мир, 2012. – 352 с.
10. Шейнов В. П. Управление конфликтами. – СПб : Питер, 2019. – 567 с.

*© Бушмелева М. А.,
Смирнова Е. М., 2022.*

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Е. С. Александрова

*Кандидат филологических наук, доцент,
ORCID: 0000-0001-5445-0048,
e-mail: e.aleksandrova@volsu.ru,*

Н. А. Сытина

*кандидат филологических наук, доцент,
ORCID 0000-0001-8247-6157,
e-mail: n.sytina@volsu.ru,
Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Россия*

LINGUOSTYLISTIC SPECIFICITIES OF COMIC TEXTS TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

E. S. Aleksandrova

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
ORCID: 0000-0001-5445-0048,
e.aleksandrova@volsu.ru,*

N. A. Sytina

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
ORCID 0000-0001-8247-6157,
e-mail: n.sytina@volsu.ru,
Volgograd State University,
Volgograd, Russia*

Abstract. The article deals with the issues of adequate film dialogues translation from English language into the Russian, containing humor component. There is a growing interest among researchers in audio media not only as a mean of digital technology, but also as a way transferring information by film translation. The lexical and stylistic analysis makes it possible to determine lexical translation transformations, as well as difficulties in transmitting humour of foreign environment to speakers of other languages. It was found out that the most frequent lexical semantic operations in transformations are addition, omitting, calquing and contextual substitution. To adopt original film dialogue to different cultural environment with the aim to preserve the author intentions is the major concern of an interpreter.

Keywords: film translation; literary translation; humour component; linguocultural component; translation transformations.

Как известно, проблема киноперевода является актуальной в современном мире и исследования в этой области привлекают специалистов различных научных направлений. Являясь разновидностью художественного перевода, перевод в кино как лингвистическое образование обладает сущностными характеристиками и особенностями, когда лингвистический

компонент должен быть адаптирован для инокультурной аудитории. Особенно это важно для перевода кинодиалогов с юмористической составляющей. В силу культурных и ментальных отличий, например, англосаксонский или американский юмор может быть непонятным и даже странным для носителей русской культуры, соответственно, основная задача переводчика за-

ключается в создании адекватного перевода при сохранении юмористической направленности.

Предметом данного исследования является специфика лингвостилистических особенностей перевода юмора в американском сериале «Friends» («Друзья»).

Новизна работы заключается в том, что киноперевод как объект лингвистического исследования является достаточно новым явлением в научных исследованиях.

Цель нашей работы заключается в выявлении лингвистических особенностей перевода кинотекстов юмористической направленности с английского на русский язык и сложностей передачи лингвокультурного компонента текстов кино.

Методологической базой исследования послужили научные работы ведущих отечественных и зарубежных лингвистов по теории перевода и труды, посвященные изучению специфики киноперевода (Н. Ю. Афанаскина [1], Л. С. Бархударов [2], Е. А. Колодина [4], В. Н. Комиссаров [5], Ю. М. Лотман [6], Р. К. Миньяр-Белоручев [7], А. Д. Швейцер [9], A. Chesterman, E. Wagner [12], G. Genette [13], J. Sanders [14]).

Следует отметить, что создание адекватного текста перевода требует переводческих трансформаций, когда в результате перефразирования создается новый текст на иностранном языке. Анализ специальной лингвистической литературе позволил выявить разнообразие типологий трансформаций, вместе с тем, большинство лингвистов считают, что грамматические, лексические и смешанные – это основные виды переводческих трансформаций [2, 4, 7, 8]. В данной работе мы будем руководствоваться классификацией лексических трансформаций, выделенных Я. И. Рекцером: дифференциация, конкретизация, генерализация, модуляция, антонимический перевод, целостное преобразование, компенсация [8].

Материалом нашего исследования послужили реплики персонажей из извест-

ного американского сериала «Friends» и его дублированный перевод на русский язык «Друзья». Это комедийный телесериал, повествующий о жизни шестерых друзей, дает возможность выявить, какими именно способами выражается юмор в сериале «Friends» («Друзья»), в частности, как юмористическая составляющая была отражена в переводе, и какие трансформации использовал переводчик при передаче коммуникативной цели высказываний.

Опираясь на письменный компонент кинотекста (субтитры), было проанализировано несколько дублированных переводов сериала, выполненных различными компаниями: перевод телеканала «СТС» и перевод компании «Paramount Comedy».

Для просмотра сериала мы воспользовались сайтом <http://kinobox.cc/tvshow/komediya/22-90-1-1-druzja.html>, который дает возможность переключаться между переводами. Американский сериал «Friends» («Друзья») в оригинале на английском языке с субтитрами на английском языке можно найти в общем доступе на сайте 2sub.tv <http://2sub.tv/76-friends-1-season-druzja-1-sezon-1994.html>.

Обратимся к анализу фрагментов сериала и перевод фраз кинодиалога с шутками в нем, начиная с первой серии.

Оригинал:

- *There's nothing to tell! It's just some guy I work with.*

- *Come on! You are going out with the guy. There's got to be something wrong with him.*

Перевод телеканала «СТС»:

- *Что тут рассказывать? Просто мы с ним вместе работаем.*

- *Да брось! Ты с ним встречаешься. Наверняка какой-нибудь жуткий урод.*

Перевод кинокомпании «Paramount Comedy»:

- *Да нечего рассказывать! Парень, с которым работаю.*

- *Да ладно! Ты же с ним встречаешься, Наверняка какой-нибудь урод.*

Рассмотрим одну из реплик персонажей: *There's nothing to tell!* (прим. перевод: *Нечего рассказывать!*). На телеканале «Paramount Comedy» переводчик предложил дословный перевод без каких-либо переводческих трансформаций. Но если обратиться к переводу данной фразы на канале СТС, то можно заметить синтаксическую трансформацию. Повествовательное предложение заменяется вопросительной конструкцией. Вместе с тем, если вслушаться в интонацию предложения на языке оригинала, то вопрос в данном случае представляется не очень уместным.

Обратимся к «юмористической» направленности кинодиалога. *You are going out with the guy. There's got to be something wrong with him.* (дословно: *Ты идешь на свидание (встречу) с парнем. С ним, должно быть, что-то не так*). В данной шутке очевидно использование такого приема как ирония, что предает явную насмешку. Теперь проанализируем, как данное ироничное высказывание перевели на русский язык, и какие переводческие приемы при этом были использованы. Например, перевод телеканала СТС: *Наверняка какой-нибудь жуткий урод.* Примерно такой же перевод, только без слова «*жуткий*», предлагает телеканал «Paramount Comedy». Можно предположить, что переводчик решил, что фраза «*с ним что-то не так*» не содержит юмористической тональности для русской аудитории, поэтому конструкция полностью меняется. Таким образом, можно выделить такие переводческие приемы как добавление и компенсация.

Рассмотрим другой фрагмент кинодиалога.

Оригинал:

- *So does he have a hump and a hairpiece?*

Перевод телеканала «СТС»:

- *Почему урод? Ну, слегка горбатый!*

Перевод кинокомпании «Paramount Comedy»:

- *Может он горбатый? Горбатый и лысый?*

В этом фрагменте явно прослеживается сарказм и черный юмор. Неизвестному человеку, которого никто из героев еще не видел в реальности, приписывают физические недостатки, например горб. Если перевести фразу с английского языка буквально, получится «*Так у него есть горб и шиньон (парик)?*». Согласно онлайн версии словаря Cambridge Dictionary слово «*hairpiece*» is an artificial covering of hair used to hide an area of the head where there is no hair (прим. перевод: искусственное покрытие волос, используемое, чтобы скрыть область головы, где нет волос) [10].

Перейдем к анализу перевода этой фразы. В переводе канала «СТС» можно наблюдать изменения на уровне синтаксического строя: в исходном тексте наблюдается одно предложение, в тексте перевода переводчик предлагает два предложения: одно вопросительное предложение трансформируется в вопрос и восклицательное предложение. Преобразования также происходят на лексико-семантическом уровне. Кинофраза оригинального диалога не содержит вопрос: «*Почему урод?*», поэтому можно сказать, что переводчик использовал прием «компенсации». Далее следует фраза «*Ну, слегка горбатый!*». Исходный текст действительно содержит информацию о горбе. Но в переводе отсутствует фраза о парике и, следовательно, переводчик использовал прием «опущение». Переводчик компании «Paramount Comedy» решил оставить оба недостатка персонажа, и перевод содержит информацию и о горбе, и о лысине. Вместе с тем, в оригинальном кинотексте идет речь только о парике, в том время как фраза перевода содержит информацию о лысине. Этот переводческий прием называется, согласно В. Н. Комиссарову, «модуляция» или «смысловое развитие» – это замена лексической единицы исходного языка единицей переводного языка, значение которой выводится из значения исходной лексической единицы логически [5]. Чаще всего

значения соотнесенных слов в оригинале и переводе оказываются при этом связанными причинно-следственными отношениями. В данном случае лысина – это причина, а парик – это следствие, так как из-за проблем с выпадением волос люди чаще всего покупают парики. Можно предположить, переводчик решил, что для русскоговорящей аудитории юмористический компонент фразы станет понятнее со словом лысина, поэтому использовал такой прием как «модуляция».

Рассмотрим следующие особенности передачи информации с юмористической направленностью.

Оригинал:

- *This guy says "hello", I wanna kill myself.*

Перевод телеканала «СТС»:

- *От такого приветов повеситься можно!*

Перевод кинокомпании «Paramount Comedy»:

- *После такого приветов удавиться хочется.*

В этой фразе опять можно заметить иронию. Дословный перевод: *Этот парень сказал: «привет», а мне хочется убить себя.* Конечно же, в русском варианте фраза «убить себя» не очень смешно звучит, поэтому переводчик компании «СТС» решил использовать прием «конкретизации». Убить себя можно разными способами, это общее выражение. Повеситься – это уже уточнение. Также при переводе переводчик использовал прием опущения, убрал информацию об «этом парне», оставил только «привет». Перевод компании «Paramount Comedy» очень похож на предыдущий анализируемый вариант. Однако, в нем переводчик решил заменить конкретизацию «повеситься» на немного просторечное, но синонимичное выражение «удавиться».

Оригинал:

- *Hey, everybody! This is Rachel. Another Lincoln High survivor.*

Перевод телеканала «СТС»:

- *Ребята! Это Рейчел! Еще одна жертва нашей средней школы.*

Перевод кинокомпании «Paramount Comedy»:

- *Внимание ребята! Это Рейчел! Еще одна жертва нашей школы.*

Начнем анализ с первой фразы «*Hey, everybody!*». Это выражение часто используется в английском языке для привлечения внимания. В данном случае ее использовали как вводную, чтобы затем представить человека. Дословно эта фраза переводится «Эй, все!». Но сама шутка заключается в конце этого фрагмента: *Another Lincoln High survivor* (дословно: Еще один выживший старшей школы им. Линкольна). Именно такой фразой описала свою подругу со школы Моника. В переводе от компании «СТС» мы видим, что шутку перевели как: *Еще одна жертва нашей средней школы.* Согласно онлайн-версии словаря Cambridge Dictionary слово «*survivor*» is someone who continues to live after almost dying because of an accident, illness (дословно: кто-то, кто продолжает жить после того, как чуть не умирает после несчастного случая или болезни). Однако мы видим, что и переводчик телеканала «СТС», и переводчик кинокомпании «Paramount Comedy», переводят слово *survivor* (выживший) как «жертва». Согласно В. Н. Комисарову, такой прием можно считать контекстуальной заменой или окказиональным соответствием – это нерегулярный, исключительный способ перевода единицы оригинала, релевантный только для данного контекста [5].

Оригинал:

- *I realized ... I was more turned on by this gravy boat than by Barry. I got really freaked out and that's when it hit me how much Barry looks like Mr. Potato Head. You know, I mean, I always knew he looked familiar, but...*

Перевод телеканала «СТС»:

- *И тут я поняла, что даже этот несчастный соусник вызывает у меня*

больше эмоций, чем мой жених Барри. А потом я заметила, что если приглядеться у вообще голова похожа на брюкву. То есть я это и раньше видела, но....

Перевод кинокомпании «Paramount Comedy»:

- И тогда я поняла, что меня больше волнует соусник, чем Барри. И тогда я реально психанула! И до меня дошло, что Барри похож на Мистера Картошку. То есть я всегда видела, что он похож но тут....

В данном фрагменте мы видим, что шутка строится на сравнении жениха сначала с соусником, сравниваются отношения к соуснику и к Барри, а затем по внешним характеристикам Рейчел решила, что ее бывший жених похож на игрушку Мистера Картошку. Теперь давайте проследим, как именно переводчики интерпретировали смысл шутки, и какие переводческие приемы при этом использовали. Фразу кинодиалога *«I was more turned on by this gravy boat than by Barry»* дословно можно перевести как: *Меня больше волнует этот соусник, чем Барри*. Фразовый глагол *turn on* согласно Lingvo Live – согласно онлайн-словарю АБВУ можно перевести, как *волновать, одурманивать* [11]. В переводе телеканала «СТС» мы видим множество уточнений и добавлений, например, *turned on: вызывает у меня больше эмоций*. Также в этом переводе добавили определение к слову «соусник», которого в оригинальном диалоге не было – *«несчастный соусник»*. Это добавление видимо служит усилением юмора в данном фрагменте. Перевод компании «Paramount Comedy» очень близок к оригиналу, так как нет добавлений или уточнений, как в выше представленном переводе. Следующую фразу кинодиалога: *«I got really freaked out and that's when it hit me»* дословно можно перевести: *Я была очень взволнована, и именно тогда меня поразило, насколько Барри похож на мистера Картофельную Голову*. Фразовый глагол *freak out* согласно онлайн-версии словаря Cambridge Dictionary от-

носится к разговорному стилю речи и значит *to suddenly become very angry, frightened, or surprised, or to make someone do this* (терять самообладание, приводить в ярость) [10]. Переводчик компании «Paramount Comedy» предлагает следующий вариант перевода: *И тогда я реально психанула! И до меня дошло....* В данном случае этот переводческий прием можно считать окказиональным соответствием, так как выражения *терять самообладание* и глагол *психовать*, не совсем синонимичны, и не в каждой ситуации эти выражения могут быть взаимозаменяемыми. Переводчик телеканала «СТС» данный фрагмент не сохраняет и переходит к следующей важной шутке – сравнению жениха с игрушкой Мистером Картофельная Голова. В связи с этим, следует узнать, что это за игрушка. Согласно онлайн ресурсу Википедия, Мистер Картофельная голова (англ. Mr. Potato Head) – американская игрушка, которая представляет собой пластиковую картофелину, к которой прилагается множество аксессуаров [3]. Эти детали можно прикреплять к «телу» в произвольном порядке. В классический комплект Мистера Картофеля всегда входят глаза, уши, руки, ботинки, кепка, зубы, язык и усы, которые могут также служить бровями. В русской лингвокультуре такой игрушки не существует, соответственно, русскоговорящий зритель не поймет значение этой шутки. Поэтому в данном случае переводчикам пришлось использовать различные приемы для передачи этой реалии. В переводе телеканала «Paramount Comedy» переводчик решил использовать прием калькирование, перевел название игрушки с английского языка на русский без каких-либо уточнений, только опустив слово «Голова», просто оставил «Мистер Картошка». Вместе с тем, следует отметить, что переводчик телеканала «СТС» принимает решение заменить английскую реалию на обычный овощ – брюква. В данном случае значение шутки полностью поменялось. Если посмотреть на картинку американской иг-

рушки Мистера Картофельная Голова, то можно представить Барри, как смешного парня с большой головой, большим носом, усами и большими ушами. А когда мы слышим, что Барри напоминает брюкву, такого смешного образа не возникает. Можно даже сказать, что этот образ вообще непонятный. Многие люди не имеют представления, что такое брюква, так как это непопулярный овощ в России. Поэтому можно сказать, что переводчик компании «СТС» не справился со своей задачей, и не довел суть шутки до русскоговорящих зрителей.

Проведенный анализ переводов кинотекстов американского сериала «Friends» («Друзья») с английского языка на русский позволил выявить лингвостилистические особенности тестов с юмористической составляющей в этом сериале, а также определить, какими переводческими приемами и трансформациями воспользовались переводчики, чтобы добиться эквивалентности и не потерять юмористическую направленность текстов.

Основные результаты исследования можно представить в таблице.

Таблица 1.

Статистика использования переводческих трансформаций

Переводческая трансформация	Перевод телеканала «СТС»	Перевод телекомпании «Paramount Comedy»
Опущение	28 %	23 %
Добавление	46 %	33 %
Модуляция	5 %	14 %
Калькирование	12 %	7 %
Конкретизация	5 %	1 %
Контекстуальная замена	11 %	19 %
Генерализация	5 %	3 %

Таким образом, анализируя данные Таблицы 1, можно сделать вывод о том, что в переводах текстов телеканала «СТС» преобладает такой прием как добавление, также как в переводах кинокомпании «Paramount Comedy». Такие приемы как модуляция, калькирование, конкретизация и генерализация демонстрируют наименьшее число реализаций, что объясняется необходимостью найти эквиваленты среди имеющихся языковых средств языка перевода, которые будут адекватными оригиналу. Более 90 % шуток в сериале «Friends» («Друзья») основаны на иронии и сарказме, и лишь 10 % составляют остальные юмористические приемы. Кроме того, можно утверждать, что существует большое количество спо-

собов перевода кинодиалогов с юмористической направленностью с английского языка на русский. Вместе с тем, основным фактором, определяющим выбор языковых средств, является стремление переводчика достичь адекватности при переводе кинофраз с юмористической составляющей и содержащих культурные реалии, чтобы сохранить эффект воздействия на русскоговорящую аудиторию, как это изначально было задумано автором исходного кинотекста.

Библиографический список

1. Афанаскина Н. Ю. Киноперевод как объект исследования лингвистики, социологии, межкультурной коммуникации и теории перевода // Вестник Московского государственного

- областного университета. Серия: Лингвистика. – 2017. – № 4. – С. 58–66.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – М., 1975. – 240 с.
3. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 10.05.2022).
4. Колодина Е. А. Статус кинодиалога в ряду соположенных понятий: кинодиалог, кино-текст, кинодискурс // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – №2(1). – С. 327–333.
5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : учебное пособие. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
6. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. – Таллин: Ээсти Раамат, 1973. – 92 с.
7. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. – М.: Московский лицей, 1996. – 208 с.
8. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. – 3-е изд., стереотип. – М.: Р. Валента, 2007. – 244 с.
9. Швейцер А. Д. Перевод и культурная традиция // Перевод и лингвистика текста: сб. статей. – М.: Всероссийский центр переводов, 1994. – С. 64–75.
10. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (Accessed 10 May 2022).
11. Lingvo Live. On-line dictionary, ABBYY. URL: <https://www.lingvolive.com> (Accessed 10 May 2022).
12. Chesterman A., Wagner E. 2002. Can theory help translators? A dialogue between the ivory tower and the word face. Manchester: St. Jerome Publishing, 2002. – 156 p.
13. Genette G. Paratexts: Thresholds of Interpretation. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 427 p.
14. Sanders J. Adaptation and Appropriation. – New York: Routledge, 2006. – 90 p.

© *Александрова Е. С.,
Сытина Н. А., 2022.*

УДК: 81'42

К ПРОБЛЕМЕ ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ»**Дж. М. Дреева***Доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных языков
для неязыковых специальностей,
ORCID 0000-0002-7407-6265,
e-mail: dshanetta@mail.ru,***Т. А. Болатов***аспирант, ассистент,
ORCID 0000-0002-0443-4522,
e-mail: bolatov20996@gmail.com,
Северо-Осетинский государственный
университет имени К. Л. Хетагурова,
г. Владикавказ,
Республика Северная Осетия-Алания, Россия***TO THE PROBLEM OF DEFINITION OF THE TERM "INTERTEXTUALITY"****Dzh. M. Dreeva***Doctor of Philosophical Science, professor,
Head of the Department of Foreign Languages
for Non-Linguistic Branches of Study,
ORCID 0000-0002-7407-6265,
e-mail: dshanetta@mail.ru,***T. A. Bolatov***postgraduate, assistant,
ORCID 0000-0002-0443-4522,
e-mail: bolatov20996@gmail.com,
North-Ossetian State University
after K. L. Khetagurov,
Vladikavkaz,
Republic of North Ossetia-Alania, Russia*

Abstract. In the article devoted to the study of the phenomenon of intertextuality, an attempt is made to characterize various approaches to the definition of the terms "intertextuality" and "intertext", as well as to consider the most common classifications of intertextual relations found in the scientific literature. The authors point out the absence of clear boundaries between the definitions of terms "intertextuality" and "intertext", recognized by a number of researchers. Based on a review of theoretical literature and analysis of existing points of view, it is concluded that intertextuality is a fundamental property of any text. The authors also point out the presence of significant diversity in approaches to the definition and typology of this phenomenon, which is due to its complexity and versatility.

Keywords: text; intertextuality; intertext; anthropocentric paradigm; intertextual links.

Исследования интертекстуальности в течение многих лет не теряют актуальности ввиду комплексного и всеобъемлющего характера данного феномена. В общем виде теория интертекстуальности остается одним из важнейших направлений современного гуманитарного знания. Ее методологическая основа получила осмысление в значительном количестве исследовательских работ по самым разным направлени-

ям. Интертекстуальные связи пронизывают множество сфер человеческой деятельности (помимо литературных произведений они широко представлены в кинематографе, музыке, танце, живописи, архитектуре и т. д.), эта область активно разрабатывается лингвистами, литературоведами, искусствоведами и культурологами.

С точки зрения лингвистики явление интертекстуальности представляет осо-

бый интерес, поскольку оно напрямую связано с доминирующей в поле современных исследований антропоцентрической парадигмой «человек в языке и язык в человеке» [5, с. 6].

В рамках данной статьи предпринимаются попытка охарактеризовать различные подходы к дефиниции понятий «интертекстуальность» и «интертекст», а также рассмотреть наиболее распространенные в научной литературе классификации интертекстуальных связей.

Начнем с понятия «интертекстуальность» (от лат. «intertexto» – «вплетать в ткань»). Термин был введен в конце шестидесятых годов прошлого века одним из главных деятелей французского постструктурализма, литературоведом, писателем и семиотиком Ю. Кристевой в работе «Бахтин, слово, диалог и роман». Под этим термином она обозначила общее свойство текстов, заключающееся в наличии между ними имплицитных или эксплицитных связей, которые способствуют возникновению новых комбинаций смыслов [4, с. 427–457]. Несмотря на то, что этот термин относительно недавно возник в академическом поле, сама идея крайне проста: никакой текст не может возникнуть вне контекста своих предшественников. Любой текст должно рассматривать с учетом других текстов, созданных ранее.

Анализируя работу М. М. Бахтина, Ю. Кристева ставит интертекстуальность на место понятия интерсубъективности, говоря о том, что любой текст представляет собой некую «мозаику цитаций», ни один текст не является по-настоящему оригинальным – он существует благодаря связи с предыдущими текстами [4, с. 427–457].

Отметим, что данная концепция непосредственным образом связана с идеей Р. Барта о «смерти автора» и «смерти» индивидуального текста, который, в конечном счете, является продуктом переработки явных или неявных цитат из других текстов [1, с. 384–391]. Для постмодернистских художественных произведений интертекстуальность является ключевым

средством, дающим возможность по-новому их осмыслять. Энциклопедия постмодернизма определяет этот термин следующим образом: «интертекстуальность – понятие постмодернистской текстологии, артикулирующее феномен взаимодействия текста с семиотической культурной средой в качестве интериоризации внешнего» [2].

Определение, данное Н. А. Фатеевой, заслуживает особого внимания, поскольку в нем акцентируется ключевое свойство интертекстуальности, выражающееся в способности выступать средством порождения текста: «интертекстуальность – это способ генезиса собственного текста и постулирования собственного авторского «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификации и маскировки с текстами других авторов» [10, с. 25–38.].

Фатеева также выделяет два типа интертекстуальности: авторскую и читательскую [9, с. 16]. Для автора это во многом способ наладить более тесную связь с читателем, т. к. последний испытывает удовольствие, когда опознает ту или иную межтекстовую отсылку, понимает текст с полуслова. Само указание на общий «культурный бэкграунд» явным образом способствует налаживанию их диалога. Читатель, в свою очередь, получает возможность более полно и глубоко понять авторскую задумку.

Необходимо сказать о том, что в настоящее время существует некоторая размытость границ между дефинициями понятий «интертекстуальность» и «интертекст», вплоть до того, что некоторые исследователи используют их как синонимы.

В то же время интертекст может трактоваться как некое общее текстовое пространство, вмещающее в себя всю совокупность существующих текстов и их взаимодействие [3, с. 186–207]. Известный французский литературный критик и специалист по литературе XX века Н. Пьеге-Гро вводит разграничение между терминами: «интертекстуальность, таким образом, – это устройство, с помощью ко-

того один текст перезаписывает другой текст, а интертекст – это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением *in absentia* (например, в случае аллюзии) или включается в него *in praesentia* (как в случае цитаты)» [7, с. 48]. Помимо явных форм интертекстуальности (цитата, плагиат, перезапись, коллаж и т. д.), Пьеге-Гро предлагает равным образом рассматривать в рамках данной категории трудно формализуемые, но ощущаемые читателем типы связей между двумя текстами [7, с. 48].

Для наиболее полного раскрытия сути феномена интертекстуальности важно также обратить внимание на существующие в научной литературе его классификации. Так, например, Роб Поуп, профессор университета Оксфорд Брукс, выделяет три типа интертекстуальности:

- эксплицитную интертекстуальность, конкретно отсылающую к другому тексту посредством цитаты или ссылки;
- имплицитную интертекстуальность, где аллюзия является более косвенной и может проявляться через такие общие черты, как жанр или стиль;
- потенциальную интертекстуальность, характеризующуюся полной открытостью интерпретации, когда наличие в том или ином фрагменте текста отсылок определяется исключительно на основе понимания читателя [11, с. 246].

Приведенная классификация, как мы видим, базируется на поверхностном или глубинном характере интертекстуальных референций, а также на способности читателя их идентифицировать.

Иной подход можно увидеть в работах В. П. Москвина. Он проводит классификацию межтекстовых отношений по цели адресанта и выделяет:

- риторическую интертекстуальность, используемую автором в качестве «риторической стратегии» (цитирование, пародия, парафраза и др.);

- спонтанную интертекстуальность, не реализующуюся автором посредством конкретных приемов и средств;
- криптофорную интертекстуальность (плагиат) [6, с. 54–61].

Большой интерес вызывает также автороцентричный взгляд И. П. Смирнова на типологию интертекстуальности. Смирнов выделяет реконструктивную и конструктивную интертекстуальность [8, с. 19–20]. Под реконструктивной интертекстуальностью он понимает те случаи, когда автор в значительной степени возводит свое произведение к одному или нескольким преинтертекстам, имеющим место в конкретной литературной традиции. В такой ситуации авторский текст функционирует как «отсылка к отсылке». Что касается конструктивной интертекстуальности, то она подразумевает «конструирование» автором параллелей между предшествующими текстами, которые на самом деле не являются частью связного преинтертекста [8, с. 19–20].

Снова обратимся к Н. А. Фатеевой, которая в работе «Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи» [10] дает, как мы считаем, достаточно широкую классификацию интертекстуальных связей, на которой можно базировать анализ любого художественного текста в аспекте интертекстуальности. Фатеева выделяет:

- заглавия, отсылающие к другому произведению;
- цитаты (с атрибуцией и без атрибуции) в составе текста;
- аллюзии;
- реминисценции;
- эпиграфы;
- пересказ чужого текста, включенный в новое произведение;
- пародирование другого текста;
- «точечные цитаты» – имена литературных персонажей других произведений или мифологических героев, включенные в текст;

- «обнажение» жанровой связи рассматриваемого произведения с текстом-предшественником [10, с. 25–38].

Примечательно при этом, что Н. А. Фатеева, в отличие от Н. Пьеге-Гро, не считает целесообразным рассматривать в рамках интертекстуальности скрытые и не поддающиеся формализации типы связей между двумя текстами [10, с. 25–38].

Таким образом, обобщая выше изложенное, можно констатировать следующее. Не вызывает сомнений тот факт, что интертекстуальность – фундаментальное свойство любого текста. Исследования этого явления зачастую выходят за рамки лингвистики и затрагивают большой пласт областей гуманитарного знания, начиная от литературоведения и семиотики до искусствоведения и поэтики.

В академическом поле бытует целый ряд дефиниций понятий «интертекстуальность» и «интертекст». Тот факт, что между ними нет четкого общепринятого разграничения, детерминируется, с нашей точки зрения, их относительной новизной. Существование множества определений рассматриваемых терминов обусловлено разнообразием подходов к данной проблеме и сфокусированностью тех или иных исследователей на отдельных ее аспектах.

Типология интертекстуальности и интертекстуальных референций хорошо разработана. Классификации могут основываться на имплицитном или эксплицитном характере референций и способности читателя их опознать, на цели адресанта, авторской интенции и т. д., что также отражает комплексную и многогранную природу анализируемого явления.

Библиографический список

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Грицанов А. А., Можейко М. А. // Постмодернизм: энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис: Кн. дом, 2001. – 1038 с.
3. Ильин И. П. Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты / И. П. Ильин // Проблемы современной стилистики: сборник научно-аналитических обзоров. – М.: ИНИОН, 1989. – С. 186–207.
4. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: ИГ Прогресс, 2000. – С. 427–457.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр Академия, 2001. – 208 с.
6. Москвин В. П. Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 6(81). – С. 54–61.
7. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро; пер. с франц.; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
8. Смирнов И. П. Порождение интертекста: Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. – 191 с.
9. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. – М.: Комкнига, 2006. – 280 с.
10. Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1998. – Т. 57. – № 5. – С. 25–38.
11. Pope R. The English Studies Book: An Introduction to Language, Literature and Culture (2nd ed.). – Routledge, 2002. – 448 p.

© Дреева Дж. М.,
Болатов Т. А., 2022.

УДК 821.531

ПРОБЛЕМАТИКА РАССКАЗА ХЁН ДЖИНГОНА «УДАЧНЫЙ ДЕНЬ»**Д. А. Эргашева***Соискатель,
Технический институт Ёджу,
г. Ташкент, Узбекистан***THE PROBLEMS OF HYUN JINGON'S TALE "LUCKY DAY"****D. Ergasheva***Researcher,
Yeju Technical Institute,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. In Hyun Jingon's tale "Lucky Day", the problem of the destructive influence of money on a human's consciousness and life was revealed. The analysis of the compositional structure of the tale's text showed a whole set of features that eventually determines its specific features: dramatic compactness of the events and acting characters, concentrated chronotope (one day, in one district, limited by the route of rickshaw rides), repetitions of the most important theses (wife's request, thoughts about luck). The psychologically complex image of the main character of the story Kim Chomji, a key moment in his life, which was decisive in his destiny, is revealed. The process of transformation of the "great successful day" is traced, when it became a "great tragedy" for the hero.

Keywords: the artistic situation; motive of fate; story; nation genres; direction of realism; narrative form; "great successful day"; "great successful day".

В начале XX столетия в развитии корейской литературы наблюдаются глубокие перемены, обусловленные изменениями как в социально-исторической, так и культурной жизни страны [1]. Общая тенденция по активизации охватившегося движения, отмеченная в разных слоях социально-политической и культурно-исторической жизни Кореи, носила принципиально сопротивленческий характер, обусловленный стремлением страны и народа к независимости. Общее настроение, характерное для страны, устремленной к свободе, отразилось и на формировании новых направлений в литературе, которые проявлялись через творческие поиски писателей, активно заявлявших о себе в своих произведениях и общественно-литературных организациях.

Развитие корейской литературы в начале XX века, в эпоху бурных социальных катаклизмов и грандиозных преобразований на мировой арене, не могло проходить изолировано, в отрыве от всемирно-исторических событий, происходив-

ших в Европе и в России – в первую очередь. В связи с этим в произведениях корейских писателей этого периода наблюдается устойчивая социологизация и тематическая тенденциозность, направленная на изображение жизни людей социального дна, в целом устанавливающие причастность произведений к новому направлению.

В русле тенденций «Школы нового направления» (литературным течением, перенявшим «традиции социалистического реализма») написан рассказ Хён Джингона «Удачный день», опубликованный в 1924 году в журнале «Кэбёк». Характерной особенностью рассказа является демократическая устремленность писателя, разделявшего боль, страдания корейского народа, в условиях усиления японского произвола. События, описанные в рассказе, охватывают всего один день из жизни главного героя из социальных низов – рикши Ким Чхонджи, на фоне которого со всей правдивостью воссоздается в деталях сложная и трагическая судьба простого

человека, вырисовывается круг острых социальных проблем.

Начало рассказа демонстрирует некоторое отклонение от традиционного развития литературного сюжета, где экспозиционная часть предваряет основное действие. У корейского писателя действие начинается сразу, с завязки конфликтного узла, обозначенного констатацией факта об удачном дне: *«Холодное пасмурное небо с утра обещало снег, однако вскоре на город обрушился липкий промозглый дождь. Этот день оказался для рикши Ким Чхонджу, работавшего у Восточных ворот, особенно удачным»* [2, с. 53]. Образ главного героя Чхонджу разворачивается в пространстве и времени, предопределяющих идейную направленность произведения, социальное положение главного героя, которое передается путем пейзажной зарисовки. В первых предложениях задается основной тон повествования и обозначается основная коллизия, определившая характер и специфику конфликта. Идея произведения, авторская интенция к воспроизводимому факту даются в самом начале произведения, а собственно сюжет является образной экспликацией, разворачиванием именно данной идеи, но с противоположным знаком минус.

Здесь вырисовывается общая для поэтики этого произведения черта, указывающая на значимость для писателя «априорной» эмоционально-логической установки: поверх спокойной аналитической манеры исследования жизни он как бы пытается обнаружить в ней нечто архетипическое, неизменное, ожидаемое: удача временная, счастье кажущееся, радость преходящая. В соответствии с поставленной риторической задачей, которая диктует свои законы композиционного построения текста, в рассказе обнаруживается целый комплекс признаков, определяющих его специфику: драматургическая компактность событий и действующих лиц, сконцентрированный хронотоп (все-го один день в одном районе, ограниченном маршрутом поездок рикши), повторы

важнейших тезисов (просьба жены, мысли об удаче).

В рассказе оформляется конфликт как бы с «двойным дном», где на поверхности обозначается социальное противостояние, определяющее фабульную часть, а «со дна» проступает метафизическая коллизия, обостряющая общее конфликтное противостояние, обуславливающая специфику развития сюжета. Повествование обретает метафизико-трагическое содержание, организованное условными литературными средствами, где в обыденных бытовых сценах в обнаженном, беспримесно «чистом» виде проступают те или бытийные закономерности и фундаментальные человеческие свойства.

В контексте повествования рассказа Хён Джингона проблематизируется художественная ситуация, обостряющая вопрос о возможностях человеческой воли и способности человека противостоять судьбе. Фабула произведения в своей основе реально-бытовая, писатель тяготеет к разработке коренных проблем человеческого духа, стремится сквозь повседневность разглядеть её скрытую от внешнего взора сущность. Автор акцентирует внимание на выявлении трагического в повседневной жизни обычного человека. И выясняется, что среда, общество, история, природа, само мироздание – все это неотвратимо, фатально предопределяет его судьбу.

Уже в начале произведения, обозначившего завязку действия, в обыденную жизнь вторгается мотив удачи, важнейшей составляющей понятия «судьбы», выраженной через восприятие самого героя и его мироощущение:

«За первую езду выручил тридцать чон, за вторую аж целых пятьдесят, и все это за совсем короткое время – весьма недурно. Сегодня везет! А ведь целую неделю почти ничего не удавалось зарабатывать. Монеты позвякивали в руке, радуя промокшего рикшу. Сегодня эти 80 чон – ох, как пригодятся!» [2, с. 53]. Мыслительная рефлексия героя, выражающая

его состояние радости, обоснованно мотивируется крайней необходимостью заработать денег именно в эти дни, разворачивая реалистическую картину событий: *«Жена уже больше месяца тяжело, надрывно кашляет. А денег на лекарство нет – их не хватает даже на пустую кашу из чумизы. <...> И вот на днях жена вовсе свалилась с ног, пришлось поверить – болезнь тяжелая»* [2, с. 53]. Так рисуется безрадостное зрелище тяжелой, обездоленной жизни рикши, его житейских проблем. Ретроспективно переданная рефлексия героя формирует экспозиционную часть произведения, представляющую общие приметы, условия художественной ситуации, в дальнейшем разворачивающейся в центростремительном сюжете, устремленном к финалу [3, с. 250].

В повествовании, где сосредоточен внутренний конфликт метафизического плана, проступает некоторая настороженность, обусловленная именно вторжением мотива удачи, соотношенной с возможной случайностью, которая способна повлечь за собой и неудачу. Мотив удачи в контексте рассказа сопрягается с мотивом рока и его ожиданием. На этом основано все повествование, отличающееся динамикой развития событий, порядок перечисления которых снимает их значимость и, напротив, создает напряжение, устремляющее как бы к финалу. Специфика сюжета заключается в том, что от перестановки экспозиции и завязки в целом повествовательная стратегия не прерывается, логика движения сюжета получила дальнейшее развитие, сосредоточив акцент на мысли о фортуне: *«... на этом удачи его не закончились. <...> Сколько может везти человеку? Этот студент не хочет тащиться до вокзала, да и плаща, видимо, нет у него... Рикши даже стало немного страшно от такого везения. Ну, а вдруг все прекратится?»* [2, с. 55].

Везение воспринимается героем как неумолимый рок, нависший над ним, вы-

зывающий не случайно чувство страха. Человек чувствует свою беспомощность перед судьбой, способной безжалостно погубить все помыслы и надежды людей, вызывающей мысль о недолговечности счастья. Через обыденное восприятие героя актуализируются глубокие философские вопросы, которые в контексте данного рассказа приобретают онтологическое звучание, особенно значимые для корейской ментальности, где понятие «судьба» является определяющим в бытийном плане.

Образ судьбы, бегущей рядом с рикшей, запряженным в тележку, обретает вполне зримые очертания, переданные через его ощущения: *«Усадив студента в коляску, рикша понесся с места бегом. На ногах у него словно крылья выросли, он скорее летел, чем бежал. И колеса его рикши-таратайки крутились столь легко, что он за собой не замечал никакой тяжести. Рикше казалось, что он тащит не тележку на колесах по дороге, а легкие саночки на коньках по льду, хотя лил на землю холодный дождь, и ногам было скользко на грязной дороге»* [2, с. 56].

Присутствие капризной судьбы ярко передается через все то же восприятие и ощущения героя, забывшего от радости об усталости, тяжести, скользкости. Именно в этот момент судьба напоминает о своем присутствии, к которой герой не прислушался: *«И вдруг его ноги враз словно отяжелели. Он как раз пробежал по своей улице мимо своего дома. В ушах снова зазвучал осипший голос жены: «Сегодня остались бы... Мне плохо...». И пристальный взгляд был у неё, просящий, как у больной собаки, и голос прерывался...»* [2, с. 56].

Не случайно именно в этом месте «ноги отяжелели». Авторская концепция по определению и художественному осмыслению понятия «судьба» отличается глубиной и многозначностью: судьба посылает знаки человеку, а принять их или не принять – это уже воля человека. Писа-

тель выдерживает психологическую характеристику в заданном ритме и соотношении двух планов: бытового и всебытийного, пытается объяснить психологическое состояние своего героя, которое можно аттестовать, как неосознанная попытка героя противостоять страху, «перебороть» судьбу, бегущую рядом с ним. Социальное, не уступающее онтологическому, привносит в повествование реалистические мотивы, отодвигая бытийное на задний план: *«И своему щедрому пассажиру, который был вдвое моложе него, кланялся бесперебойно...»* [2, с. 56].

Простое, обыденное, проявлением которого становится житейски-бытовая ситуация, сталкивается с онтологическим, выраженным через концепт удачи, везения, семантически соотносимых с мотивом рока, судьбы, художественно реализуемая в данном произведении. Необходимо отметить, что наблюдается трансформация локального конфликта в субстанциональный, преобразование и переход социально-этической проблематики на онтологический уровень. Философско-этический план развития конфликта формирует сферу глубокого понимания, которое позволяет рассмотреть конфликтное противостояние между материальными ценностями, выраженными в заработанных рикшей деньгами и – вневременными, общечеловеческими, заключенными в метафизическом контексте понятия удачи.

Мотив рока, судьбы, определяющий динамику развития сюжета, раскрывается в кульминационном эпизоде, где быстро захмелевший рикша не выдерживает физической усталости и эмоциональной нагрузки: *«... неверной рукой схватил друга за ухо..., начал придирается...»* [2, с. 60]. Писатель с психологической достоверностью передает состояние опьяневшего рикши, выплескивающего чувства обиды и несправедливости, сдерживаемые до этого момента. Причины всех бед и несчастий в своей жизни он видит в деньгах, с которыми связан «удачный день»: *«Деньги... Проклятые вы гады... Самые*

проклятые мои враги... Хотите свести меня в могилу Я вас...» [2, с. 61]. И совершенно неожиданно для всех рикша размахнулся и швырнул монеты в стену. *«Деньги отскакивали от неё, разлетаясь во все стороны, падали на крышку кастрюль, в чаши для разогрева рисовой водки – и словно подстёгнутые, со звоном разлетались далее, будто жалуясь на обиду и вящую несправедливость слов рикши»* [2, с. 61].

Эпизод в трактире свидетельствует, что Ким Чходжи осознал, что его бесправность, безысходность жизни связана с безденежьем, «деньги-идолы», обрекшие его, его семью на нищенское существование, деньги, только недавно доставляющие ему радость, стали ненавистными врагами. Проблема губительного воздействия денег на сознание и жизнь человека является достаточно традиционной в мировой литературной практике. В рассказе корейского писателя отсутствует критический взгляд на обстоятельства, нет выхода на социальные обобщения, выявляющие истинные факторы бедственного положения простых людей, но художественная ситуация, обрисованная в произведении, обнажает до предела тяжкое положение людей социальных низов и их неспособность противостоять ударам судьбы. Через поведение героя рассказа, который «вдруг закатился диким хохотом. Он смеялся столь жутко, что взоры всех, кто был в харчевне, мигом обратились к нему», автор раскрывает роковые последствия слепой фортуны, с силами которой не способен справиться простой человек.

Писатель детализировано подробно прослеживает процесс трансформации «великого удачного дня» в финале, когда он обернется для героя «великой» трагедией. Автор сознательно нагнетает трагическую ситуацию при помощи различных художественных средств, чтобы передать метафизическую атмосферу, где человек оказывается слабым орудием высших роковых сил: *«испугала зловещая тишина, схожая с мертвым штилем после затиш-*

шего на море урагана», «Ким Чхонджи в глубине замершей в предчувствии души», «дурное предчувствие и темный страх», «холодея от ужаса» и т.д.). Усиливая метафизическое воздействие на читателя, писатель в то же время не ослабляет критической силы влияния, тем самым достигает нужного эффекта восприятия, вызывая чувство сострадания и сочувствия к герою.

В заключительных строках рассказа, составляющих развязку произведения, раскрывается осознание героем ужаса случившегося, чувство великодушия, исходящего из сердца, подавленного героем, замученного нищетой человека. Авторская интенция, выявленная в контексте всего произведения, особой организации сюжетно-композиционной структуры, тщательного отбора художественно-изобразительных средств, выражается в глубоком гуманизме писателя, утвержда-

ющем человеческую жизнь как самую высшую ценность: «Тяжелые слёзы живого человека упали на лицо мёртвого. Рикша наклонился и начал тереться об её холодный, гладкий лоб. – Я же купил тебе суп на мясном бульоне, как ты просила, – шёпотом причитал он. – А ты не хочешь есть. Встань, поешь. Ты не сердись на меня. Я тебе скажу, что сегодня у меня был удивительно везучий день...» [2, с. 65].

Библиографический список

1. <http://rikonti-khalsivar.narod.ru/Korea33.htm>
2. Избранные корейские рассказы нового времени / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Междунар. центр корееведения / сост. пер. А. Х. Ин, Ким Сыну; Лит. пер. А. А. Ким. – М.: Изд-во МЦК МГУ, 2003.
3. Хализев В. Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2002.

© Эргашева Д. А., 2022.

УДК 34

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА
И ДРУГИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Е. Н. Ярмонова

*Кандидат юридических наук,
заведующая кафедрой правовых дисциплин,
доцент,
кандидат юридических наук, доцент,
кандидат юридических наук, доцент,
преподаватель,
студент,
Кубанский государственный
университет,
г. Армавир, Россия*

Н. В. Вирясова
Н. А. Чубатова
О. Н. Романчук
В. В. Илюшин

ON SOME ASPECTS OF THE DISTINCTION BETWEEN BRIBERY
AND OTHER MALFEASANCE

E. N. Yarmonova

*Candidate of Juridical Science,
Head of the Department of Legal Disciplines,
Assistant professor,
Candidate of Juridical Science, Associate Professor,
Candidate of Juridical Science, Associate Professor,
lecture,
student,
Kuban State University,
Armavir, Russia*

N. V. Viryasova
N. A. Chubatova
O. N. Romanchuk
V. V. Ilyushin

Abstract. This article is devoted to the problematic issues of qualification of bribery and other malfeasance, updated in connection with the practical application of the clarifications contained in the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: corruption; malfeasance; judicial practice; criminal case; abuse of power.

Взяточничество как исключительно негативное и разрушительное социально-правовое явление наносит большой вред как современному российскому обществу, так и его политической организации – Российской Федерации, подрывая авторитет и доверие к последнему, в связи с чем наша страна на законодательном уровне устанавливает барьеры ее воспроизводству и разрастанию и закрепляет нормы, направленные на ее локализацию и снижение [1].

Анализ судебной практики свидетельствует, что суды при разрешении уголов-

ных дел о преступлениях указанной группы в основном верно используют положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [2] и от 09.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об других коррупционных преступлениях» (с последующими изменениями) [3].

Не образует состав получения взятки принятие должностным лицом денег, услуг имущественного характера и т. за совершение действий (бездействия), хотя и связанных с исполнением его профессиональных обязанностей, но при этом не относящихся к полномочиям представителя власти, организационно-распорядительным либо административно-хозяйственным функциям. Так, суд, рассмотрев уголовное дело в отношении И., признал его виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ [4], на основании которой назначил ему штраф. Как было известно по делу, в начале января 2019 года, при выполнении порученной задачи автомобиль марки «Урал 4320», старшим которой являлся Иг-в., при столкновении с бетонным блоком получил повреждения среднего моста.

Поскольку ремонт данной машины требовал значительных денежных затрат, И. решил отремонтировать автомобиль самостоятельно. Выяснив, что нужные детали автомобиля «Урал 4320» и «Урал 375» являются одинаковыми, он решил снять и заменить детали с имеющегося автомобиля, о чем заявил Иг-ву. С целью отремонтировать автомобиль, И. дал указание о замене вышедшего из строя моста, а также других сопутствующих запчастей, необходимых для ремонта машины марки «Урал 4320», с машины «Урал 375», пребывающей в парке и подлежащей утилизации. Замена агрегатов и ремонт поврежденного автомобиля были произведены И.

Посчитав, что за указанную Иг-ву. поддержку, последний за оказанную поддержку обязан ответить взаимностью, дал тому поручение купить за свои деньги запасные части для его личного автомобиля марки «Хонда», а именно дверь, задний бампер и глушитель, а в последующем затребовал расплатиться за цену ремонта.

Иг-в показал, что в ходе разговора с И., последний за оказанную ему помощь с ремонтом «Урала 4320», которую он вос-

принял как товарищескую, затребовал от него купить за собственные деньги запасные части на принадлежащий И. автомобиль марки «Хонда», и оплатить ее ремонт. Опасаясь начала конфликта со стороны И., он был вынужден согласиться.

Выполняя изложенное требование, Иг-в купил названные И. запчасти, на общую сумму, с учетом автотранспортных расходов, 6 тысяч 225 рублей и передал денежных средства за ремонт в размере 29 тысяч рублей.

Указанные действия И. суд квалифицировал как злоупотребление своими должностными полномочиями начальником наперекор интересам службы, из меркантильной заинтересованности, с целью получить выгоду материального характера за оказанное содействие в починке автомобиля, в результате чего значительно нарушены права и охраняемые законом интересы потерпевшего Иг-ва., что выразилось в причинении ему материального ущерба на общую сумму 35 тысяч 525 рублей [5].

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. No 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (с последующими изменениями), не образует состав получения взятки принятие должностным лицом денег, услуг материального характера и за совершение действий (бездействия), хотя и связанных с исполнением его профессиональных обязанностей, но при этом не относящихся к полномочиям представителя власти, организационно-распорядительным либо административно-хозяйственным функциям [3].

С учетом указанных разъяснений и установленных по делу обстоятельств, действия И., связанные с получением денег и услуг от Иг-ва., суд обоснованно квалифицировал по ч. 1 ст. 285 УК РФ.

Результативность противодействия взяточничества во многом определяется в

зависимости от правоприменительной работы, что создает сложный механизм материально-правовых, процессуальных, организационных, технических, психических и других связей и отношений, обращенных на реализацию запретов и предписаний уголовного закона. В динамику этот аппарат приводит связь уголовного закона и общественности, в итоге чего правоприменительные органы оценивают настоящие условия уголовного дела, подвергают анализу норму уголовного закона, сравнивает ее предписания с собственными внутренними позициями, предсказывают результаты применения правовых норм, и, в конце концов, принимает решение, что находит отблеск в правоприменительном акте.

Библиографический список

1. Корсаков К. В. Адекватность и соразмерность превенции – залог эффективности борьбы с современной организованной преступностью // Правоохранительные органы: теория и практика. 2015. N 1. С. 19–22.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022).
5. Обзорная справка Верховного Суда РФ Судебной коллегии по делам военнослужащих «О практике рассмотрения военными судами уголовных дел о злоупотреблении должностными полномочиями и превышения должностных полномочий воинскими должностными лицами, совершенными из корыстной или иной личной заинтересованности».

© Ярмонова Е. Н., Вирясова Н. В.,
Чубатова Н. А., Романчук О. Н.,
Илюшин В. В., 2022.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Д. В. Бышов

Е. А. Наумова

*Кандидат исторических наук, доцент,
e-mail: bishovdv@mail.ru,
студентка,
e-mail: enaumova894@gmail.com,
Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарева,
г. Саранск, Республика Мордовия, Россия*

SOME ISSUES OF THE LEGAL STATUS OF TEACHERS

D. V. Byshov

E. A. Naumova

*Candidate of Historical Sciences,
associate professor,
e-mail: bishovdv@mail.ru,
student,
e-mail: enaumova894@gmail.com,
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Abstract. This article reveals the concept of "pedagogical worker", and also analyzes its legal status among other legal categories. Also, a special place is allocated to specifying the list of rights and obligations of teachers in the field of education.

In addition, we emphasize that employees have labor rights and social guarantees – on a par with academic rights.

Keywords: teacher; legal status; social guarantees; academic rights.

Одним из весомых правовых категорий является – правовой статус. Данная категория представляет собой совокупность прав, обязательств, а также свобод. Правовой статус в образовательном праве определяет место и положение педагогического работника в обществе. Безусловно, он находится в зависимости от уровня развития общества. Необходимо отметить, что права и прямые обязанности педагогических сотрудников регулируются международными актами, законодательством РФ, субъектов РФ, а также ограниченными нормативными актами. Применительно п. 21 ст. 2 Закона об образовании, педагогическим работником – именуется личность, которая находится в трудовых и

официальных отношениях с учреждением, которая реализует служебные отношения, связанные с учебной деятельностью [1]. При этом преподаватели обязаны исполнять прямые обязанности по обучению, воспитанию учащихся в закрепленных учреждениях. Право на занятие педагогической деятельностью имеют лица, получившие среднее профессиональное или высшее образование, кроме этого, отвечающие квалификационным требованиям, закрепленных в квалификационных справочниках [2, с. 83–84].

Необходимо отметить, что наличие требуемых знаний у преподавателей в учреждениях выясняется на основании

наличии документов об образовании и квалификации.

Не допускаются к педагогической работе личности, которые:

1) не имеют прав для осуществления преподавательской деятельности применительно с законом, который вступил в законную силу по решению суда;

2) имеют или ранее имели судимость, за те преступления, которые угрожали ограничению свободы, жизни и здоровью человека. А также личность, которая подвергалась уголовному гонению за преступления;

3) носят в своей истории непогашенную судимость, за преднамеренные тяжкие и особо тяжкие преступления;

4) считаются по государственному закону нетрудоспособным в сфере работы;

5) обладают теми болезнями, которые закреплены в списке, который был обоснован и подписан федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения [3, с. 214–216].

До того момента как, личность, претендующая на вакансию педагогического работника, подпишет трудовой договор с работодателем, то в этом случае, согласно статье 65 ТК РФ личность обязана предоставить справку на собеседовании, которая подтверждает об отсутствии судимости, или об окончании уголовного преследования по тем обоснованиям, которые закреплены в утверждаемой форме.

Согласно ст. 351.1 ТК РФ работодатель вынужден освободить от работы, а также не позволять приступать к работе в системе образования, а также в сфере с активной деятельностью лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, при наличии предоставленной правоохранительными органами информации о том, что данный ребенок имеет причастность к обвинению по отношению к преступлениям, которые зафиксированы в статье 331 ТК РФ. В вышеперечисленном случае, ра-

ботодатель освобождает от всей работы, а также не допускает к работе до тех пор, пока уголовное дело не прекратится, или до тех пор, пока не вступит в силу приговор суда. Законодатель соединяет предотвращение работника от работы со случаем уголовного преследования и моментом осведомленности об этом работодателя [4].

В ходе изучения данной темы, нам необходимо отметить то, что противопоставления работника, подтвержденные медицинскими осмотрами, должны проводиться по закону, то есть работодатель обязан оплатить все осмотры, которые необходимы работнику (ст. ст. 69, 212, 213 ТК РФ).

В Российской Федерации преподаватели применяют в своей сфере закрепленные академические свободы и права, а именно:

- беспрепятственный характер обучения, выражающее свободное выражение собственного мнения, воля от вмешательства в профессиональную деятельность;
- свобода выбора и потребления педагогически обоснованных форм, средств, методов обучения и воспитания;
- право на созидательную инициативу, разработку и использование авторских программ и способов обучения, и воспитания в границах реализуемой образовательной дисциплины;
- право на творение научной, научно-технической, творческой, исследовательском деле, которое имеет значение в экспериментальной всеобщей работы, разработках и во внедрении новых изобретений;
- право на бесплатное пользование библиотечно-информационными ресурсами, а также доступ в порядке, установленном регламентом предприятия, осуществляющего образовательную работу, к информационным сетям коммуникационной связи и базам данных, учебно-методическим материалам, музейным инструментам, средствам информации и техническим

средствам для залога работы, имеющего воспитательный характер, которую принято считать одним из главных компонентов для получения высоких результатов качества в выполнении преподавательской, научной или исследовательской работы;

- право на использование бесплатных источников, научных предложений, советов по методическим указаниям того предприятия, которая напрямую воплощает работу в сфере образования в том порядке, утвержденном законодательством РФ или же нормативно-правовыми актами;
- право на объединение в общественные профессиональные учреждения в формах и в порядке, которые установлены законами Российской Федерации;
- право на защиту профессиональной чести и достоинства, на справедливое и объективное расследование нарушения норм профессиональной этики педагогических работников [2, с. 87–88].

Таким образом, можно сделать вывод, что состав преподавателей, осуществляющих собственную профессиональную деятельность, имеют ряд конкретных прав, обязанностей, а также ответственности, понятно сформулированных и определенных действующим законодательством.

Библиографический список

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2012. – № 53 (Часть I). – Ст. 7598.
2. Ожиганова М. В. Образовательное право: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2021. – 144 с.
3. Ладнушкина Н. М., Пашенцев Д. А., Фёклин С. И. Образовательное право: вопросы теории и практики : монография. – Рязань: Издательство «Концепция», 2017. – 240 с.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 3.

© Бышов Д. В.,
Наумова Е. А., 2022.

УДК 378.172(075.8)

ОЗДОРОВЛЕНИЕ АРМРЕСТЛЕРОВ ПОСЛЕ СПОРТИВНЫХ ТРЕНИРОВОК И СОРЕВНОВАНИЙ

Ю. В. Драгнев

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Луганский государственный
педагогический университет,
г. Луганск, Луганская Народная Республика*

REHABILITATION OF ARM WRESTLERS AFTER SPORTS TRAINING AND COMPETITIONS

Y. V. Dragnev

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Luhansk State Pedagogical University,
Lugansk, Lugansk People's Republic*

Abstract. The considered some fragments of the means of recovery of armsportsmen, namely: the health-improving effect of the bath on different body systems and pharmacological means of recovery of armsportsmen are focused on their use in the training process and are aimed at optimizing the preparation of armsportsmen for competitions. It should be noted that the independent use of funds without the permission of a sports doctor can lead to undesirable negative results. This may happen due to the peculiarities of the health of a particular armsportsman or incorrectly applied means of recovery in the training process (or after it) with different physical and mental loads without the advice and prescription of a sports doctor.

Keywords: armsport; sports training and competitions.

Оздоровление армрестлеров после спортивных тренировок и соревнований возможно различными средствами. Решением различных проблем профессиональной подготовки студентов к будущей профессиональной деятельности будущих в области физической культуры спорта занимались такие ученые, как: Е. Богданова, Ю. Драгнев [2; 3; 4], А. Чорноштан [7; 8] и др. Среди средств оздоровительного влияния на армрестлеров важным компонентом выступает оздоровительное влияние бани на разные системы организма (нервную, эндокринную, опорно-двигательный аппарат, пищеварительную, дыхательную, сердечно-сосудистую). Н. Суханова рассматривает 1000 целебных свойств бани [9, с. 121–157].

Полезные свойства бани. Баня помогает быстрому восстановлению армспортсменов после тренировок. Температура тела в бане, отмечает Н. Суханова, с сухим жаром в среднем повышается на $0,5^{\circ}$ – 4° , причем в первые минуты в основном

нагревается кожа. Температура тела достигает до 38° – 40° [9]. Повышение температуры тела в бане – явление кратковременное, неустойчивое. Приблизительно то же происходит у армспортсмена, когда он интенсивно тренируется на специальных тренажерах для армспорта или выступает на соревнованиях разного квалификационного уровня. Н. Суханова утверждает, что «повышение температуры на банном полке имеет свои закономерности. Сначала, когда нагревается кожа, температура внутренних органов увеличивается незначительным образом. Это происходит в первые 2–4 минуты. Но потом постепенное повышение температуры кожи будто подтормаживается. Однако увеличивается температура внутренних органов. Хотя жар в бане не спадает (напротив, его обычно добавляют), переносить его становится все легче и легче» [9, с. 120].

Влияние на нервную систему организма. Баня для армспортсменов считается незаменимым средством снятия нервного

напряжения после тренировки или соревнований. Действие бани отвлекает от соревновательных переживаний, дает возможность переключить внимание и т.д. Влияние бани на нервную систему армспортсменов, через получение позитивных эмоций, дает возможность легче отнестись к последующим поединкам. Н. Суханова отмечает, что «в условиях паровой бани происходит интенсивное расширение кровеносных сосудов, расположенных в периферических участках тела спортсмена: в коже, подкожной клетчатке, мышцах. Это и является одной из основных причин влияния термо- и гидропроцедур на нервную систему: кровь отливает от мозга, значительно снижается активность его корковых структур, наступает состояние торможения, релаксация – то, что обычно называют покоем. Как следствие этого мы можем наблюдать распространенную среди постоянных посетителей парной склонность к задушевным беседам, спокойному длительному общению» [9, с. 121]. Армспортсмены, которые регулярно посещают баню, как правило, имеют высокую психическую стойкость к поединкам, больше подготовлены к трудностям на соревнованиях разного квалификационного уровня и т.д.

Влияние на эндокринную систему организма. Банные процедуры в течение годового учебно-тренировочного периода (макроцикл) благоприятно отражаются на восстановлении щитовидной железы и активизируют окислительные процессы в организме армспортсменов. Н. Суханова утверждает, что «эндокринная система, равно как и нервная система..., достаточно активно реагирует на стрессовое влияние сухого жара и «легкого» пара. Гормоны внутренней секреции начинают производиться мгновенно, во всех составных частях человеческого организма, начиная от гипофиза и заканчивая корой надпочечников... в результате влияния банного жара в крови устанавливается кислотно-щелочное равновесие и газообмен, повы-

шается уровень эритроцитов, лейкоцитов и тромбоцитов, значительно растет способность крови к свертыванию и усиливается синтез белка» [9, с. 125–126].

Влияние на опорно-двигательный аппарат организма. Позитивное влияние бани на опорно-двигательный аппарат армспортсменов выражается в нормальной его жизнедеятельности. В учебно-тренировочном процессе армспортсменов большие нагрузки на локтевые суставы часто вызывают травмы. По поводу этого Н. Суханова говорит, что «паровая в таких случаях может способствовать уменьшению околоуставных отеков, потому что усиливает отток венозной крови и лимфы, ликвидирует застойные явления, способствует восстановлению нормальной функции сустава, а также является фактором, который предупреждает развитие в нем патологических состояний. Усиление кровообращения в коже, подкожной клетчатке, мышцах вызывает усиление обменных процессов в связках, сухожилиях и костной ткани, на эти обменные процессы влияет и кровеносная система самих органов. Местное влияние тепла эти процессы усиливает: в итоге рассасываются отеки, увеличивается эластичность тканей, а следовательно, и подвижность связочного аппарата, уменьшаются болезненные ощущения, что позволяет после бани значительно увеличить объем движений в больных суставах» [9, с. 129–130].

Поэтому для армспортсменов все банные процедуры (в соединении с самим массажем, который представлен выше) самым благоприятным образом отражаются на восстановлении функций суставов, сухожильно-связочного аппарата рук, а также на состоянии позвоночника после тренировки или соревнований.

Влияние на пищеварительную систему организма. Обычно в бане есть не хочется совсем или частично. Однако не рекомендуется употреблять еду во время посещения бани. Н. Суханова утверждает, что «тепло и холод влияют на кровоснабже-

ние органов желудочно-кишечного тракта с помощью перераспределения крови в организме. В результате оттока крови на периферию кровоснабжения органов пищеварения на начальном этапе уменьшается. Уменьшается и секреторная активность этих органов, их моторика. Именно поэтому важно перед посещением бани не переедать, ведь еда, которая находится в слабо функционирующем желудочно-кишечном тракте будет жать на диафрагму, мешать нормальной вентиляции легких, затруднять работу сердца... В крайнем случае в бане и сразу после нее можно употреблять овощи, фрукты, соки, минеральную воду или в очень ограниченном количестве кое-что более существенное: сосиски, жареную колбасу (как это делают финны). Когда лазнева процедура протекает более 2,5 часов, можно употреблять и легкие закуски. Переедать после бани, невзирая на закономерное повышение аппетита в ответ на прилив крови к внутренним органам и повышению обменных процессов, нежелательно. Это вызывает ощущение тяжести в животе и вялость тела» [9, с. 139–140]. Армспортсменам нужно взять это к сведению и придерживаться поданных советов.

Влияние на дыхательную систему организма. Нужно сказать, что основная функциональная нагрузка в процессе жизнедеятельности человека лежит на легких, потому что они обеспечивают внутреннюю защиту организма от большого количества разных вредных веществ. Для армспортсменов у бани есть самые благоприятные условия для проведения ингаляций эфирными маслами и фитонцидами и т.д. Н. Суханова указывает на то, что «горячий пар во время прыскания на раскаленные камни отваров и настоев разных лекарственных трав, кваса, минеральной воды, при вдыхании аромата от распаренного березового или другого веника попадает в глубинные отделы легких. Баня и сауна, благодаря влиянию горячего воздуха на слизистую оболочку полости носа, уменьшают отеки слизистой, действуют,

что подсушивают, и тем самым тормозят выделение секрета из носа» [9, с. 143]. Положительное влияние бани на функции легких армспортсменов после тренировки ощутимое, исходя из того, что во время вдыхания горячего воздуха в бане возникает температурное раздражение альвеол легких, увеличивается их емкость и т. д.

Влияние на сердечно-сосудистую систему организма. Н. Суханова напоминает, что «обычная частота сердечных сокращений в зависимости от тренированности человека – от 60 до 80 ударов на минуту. По ее мнению, чем быстрее и более полнокровно заполнятся сосуды и быстрее будут двигаться в них кровь и лимфа, тем более выносливым и более здоровым будет организм. Качественно ускорить продвижение крови и лимфы по сосудам, а также эффективно избежать застоя крови, в частности, способна баня. Баня является прекрасным стимулятором деятельности сердца спортсмена» [9, с. 151]. Влияние банных процедур на сердечно-сосудистую систему армспортсменов проявляется в ускорении продвижения крови в артериях и в облегчении венозного кровообращения. Жар бани значительно повышает функции сердечно-сосудистой системы. Увеличение температуры крови мощно стимулирует сердечную мышцу. За одну минуту количество крови, которая протекает через сердце, увеличивается в среднем более чем в полутора раза. Армспортсменам необходимо регулярно пользоваться баней для оптимизации работы сердечно-сосудистой системы, что хорошо будет влиять на результаты во время выполнения специальных и специфических физических упражнений.

По мнению И. Аулика состояние физической и умственной работоспособности определяется, скоростью и характером усталости, то есть состоянием, которое возникает в организме из-за работы при неполноценном процессе восстановления. Всякий раз следствием утомляемости бывает ухудшение эффективности работы ее качества [1].

Г. Макарова говорит, что «в настоящее время, когда объем и интенсивность тренировочных нагрузок в спорте высших достижений достигли практически околограничных величин, ни у кого из специалистов не вызывает сомнения правомерность использования у атлетов высокой квалификации определенных (что не относится к группе допинга) средств и методов, направленных на оптимизацию восстановления после нагрузки и повышения физической работоспособности» [5, с. 261].

Далее подадим в соответствии с армспортом фармакологические *средства* восстановления организма. После больших тренировочных нагрузок армспортсмены, с целью восстановления организма и стимулирования работоспособности, употребляют фармакологические средства.

Рассмотрим фармакологические препараты, которые рекомендуются специалистами (В. Олешко) для разрешенного употребления [6]. По эффективности действия и биологическим содержанием все фармакологические препараты условно разделяются на такие группы: витамины и коферменты; препараты пластического действия; препараты энергетического действия; адаптогены и средства, которые повышают иммунные свойства организма; препараты, которые регулируют электролитный обмен; антиоксиданты; медиаторы ЦНС, которые регулируют процессы возбуждения и торможения; средства, которые влияют на кровоток. Лекарственные средства, перечисленные выше, употребляются в виде настоев и экстрактов. Дозы, которые рекомендуются для использования индивидуальные, и зависят от массы тела, возраста, состояния организма и индивидуальной склонности армспортсмена к препаратам.

В армспорте анаболические стероиды негативно влияют на состояние здоровья армспортсменов, и прежде всего нарушают функцию печени. В. Олешко указывает на то, что диапазон этих нарушений до-

статочно очень широкий (от безболезненных выделений ферментов из поврежденной ткани печени в кровь, к таким, как рак печени и т.д.). Следовательно, включение медицинской комиссией МОК диуретиков к списку запрещенных, продолжает В. Олешко, предопределено их использованием как средств, которые маскируют употребление анаболических стероидов [6].

Рассмотренные некоторые фрагменты средств восстановления армспортсменов, а именно: оздоровительное влияние бани на разные системы организма и фармакологические средства восстановления армспортсменов ориентированы на их использование в учебно-тренировочном процессе и направлены на оптимизацию подготовки армспортсменов к соревнованиям. Нужно отметить, что самостоятельное использование средств без разрешения спортивного врача может привести к нежелательным негативным результатам. Это может произойти в связи с особенностями состояния здоровья конкретного армспортсмена или некорректно примененными средствами восстановления в учебно-тренировочном процессе (или после него) с разными физическими и психическими нагрузками без совета и рецепта спортивного врача.

Библиографический список

1. Аулик И. В. Определение физической работоспособности в клинике и спорте. – М. : Медицина, 1990. – 191 с.
2. Драгнев Ю. В. Методика физической подготовки ученической молодежи. Часть 1. «Армспорт» : учеб. пособ. для студ. высш. учеб. завед. физич. воспитания и спорта / пер. с укр. / Юрий Владимирович Драгнев ; Гос. учр. «Луган. нац. ун-т имени Тараса Шевченко». – Луганск : Изд-во ДЗ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», Элтон-2, 2011. – 428 с.
3. Драгнев Ю. В., Богданова Е. В. и др. Электронное обучение в высшем физкультурном образовании: теория и методика: монография / под общ. ред. Ю. В. Драгнева. – Луганск: Изд-во «Ноулидж», 2015. – 285 с.
4. Драгнев Ю. В. Психологическая готовность армспортсменов к поединкам: развитие концен-

- трации внимания // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко : сб. науч. тр. / гл. ред. Е. Н. Трегубенко; вып. ред. Е.Н. Дятлова; ред. сер. О.Г. Сущенко. – № 1(3) : Серия 1, Пед. науки. Образование. – Луганск : Книта, 2020. – С. 22–26.
5. Макарова Г. А. Спортивна медицина : учеб. – М. : Сов. спорт, 2003. – 480 с.
 6. Олешко В. Г. Силовые виды спорта : учеб. для студ. вузов физ. восп. и спорта/ – К. : Олимп. л-ра, 1999. – 287 с.
 7. Черноштан А. Г., Щербак М. С. Исследование критериев сформированности готовности к профессиональной деятельности будущих специалистов по физической культуре // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко – Луганск : «Книта», 2016. – № 1 (2) : Серия 2, Физическое воспитание и спорт. – С. 17–24.
 8. Черноштан А. Г. Теоретические основы рейтингового оценивания спортивно-педагогической подготовки будущих специалистов по физическому воспитанию в условиях кредитно-модульной системы обучения // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко : сб. науч. тр. / гл. ред. Е. Н. Трегубенко; вып. ред. Н. В. Вострякова; ред. сер. Н. А. Павлова. – Луганск : Книта, 2018. – № 1 (18) : Серия 2, Физическое воспитание и спорт. – С. 34–40.
 9. 1000 целительных свойств бани. – М. : Изд. дом «Улис XXI», 2001. – 352 с.

© Драгнев Ю. В., 2022.

УДК 378.11

**ИНТЕГРАЦИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ
КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА****К. К. Жампеисова***Доктор педагогических наук, профессор,
e-mail: khorlan_17@mail.ru,***Н. Н. Хан***доктор педагогических наук, профессор,
e-mail: professor_khan@mail.ru;
ORCID 0000-0002-2487-4402,***Ш. Ж. Колумбаева***кандидат педагогических наук, профессор,
e-mail: kolumb_09@mail.ru.
ORCID 0000-0003-1491-8990,
Казахский национальный
педагогический университет имени Абая,
г. Алматы, Казахстан***INTEGRATION IN THE PEDAGOGICAL PROCESS AS A CONDITION
FOR SUCCESSFUL TRAINING OF A FUTURE TEACHER****K. K. Zhampeisova***Doctor of Pedagogical Sciences, professor,
e-mail: khorlan_17@mail.ru,***N. N. Khan***doctor of pedagogical sciences, professor,
ORCID 0000-0002-2487-4402,
e-mail: professor_khan@mail.ru,***Sh. Zh. Kolumbayeva***candidate of pedagogical sciences, professor,
ORCID 0000-0003-1491-8990,
e-mail: kolumb_09@mail.ru,
Kazakh National Pedagogical University
named after Abai,
Almaty, Kazakhstan*

Abstract. The article actualizes the importance of the implementation of integration in the educational process of the university, as a crucial condition for improving the quality of teacher training. The authors believe that ignoring the coordination of actions between the subjects of the pedagogical process, teachers teaching various cycles of disciplines: general education; specialized disciplines; profiling of disciplines, weak implementation of integration processes within the framework of the “teachers-students” system is one of the reasons for the decline in the quality of pedagogical education in Kazakhstan. The authors associate the solution to the problem with the unification of the efforts of the entire teaching staff of the university as the basis for the enlargement of the didactic unit, the creation of a single educational space of the university through the implementation of integration processes in the pedagogical process.

Keywords: integration; integration of education; integration processes; higher pedagogical education; pedagogical process; educational system.

Глобальные факторы сегодня определяют не только новые возможности и вызовы цивилизации, но и позволяют диагностировать перспективные направления развития образования, педагогической науки. «Интеграция – сложный, многоаспектный, саморазвивающийся исторический феномен, который зарождается

в наиболее развитых, с технико-экономической и социально-политической точек зрения, регионах мира» второй половины XX века как результат эволюции мировой цивилизации [6].

По мнению исследователей, глобальной предпосылкой для проявления интеграционных процессов в современной ми-

ровой педагогике и соответственно, в национальных системах образования, выступает изменение социальной роли знания, гуманизация и демократизация образования, открытость национальных образовательных систем международному сотрудничеству, стремление к глобализации содержания образования [1].

В настоящий период «педагогическая интеграция как разновидность научной интеграции в рамках педагогической теории и практики» представляет глобальную гуманитарную тенденцию [11], а также одну из ведущих тенденций в модернизации высшего педагогического образования. Весомость данной тенденции определяется, прежде всего, повышенным требованием общества к качеству и уровню профессионально-педагогической подготовки будущих учителей – педагогов нового типа (Баронина К. А., Кайгородова О. В., Обрядина Г. Ю., Степанец Р. В.).

В то же время, ученые констатируют присутствие ряда противоречий, которые снижают качество подготовки востребованного обществом педагога. Это противоречия: «между противоречивым, многофакторным характером педагогической деятельности и редукционным подходом к интеграции ее составляющих» [9; 10]; «между традиционной «предметно-ориентированной» подготовкой педагога, направленной на выработку определенных ЗУНов у будущих специалистов и современными требованиями к качеству подготовки специалистов образования (Н. В. Кузьмина); между необходимостью повышения качества подготовки будущих учителей в условиях быстроменяющегося общества и реальным состоянием его осуществления в условиях педагогического процесса вуза (Жампеисова К. К. и др.).

Подготовка педагога, готового к работе в новых интеграционных условиях, является актуальной для всей образовательной системы Республики Казахстан. Исследование интеграционных процессов в профессиональной подготовке учителя ведётся российскими учеными также по

различным аспектам подготовки. Левченко В. В. [5] исследования проблемы интеграции делит на следующие группы:

1. Философско-научоведческие исследования, которые рассматривают:

- общетеоретические проблемы интеграции;
- интеграцию дисциплин и научного знания в отдельных отраслях науки;
- интеграцию в области человекознания и гуманитарных дисциплин;
- интеграцию в сфере взаимодействия социогуманитарного и естественнонаучного знания;
- интеграцию в области технических наук, взаимосвязи технических и естественных наук, технических и общественных наук.

2. Методологические исследования, которые рассматривают:

- инструменты обеспечения педагогической интеграции;
- ушно-категориальные характеристики педагогической интеграции;
- интегративные концепции в педагогической науке.

3. Прикладные исследования, которые рассматривают задачи практической интеграции.

Чухина Е. В. раскрывает сущность понятия «интеграция знаний» в профессиональной подготовке в рамках психолого-педагогических и методических учебных дисциплин на основе общей для них проблемы, что позволяет установить новые связи, зависимости между сторонами изучаемого явления. Она выделяет возможные способы интеграции психолого-педагогических и методических знаний в процессе профессиональной подготовки будущего учителя: содержательный (на основе выделения ведущих понятий межпредметного характера) и организационный (изменение организации взаимодействия преподавателей) [12]. Отмечая серьезную научно-практическую, исследовательскую базу интеграционных процессов в педагогическом образовании, ученые указывают на отсутствие единой интегра-

ционной идеи, как основы создания соответствующих концепций.

Придерживаясь теории целостного педагогического процесса (Хмель Н. Д.), мы убеждены в том, что подготовка педагога должна осуществляться не фрагментарно, а целостно и системно: содержание и методика профессиональной подготовки учителя, определяются особенностями объекта его деятельности – педагогического процесса (ПП), системы «педагогическо-обучающиеся». Высокий уровень развития педагогического процесса, единство цели и результат деятельности при взаимодействии подтверждают «целостность», которая является основным интегративным качеством этой системы. Данное качество проявляется в разных аспектах – содержательно-целевом, организационно-процессуальном и операционно-технологическом; целостности учебной и внеучебной, внеаудиторной сфер педагогического процесса, взаимосвязи обучения, воспитания, развития и профессиональной подготовки [10, с. 120].

Однако это не механическое соединение этих процессов, а новое качественное образование, которое подчиняется особым закономерностям и влияет на развитие личности специалиста как субъекта с преобразующей активностью. Поэтому педагогический процесс целесообразно рассматривать как целостную, интегрированную динамическую систему, в которой позитивное движение обусловлено взаимодействием его главных участников-субъектов деятельности. А интеграционный процесс в условиях педагогического процесса можно понимать как синтезирующий, «объединительный процесс, основанный на развитии взаимосвязей между элементами и направленный на эффективное достижение целей системы, в которой элементы образуют системное единство по принципу взаимодополняемости их функционирования и развития внутрисистемных связей». Интеграция в педагогическом процессе – это «процесс и результат разви-

тия, становления и формирования многомерной человеческой целостности в условиях осуществления интегративно-педагогической деятельности» [7].

В рамках педагогического процесса интеграционные процессы должны проявиться в деятельности преподавателей; в содержании, средствах, формах, методах как составляющих интегративной педагогической деятельности. Особое значение для нас представляет структурообразующая функция интеграции, которая «состоит в установлении связей между компонентами образовательного процесса, в первую очередь с содержанием образования, обеспечивающих его функционирование как системы» (Степанец Р. В. [8]), в создании единого образовательного пространства вуза. Научно-практический интерес представляют такие понятия, как интегративный подход, принцип интеграции, предполагающий взаимосвязь всех компонентов педагогического процесса (субъектный, содержательный, технологический), и как ориентир при разработке целеполагания, определения содержания, средств, форм, методов, приемов и технологий.

Анализ профессиональной подготовки показывает, что на практике недостаточно четко осуществляется координация (целостности) действий между преподавателями педагогического вуза, читающими в нем различные циклы дисциплин: общеобразовательные (ООД); базовые (БД); профилирующие (ПД). Данная ситуация усугубляется еще и тем, что общеобразовательные дисциплины: философия, история, культурология, социология, политология, не имеют профессионально-педагогической направленности. В процессе изучения этих дисциплин, будущие учителя не совсем ясно понимают профессионально-личностный смысл обретения знаний в рамках цикла ООД; значительная часть преподавателей, осуществляющих специализацию (ПД), в большинстве своем люди, хорошо владеющие сво-

им предметом, но обладающие не достаточным уровнем требуемой методологической, психолого-педагогической подготовки. Это касается и преподавателей, осуществляющих общеобразовательную подготовку (ООД) будущих учителей.

Налицо внутрисистемное противоречие – противоречие между частями целого. Данное противоречие при отсутствии его разрешения может привести систему к разрушению. В ее нынешнем состоянии она не является востребованной. Она не может формировать у будущих педагогов знания нового, интегрированного характера. Сложившаяся ситуация свидетельствует о недостаточной сформированности в педагогических вузах Казахстана единого образовательного пространства, как наиболее эффективной формы реализации задач, направленных на повышение качества высшего педагогического образования.

Вышеизложенное требует структурирования образовательного процесса вуза на основе интеграции. В решении этой задачи большое значение отводится внутригрупповому процессу, основанного на единстве и сплоченности коллектива, его объективности в возложении и принятии ответственности за совместной деятельности. Внутригрупповой процесс является основой осуществления интеграционных процессов. Результатом совместных коллективных действий, как необходимого условия осуществления интеграционных процессов, является восстановление целостности [4].

В научно-педагогической литературе, интеграция определяется как сторона процесса развития, связанная с объединением в единое целое, ранее разнородных частей и элементов. А интеграционный процесс как совокупность действий субъектов по объединению частей в единое целое – т.е. необходимо интегрирование, направленное на сближение компонентов системы, на установление между собой разного рода отношений (связей, взаимосвязей, взаимодействий) [4]. Здесь важно отметить: вне интеграционных процессов

невозможна интеграция содержания образования и это есть необходимое условие повышения качества образования, в том числе педагогического.

В имеющихся определениях, сущность данного феномена понимается как «процесс и результат взаимодействия структурных элементов системы, *сопровожающееся ростом системности и уплотненности знаний обучающихся*», представленного в ряде исследований [2]. Под уплотненностью знаний понимается их интегрированный, а, следовательно, целостный характер. Как отмечает Р. В. Степанец, «интеграция, стремящаяся к целостности, представляет собой «совокупность знаний из разных областей» [8]. Следовательно, без координации деятельности преподаватели педагогического вуза, читающие все циклы дисциплин ООД, БД, ПД, добиться роста *системности и уплотненности знаний обучающихся невозможно*.

Получение знаний из разных научных областей актуализирует проблему структуризации знаний будущих учителей с учетом «интегративного подхода, как методологического принципа, способствующего получению комплексного знания» [3].

Если исходить из того, что:

- результатом структуризации знания является укрупнение дидактических единиц педагогического процесса;
- укрупненная дидактическая единица (УДЕ) [13], состоящая из логически различных элементов, обладает информационной общностью, системностью, целостностью, устойчивостью к сохранению во времени, быстрым проявлением в памяти;
- а интеграция – это взаимное сближение, это взаимодополняемость и взаимозависимость компонентов системы, растущая степень их «сцепляемости», синхронизация действий посредством их регулирования соответствующими органами управления (Лиферов А. П.);

- УДЕ педагогического процесса есть необходимое условие структуризации знания.

Безусловно, усилия всего ППС педагогического вуза должны быть направлены на осуществление интеграционных процессов, внутри самого педагогического процесса как системы и это будет способствовать созданию единого образовательного пространства.

Таким образом, анализ и изучение литературы по проблеме, подвел нас к закономерным выводам:

- интеграция есть тенденция и необходимое условие развития высшего педагогического образования, посредством которой возможно создание единого образовательного пространства педагогического вуза;
- стержнем интеграции является объединение усилий ППС, читающих дисциплины ООД, БД и ПД;
- единение усилий всего ППС вуза есть основа укрупнения дидактической единицы содержания вузовского педагогического процесса;
- деятельность преподавателя высшей школы должна носить интегративно инновационный характер;
- подготовка педагога нового типа, обогащенного системным уплотненным знанием требует интеграционных процессов во всей системе «педагогический обучающиеся» в целом, и в частности в его компонентах (субъектный, содержательный, технологический), что приведет, по нашему убеждению, к повышению качества высшего педагогического образования.

Библиографический список

1. Баронина К. А. Теоретико-методологические основания изучения интеграционных процессов в системе высшего педагогического образования России // Наука и школа. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovaniya-izucheniya-integratsionnyh-protsessov-v-sisteme-vysshego-pedagogicheskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 31.03.2022).
2. Берулава М. Н. Интеграция содержания образования. – М. : Педагогика; Бийск: Научно-издат. центр БИГПИ, 1993. – С. 6.
3. Валицкая А. П. Интеграция и стратегия педагогического образования // Образование и культура Северо-Запада России. Вестник северо-западного образования РАО. Сб. ст. – СПб., 1997. – С. 76–83.
4. Кайгородова О. В. Развитие интеграционных процессов в системе высшего педагогического образования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2008. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-integratsionnyh-protsessov-v-sisteme-vysshego-pedagogicheskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 31.03.2022).
5. Левченко В. В. Интеграционные процессы в педагогической науке // Вестник СамГУ. 2007. № 5/1 (55). – С. 157–165.
6. Лицарева Е. Ю. Причины и сущность интеграционных процессов на европейском и азиатском континентах в конце XX века // Вестн. Том. гос. ун-та. 2003. № 276. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-suschnost-integratsionnyh-protsessov-na-evropeyskom-i-aziatskom-kontinentah-v-kontse-xx-veka> (дата обращения: 31.03.2022).
7. Мухаммадиев Б. Ж., Маткаримова Н. Б. Педагогическая интеграция в системе подготовки специалистов в вузе // Вопросы науки и образования. 2017. № 4 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-integratsiya-v-sisteme-podgotovki-spetsialistov-v-vuze-1> (дата обращения: 31.03.2022).
8. Степанец Р. В. Интеграция как гносеолого-педагогический феномен // Вестник БГУ. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-kak-gnoseologo-pedagogicheskiy-fenomen> (дата обращения: 31.03.2022).
9. Титовец Т. Е. Теоретико-методические основы интеграции содержания педагогического образования : монография. – Минск : БГПУ, 2007. – 147 с.
10. Хан Н. Н., Жампеисова К. К., Колумбаева Ш. Ж. Педагогика : учеб. пособие для студ. бакалавриата специальностей группы «Образование». – Алматы, 2017. – 261 с.
11. Чапаев Н. К. Педагогическая интеграция: методология, теория, технология : монография. 3-е изд., доп. и перераб. – Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. – 372 с.
12. Чухина Е. В. Способы интеграции психолого-педагогических и методических знаний в про-

фессиональной подготовке будущего учителя // Омский научный вестник № 3 (139) 2015. – С. 116–119.

13. Эрдниев П. М., Эрдниев Б. П. Укрупнение дидактических единиц в обучении математи-

ке : книга для учителя. – М. : Просвещение, 1986. – С. 6–7.

© Жампеисова К. К.,
Хан Н. Н.,
Колумбаева Ш. Ж., 2022.

УДК 378

**ИНТЕГРАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАЗАХСТАНА
В МИРОВОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО:
ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ****И. В. Казанская***Кандидат экономических наук, доцент,
ORCID 0000-0001-7257-022X,
e-mail: iri-kazanskaya@yandex.ru
МИРЭА–Российский
технологический университет,
г. Москва, Россия***С. В. Ямщиков***Кандидат исторических наук, доцент,
ORCID 0000-0001-9059-1753,
e-mail: iiysv@yandex.ru***Ж. Х. Молдагали***магистрант,
e-mail: li_yan_official@mail.ru,
Государственный университет «Дубна»,
г. Дубна, Московская область, Россия***INTEGRATION OF KAZAKHSTAN'S HIGHER EDUCATION
INTO THE GLOBAL EDUCATIONAL SPACE:
ACHIEVEMENTS, PROBLEMS, PROSPECTS****I. V. Kazanskaia***Candidate of Economics, associate professor,
ORCID 0000-0001-7257-022X,
e-mail: iri-kazanskaya@yandex.ru,
MIREA – Russian Technological University,
Moscow, Russian Federation***S. V. Yamshchikov***Candidate of historical Sciences, associate professor,
ORCID 0000-0001-9059-1753,
e-mail: iiysv@yandex.ru,***Zh. H. Moldagali***master's student,
e-mail: li_yan_official@mail.ru,
Dubna state University,
Dubna, Moscow region, Russian Federation.*

Abstract. The modern globalizing world makes a request for universal specialists who receive professional training in national universities, as a result of which the form and content of higher education strive for world standards, its internationalization and integration are taking place, comprehensively bringing together national higher education systems. The article highlights the process, achievements, current problems, directions, prospects of internationalization and integration of higher education of the Republic of Kazakhstan into the global educational space. The authors pay special attention to academic mobility, the creation of international universities and research centers, the introduction of international standards in higher education in Kazakhstan.

Keywords: globalization; education; world educational space; higher education; higher education of the Republic of Kazakhstan; internationalization of higher education; integration of higher education; academic mobility; international universities; international standards of higher education.

В настоящее время образование представляет собой системообразующий элемент общества, социальный институт, детерминирующий всю общественную структуру, основной фактор, актор и ин-

дикатор общественного развития. Современные общества конкурируют не столько в финансово-экономической сфере сколько в информационно-знаниевой, одной из составляющей которой является система

образования. Высшее образование, как неотъемлемая часть всей системы образования, функционирует с целью удовлетворения общественных потребностей и поэтому должно гибко реагировать на внутренние и внешние изменения, процессы, запросы и вызовы.

Глобализирующийся мир предъявляет запрос на универсальных специалистов, которые получают профессиональную подготовку в национальных вузах. Поэтому форма и содержание высшего образования стремятся к мировым стандартам, происходит его интернационализация и интеграция, всесторонне сближающие национальные системы вузовского образования. Международное сотрудничество в сфере высшего образования обеспечивает адекватность его формы, содержания и уровня развития потребностям различных сфер общественной жизни, содействует качественному росту высших учебных заведений в развивающихся странах, повышает гибкость, охват и качество высшего образования, стимулирует конкуренцию разных систем образования, научных школ в сочетании с академическим взаимодействием и взаимопомощью.

Инкорпорирование Казахстана в коргу развитых стран мира возможно через создание эффективной системы подготовки высококвалифицированных специалистов, владеющих наукоемкими техникой и технологиями, управленческими знаниями, умениями, навыками, а, самое главное, универсальными, личностными компетенциями, позволяющими быстро адаптироваться к стремительно меняющейся социальной реальности. Качественный рост человеческого капитала и потенциала выступает приоритетом развития страны, определяющим фактором национальной безопасности и инновационной модернизации экономики, основанной на знаниях. Задача развития человеческого капитала возлагается, прежде всего, на систему высшего образования.

Интеграция высшего образования Казахстана в мировое образовательное про-

странство направлена на подготовку широко образованных, творческих, самостоятельно мыслящих, социально активных профессионалов, осознающих особенности современного общества и своё место в нём, свободно ориентирующихся в многообразном социокультурном мире. Помимо этого образовательная интеграция и интернационализация высшего образования Казахстана означает, что дипломированные выпускники вузов должны в полной мере владеть обширным набором фундаментально-теоретических знаний, практических умений и навыков, которые необходимы для работы в глобализирующейся мировой экономике, а также для научной деятельности, котирующейся в мировом сообществе.

Стратегический интеграционный вектор республики Казахстан в сфере высшего образования подразумевает внедрение международных стандартов во все аспекты учебно-образовательной и научной деятельности как на государственном уровне, так и на уровне вузов, соглашения о сотрудничестве с зарубежными образовательными организациями, обмен студентами и преподавателями, использование международного опыта и иностранных экспертов для повышения качества подготовки специалистов.

В марте 2010 г. Казахстан официально подписал Болонскую декларацию и стал 47 членом европейского региона высшего образования и первым центрально-азиатским государством, признанным полноправным членом европейского образовательного пространства. Идеи Болонского процесса стали основой государственной политики развития высшего образования в республике Казахстан, главной целью которой является обеспечение успешного трудоустройства выпускников за счет повышения качества высшего образования до мировых стандартов.

В рамках этой национальной образовательной стратегии начали реализовываться европейские программы «ТАСИС» и «ТЕМПУС», ориентированные на уста-

новление академических связей между университетами Казахстана и университетами стран Европейского союза, было заключено множество двусторонних межправительственных договоров о сотрудничестве с высшими школами зарубежных стран, существенно возросло число прямых договоров с зарубежными университетами. Результатом этого договорного процесса стало создание и функционирование в Казахстане совместных международных университетов: Казахстанско-Британского технического университета, Казахстанско-Турецкого университета им. Яссави, Казахстанско-Немецкого университета, Казахстанско-Американского свободного университета, Казахстанско-Российского университета, а также плодотворное сотрудничество в области образования с ЮНЕСКО [8, с. 797].

В высшем образовании Казахстана внедрена самая распространенная в мире бакалаврско-магистерская модель подготовки выпускников и трехуровневая система обучения по программам бакалавриата, магистратуры и докторантуры PhD, соответствующая международным стандартам. О приверженности казахстанских вузов общепринятым принципам университетского образования свидетельствует факт подписания 18 вузами Казахстана Великой хартии университетов [9, с. 31].

В 2018 году во всех вузах Казахстана осуществлен переход на кредитную систему образования (European Credit Transfer and Accumulation System – ECTS), представляющую собой универсальный измеритель учебной нагрузки студента. Она позволяет оценивать уровень освоения дисциплин и полученные квалификации по единой шкале в странах-участниках Болонского процесса, что способствует академической мобильности.

Под академической мобильностью понимается «перемещение обучающихся или преподавателей-исследователей на определенный академический период, как правило, семестр или учебный год, в дру-

гое высшее учебное заведение (внутри страны или за рубежом) для обучения или проведения исследований с обязательным перезачетом в установленном порядке освоенных образовательных программ в виде кредитов в своем вузе» [7]. Академическая мобильность – один из основополагающих факторов процесса глобализации образовательного пространства. Прививая навыки погружения в иную культурную среду, способность к межкультурной коммуникации, воспитывая уважение к другим культурам, повышая лингвистическую компетентность [2, с. 36], академическая мобильность, прежде всего, способствует личностному развитию её субъектов. Кроме того, академическая мобильность обучающихся, профессорско-преподавательского состава и сотрудников улучшает качество образования, повышает эффективность научных исследований, ведёт к установлению интеграционных отношений.

Казахстанские вузы стимулируют развитие академической мобильности: организуют обучение, практики и стажировки студентов за рубежом, привлекают зарубежных преподавателей к чтению лекций и проведению совместных исследований [4]. Расширению академической мобильности способствуют международные образовательные обмены, стипендии правительств иностранных государств и международных организаций, международная стипендия президента Казахстана «Болашак» [8, с. 797]. В 2019 году по программе академической мобильности в иностранные вузы за счет бюджетных средств были направлены 603 студента [1]. По программе «Болашак» сегодня за границей обучаются 857 казахстанцев [1]. Однако большая часть казахстанцев получает высшее профессиональное образование за рубежом за счет собственных финансовых средств или международных стипендий.

В начале 2010-х годов около 19 тысяч граждан Казахстана обучались в 35 стра-

нах мира, в том числе около 16,4 тысяч (86 %) – в вузах Российской Федерации [1]. По актуальным данным ЮНЕСКО, более 84 тысяч казахстанских студентов обучаются за рубежом [1]. Наиболее многочисленные потоки образовательной миграции из Казахстана направлены в Россию и Китай. В 2017–2018 учебном году в России обучалось 65 тысяч казахстанских студентов, а в 2018–2019 учебном году около 40 тысяч [1]. В настоящее время в Китае учится 15 тысяч студентов из Казахстана [6].

Студенты Казахского агротехнического университета им. С. Сейфуллина в Астане (далее – КазАТУ), прошедшие обучение и стажировку в Германии, Франции, Южной Кореи, Турции, окончив КазАТУ и получив необходимые профессиональные компетенции, успешно работают в министерстве финансов, в министерстве сельского хозяйства Республики Казахстан, в банках, в крупных сельскохозяйственных организациях, в представительствах зарубежных фирм и в совместных предприятиях [6].

Казахстанские вузы активно внедряют международные стандарты управления качеством образования. Первым среди вузов Казахстана внедрил систему менеджмента качества, соответствующую международным стандартам системы управления качеством образования ИСО 9001, Восточно-Казахстанский государственный технический университет им. Д. Серикбаева в Усть-Каменогорске [3].

Казахстанская система высшего образования расширяет международное сотрудничество в области научно-исследовательской деятельности. С целью развития научной инфраструктуры, её координации и совершенствования в Казахском национальном аграрном исследовательском университете в Алматы (далее – КазНАИУ) функционируют международные, инновационные центры и лаборатории: Казахстанско-Японский инновационный центр, Казахстанско-Корейский центр, Казахстанско-Белорусский иннова-

ционный агроинженерный центр, Казахстанско-Нидерландский центр «Интенсивный сад», Международный инновационный центр вакцинологии [10].

КазНАИУ реализует совместные научно-исследовательские проекты по различным направлениям с зарубежными вузами, институтами и компаниями:

- «Определение и создание базы данных по молекулярным свойствам и генетическому коду ДНК клещей и клещевых болезней в приграничных районах Китая и Казахстана» с университетом Шыхыцзы Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР;
- «Совместное создание и применение новых продуктов для профилактики и борьбы с основными трансграничными болезнями животных» с Ланджовским научно-исследовательским ветеринарным институтом КНР;
- «Испытание безопасности и протективности новой векторной вакцины против бруцеллеза крупного рогатого скота, содержащей 20%-ный адъювант Montanide Gel01, на различных половозрастных группах крупного рогатого скота» с французской компанией Seppic;
- создание с нидерландской компанией Dutch Fruit Solutions Kazakhstan («Голландские Фруктовые Решения Казахстана») опытного участка плодовых и ягодных культур для демонстрации современных инноваций в области устойчивого развития плодового хозяйства с использованием новых сортов и подвоев, эффективных производственных систем и новых технологий;
- строительство по инновационной южнокорейской технологии с фондом коммерциализации и внедрения сельскохозяйственных технологий Республики Корея «умной» теплицы площадью 10 000 м² (1 га), которая является учебной площадкой для профессиональной подготовки бакалавров, магистрантов, докторантов и переподго-

товки специалистов тепличных хозяйств [10].

Для повышения международного авторитета, академической репутации и широкого мирового признания, наращивания исследовательской мощи казахстанские вузы интернационализируются. Они унифицируют образовательные программы, расширяют академическую мобильность и исследования международного уровня, развивают сетевые связи и партнёрские отношения.

Так, например, Западно-Казахстанский аграрно-технологический университет имени Жангир хана в Уральске (далее – ЗКАТУ им. Жангир хана) сотрудничает с университетами и научными центрами Азербайджана, Армении, Белоруссии, Венгрии, Вьетнама, Италии, Китая, Латвии, Литвы, Молдовы, Монголии, Поль-

ши, России, Румынии, Сербии, Словакии, США, Таджикистана, Украины, Финляндии, Хорватии, Чехии, Эстонии, Японии. В ЗКАТУ им. Жангир хана разрабатываются совместные образовательные программы с зарубежными вузами Европы, Юго-Восточной Азии, России, Белоруссии, вводятся инновационные модульные учебные программы [5].

Образовательная и академическая политика ЗКАТУ им. Жангир хана направлена на обеспечение сопоставимости и совместимости образовательных программ с зарубежными вузами, на предоставление профессорско-преподавательскому составу возможностей для получения международного опыта через участие в проекте Эразмус+ [5].

В ЗКАТУ им. Жангир хана [5]:

	2018	2019	2020	2021
Количество иностранных студентов	43	40	18	105
Количество приглашенных зарубежных преподавателей	5	4	2	–
Количество студентов, обучающихся по академической мобильности	17	9	12	12
Количество ППС, прошедшее стажировку за рубежом	5	19	6	1

Карагандинский экономический университет реализует более 100 договоров о сотрудничестве с университетами Германии, Великобритании, Испании, Чехии, США, Канады, России, которые предполагают совместные с университетами-партнерами научные исследования, информационный обмен, организацию и проведение научных мероприятий (симпозиумов, конференций, круглых столов), совместный фандрайзинг, академическую мобильность [2, с. 39].

Однако более глубокая и основательная интернационализация высшего образования Казахстана, его полное, всестороннее включение в мировое образовательное пространство сдерживается отсутствием выверенной стратегии этого

процесса, неразвитостью партнерских отношений с зарубежными вузами, неполным соответствием национальной системы высшего образования Казахстана требованиям Болонского процесса, несформированностью международной репутации университетов, слабой привлекательностью образовательных программ, недостаточной мотивацией профессорско-преподавательского состава и студентов к международным контактам, низкой языковой компетентностью преподавателей и студентов, невысоким уровнем участия в научных исследованиях и коммерциализации их результатов, ограниченностью финансовых ресурсов и возможностей.

Обеспечение успешной интеграции высшего образования Казахстана в миро-

вое образовательное пространство – это задача не столько отдельных вузов, сколько государства. Решение этой задачи возможно при финансовой поддержке казахстанских вузов со стороны государства и в то же время при расширении автономии вузов через формирование в них самоуправленческих структур и совершенствование внутреннего менеджмента, что приведёт в итоге к повышению конкурентоспособности всей системы высшего образования республики Казахстан.

Глобальные, стратегически важные проблемы в сфере высшего образования – обеспечение академической мобильности, доступ к информационным ресурсам, содействие программам стратегического партнерства с зарубежными университетами, формирование высокого статуса педагога, привлечение молодежи в вузы, доступность льготного жилья для сотрудников, профессиональный рост персонала, создание программ непрерывного образования на протяжении всей жизни и бизнес-образования, казахстанское государство должно решать комплексно, на основе единой политики по отношению к вузам независимо от их статуса.

Библиографический список

1. Бочарова М. Много ли казахстанских студентов учится за рубежом и почему? // URL: <https://factcheck.kz/claim-checking/verdict/mnogo-li-kazaxstanskix-studentov-uchitsya-za-rubezhom-i-rochemu/> (дата обращения: 08.05.2022).
2. Бугубаева Р. О., Горячева Е. В., Даниярова М. Т. Академическая мобильность студентов как составляющая международных интеграционных процессов в системе высшего образования Казахстана // Высшая школа Казахстана. Болонский процесс. – 2016. – №1. – С. 35–38.
3. Восточно-Казахстанский государственный технический университет им. Д. Серикбаева. Система менеджмента качества // URL: <https://www.ektu.kz/abouttheuniversity/qm.s.aspx> (дата обращения: 08.05.2022).
4. Джаналиев Е. М. Об организации академической мобильности обучающихся // URL: <http://zhubanov.edu.kz/ru/pages/obuchaushimsya/academicheskaya-mobilnost.php> (дата обращения: 08.05.2022).
5. Западно-Казахстанский аграрно-технический университет имени Жангир хана г. Уральск // URL: <https://wkau.kz/ru/globalnoe-partnerstvo/> (дата обращения: 08.05.2022).
6. Китайбекова С. О. Интеграция Казахстана в мировое образовательное пространство // URL: http://www.rusnauka.com/7_NND_2009/Pedagogica/42938.doc.htm (дата обращения: 08.05.2022).
7. Международный университет Silkway. г. Шымкент // URL: <https://swiu.edu.kz/academic-mobility> (дата обращения: 08.05.2022).
8. Митина Н. А. Международное сотрудничество как условие повышения качества высшего образования в Казахстане // Молодой ученый. – 2014. – №2 (61). – С. 797–799.
9. Назарова С. В., Нахапетян К., Шевченко Л. Я. Проблемы высшего образования в Республике Казахстан // Вестник Костанайского государственного педагогического университета. – 2014. – № 2. – С. 29–36.
10. Научно-исследовательская деятельность Казахского национального аграрного исследовательского университета // URL: https://www.kaznaru.edu.kz/page/NII_university/?lang=ru (дата обращения: 08.05.2022).

© Казанская И. В., Ямищиков С. В., Молдагали Ж. Х., 2022.

УДК 378.016:37.01

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РОЛЕВОЙ ИГРЫ И МОДЕЛИРОВАНИЯ
ДЛЯ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ****Е. Ю. Ладонина**

*Кандидат исторических наук, доцент,
ORCID 0000-0002-3369-3806,
e-mail: e.ladonina@volsu.ru,
Волгоградский государственный университет
г. Волгоград, Россия*

**THE USE OF ROLE PLAY AND SIMULATION TO DEVELOP
COMMUNICATIVE COMPETENCE****E. Yu. Ladonina**

*Candidate of Historical Sciences, assistant professor,
ORCID 0000-0002-3369-3806,
e-mail: e.ladonina@volsu.ru,
Volgograd State University,
Volgograd, Russia*

Abstract. The article reveals a role play and simulation as the important strategies for developing a good working relationship with learners in the language teaching process. It also analyses the risks involved in running a role play and simulation and the main ways for reducing these risks. The strategies take into account knowledge and skills in a foreign language (communicative competence), time limit of a role play and effective participation with language objectives. It is important to organize a role play and simulation at the final stages of mastering a language. Role-plays have a number of advantages as compared with the other types of work.

Key words: role play; simulation; communicative competence; strategies; time limit; language objectives; effective participation; cultural attitudes.

Как известно, начальный этап обучения иностранному языку включает овладение базовыми знаниями структуры языка, его грамматическим строем, усвоение лексического минимума, а также формирование на этой основе коммуникативной компетенции. При обучении иностранным языкам в вузе большое внимание уделяется формированию у будущих специалистов умений профессионального общения. Как правило, для обеспечения профессиональной направленности обучения устной речи в неязыковых вузах используются два основных подхода. Первый подход включает обучение речевой деятельности на материале текстов по специальности [4, с. 99]. А для второго подхода характерна ориентация обучения на определенную сферу общения [4, с. 99]. Профессиональная направленность занятий по иностранному языку способствует созданию бла-

гоприятных условий для развития профессиональных навыков и умений у студентов. Успешность же речевого общения зависит, прежде всего, от умения реализовать свои речевые намерения, степени владения структурами языка и умения их употреблять в соответствующих ситуациях. Все это составляет сущность коммуникативной компетенции. Поэтому развитие и совершенствование коммуникативной компетенции студентов является одной из целей обучения иностранному языку в вузе.

Как показывает опыт, огромные возможности для развития коммуникативной компетенции студентов предоставляет использование на занятиях по иностранному языку ролевых игр и моделирование. Практические занятия по иностранному языку в неязыковом вузе направлены на подготовку студентов к выполнению опре-

деленных ролей, наиболее типичных для общения в их профессиональной сфере. Таким образом, ролевые игры позволяют студентам не только овладевать иностранным языком и формировать коммуникативную компетенцию, но и помогают им развивать свою индивидуальность.

Принимая к сведению что, и ролевые игры, и моделирование считаются важными видами деятельности для улучшения процесса преподавания языка, рассмотрим, чем ролевая игра отличается от моделирования. При этом мы будем использовать наш опыт работы со студентами, обучающимися по профилю «Туризм». Итак, в ролевой игре студентов могут попросить принять нового участника игры, у которого существуют отличные от других взгляды и мнения. Например, учащемуся может быть предоставлена ролевая карточка, в которой объясняется, что он является менеджером по продажам различных туров в туристической компании и на встрече с заказчиками он должен высказаться за предложение одного из участников или против предложения другого.

Кроме того, ролевые игры должны быть заранее хорошо подготовлены. Они подходят для групп со смешанными интересами и обычно эффективнее работают со студентами, способными легко представить себя в той роли, которая им отведена. Моделирование же позволяет учащимся быть самими собой. Возникает ситуация, которую нужно разыграть, и они могут выражать свои собственные идеи и мнения, как если бы они сами находились в воображаемой ситуации. Как показывает опыт, в этом отношении моделирование легче для некоторых студентов. И ролевая игра, и моделирование могут быть сосредоточены на различных деловых навыках, таких как проведение встреч, телефонных переговоров и других видах деятельности.

Моделирование, в свою очередь, может быть готовым, как и ролевые игры, или может быть разработано преподавателем для отдельных студентов или небольших групп, которым необходимо

справиться с конкретной ситуацией. В этом случае преподавателю следует обратиться за помощью к учащимся, чтобы создать правдоподобную проблему с использованием фактов из собственного опыта самих студентов.

Важно отметить, что и в ролевых играх, и в моделировании ситуаций, готовых или созданных учащимися, огромное значение имеет время на подготовку. И чтобы студенты успешно сыграли свои роли, они должны быть хорошо знакомы с исходной информацией и должны иметь четкое представление о том, чего они в итоге пытаются достичь.

В процессе изучения специальной литературы [1, 6, 7], было выявлено, что проведение ролевой игры или моделирование сопряжено со многими трудностями, особенно при групповом обучении. Выделим некоторые из них. С одной стороны, большой объем справочной информации приводит к тому, что подготовка отнимает много времени и учащиеся не могут запомнить детали. С другой стороны, наоборот, обладая незначительным объемом информации, студентам приходится придумывать ее во время ролевой игры, что может нарушить ход обсуждения. Кроме того, когда обсуждение продолжается слишком долго, участники теряют из виду основные задачи. Иногда отдельные студенты настолько увлекаются спорами, не слушают друг друга и повторяют одни и те же аргументы, что группа не может прийти к определенному решению.

Как показывает опыт проведения ролевых игр, которые мы обычно используем на занятиях со своими студентами, чтобы не допустить все эти трудности, можно использовать следующие стратегии.

Во-первых, готовая ролевая игра должна быть тщательно подобрана с учетом уровня языковой подготовки учащихся, а именно, важно избегать сложных ситуаций с большим количеством справочных данных, если мало времени и уровень студентов недостаточно высокий. Это,

прежде всего, относится к ролевым играм, которые изначально были созданы для носителей английского языка.

Во-вторых, при подготовке ролевой игры или моделировании необходимо уделить достаточно времени, чтобы подробно обсудить с участниками, что они хотят сказать, как они планируют подкрепить свои аргументы и так далее. С другой стороны, следует установить ограничение по времени для периода действия ролевой игры или моделирования и убедиться, что студенты осведомлены о времени. Однако может быть предоставлено и дополнительное время, если это необходимо для успешного завершения обсуждения. Также полезно сделать перерыв во время более длительных ролевых игр, чтобы обсудить, как идут дела, и напомнить участникам о языковых и поведенческих целях.

И, в-третьих, очень важно также, чтобы преподаватель мог поставить участников ролевой игры в такие условия, при которых реализуются познавательные, а также социальные и эмоциональные аспекты отношений между участниками игры. Например, в случае встреч и переговоров уже в самом начале желательно сказать студентам, что они должны попытаться достичь соглашения.

Таким образом, ролевая игра всегда мотивирует речевую деятельность, поскольку студенты оказываются в ситуации, когда возникает потребность сказать что-либо или поделиться с собеседником своим мнением. В ролевой игре каждый студент имеет возможность изложить свою собственную точку зрения по обсуждаемым вопросам. Более того, ролевая игра делает всех участников более активными и ведет к коллективным формам работы в группе.

Опыт работы в вузе позволяет нам считать целесообразным проведение ролевой игры на заключительном этапе работы, когда студенты в достаточной мере уже владеют лексикой по специальности,

имеют хорошо развитые навыки говорения на материале различных речевых упражнений и дискуссий.

Одним из примеров ролевой игры, которую мы проводим со студентами, обучающимся по профилю «Туризм», является ролевая игра “The Best Way to Spend a Holiday”. Итак, тема: “Встреча менеджера туристического агентства с потенциальными клиентами”. Задание: встреча агента с заказчиками с целью забронировать поездку на отдых и заключение контракта с туристической компанией. Отношения участников: деловые. Необходимые интенции: выражение приветствия, согласия/несогласия, убеждения, благодарности. Количество участников: вся группа. Необходимые знания: уметь задать вопросы, ответить на вопросы; владеть определенной терминологией по специальности; владеть формами речевого этикета.

Перед началом ролевой игры полезно напомнить студентам, что эффективное участие в подобных встречах предполагает развитие хороших навыков слушания. Этот принцип может быть усилен во время практики обсуждения. Кроме того, всегда трудно справиться с проблемами, возникающими, когда один или несколько участников имеют плохое произношение и не могут правильно восприниматься другими. Как правило, поощрение групп к поддержке и сотрудничеству помогает, но не всегда может решить проблему полностью. Необходимо убедиться, что студенты имеют достаточную практику в использовании языка для разъяснения.

В конце необходимо сосредоточиться на успехе ролевой игры и моделировании в целом, а не на результатах отдельных участников. Было бы уместным попросить студентов дать свою оценку встрече. Как правило, если есть проблемы, о которых они не упоминают, преподаватель может добавить комментарии. В целом, комментарии, которые делает преподаватель, будут сосредоточены на взаимодействии внутри группы. Преподаватель также мо-

жет попросить одного или нескольких участников обобщить то, что было сказано до сих пор. Это полезно для проверки того, были ли высказанные замечания хорошо поняты другими. Необходимо также учитывать, что обратная связь на этом этапе не должна касаться допущенных языковых ошибок, если только они не привели к недопониманию. Однако ключевые слова, которые были использованы неправильно и имеют значение для последующего обсуждения, должны быть исправлены.

Итак, проанализировав наш опыт проведения ролевых игр и моделирования на практических занятиях по иностранному языку, мы можем сделать вывод, что различные виды ролевых игр имеют целый ряд преимуществ по сравнению с другими видами работы. Во-первых, улучшаются взаимоотношения преподавателя и студентов. Преподаватель выступает в роли партнера по общению. Во-вторых, студенты чаще высказывают свое мнение и находят реальное применение иностранного языка на примере своей специальности. В-третьих, в игре участвуют все студенты. В процессе игры решается какая-то проблема, и решение ее происходит совместными усилиями, что позволяет приобретать опыт творческой деятельности. Более того, ролевая игра вносит эмоциональную окраску в работу и обеспечивает максимальную активность студентов на занятии. И в этом, бесспорно, и заключается ее достоинство. Как показывает опыт, студентам сегодня необходима практика

использования живого языка в профессиональном общении на иностранном языке. И ролевые игры, и моделирование являются в частности наиболее подходящим способом приобретения такой практики на занятиях по иностранному языку и в целом играют значительную роль в развитии коммуникативной компетенции студентов в неязыковых вузах.

Библиографический список

1. Азарнова А. Метод ролевой игры в тренинге. – М. : Речь, 2011. – 352 с.
2. Вербицкий А. А. Теория и технологии контекстного образования : учебное пособие. – М., 2017.
3. Carroll B. Testing Communicative Performance. – Oxford : Pergamon Press, 1982.
4. Лопатина А. Я. Роль и место ролевых игр в развитии коммуникативной компетенции студентов в неязыковом вузе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 2. – С. 99–102.
5. Маньковская З. Английский язык для делового общения: Ролевые игры по менеджменту : учебное пособие. – М. : ИНФРА-М, 2018. – 269 с.
6. Эльконин Д. Б. Психология игры. – М. : Педагогика, 1998.
7. Шишкин С. М. Ролевая игра как один из видов упражнений на начальной ступени обучения. – М., 2001.
8. Hollett V. Business Objectives. – Oxford: Oxford University Press, 1991.
9. Wilberg P. One to One. – Sussex: Language Teaching Publications, 1987.
10. Wilkins D. A. National Syllabuses. – Oxford: Oxford University Press, 1976.

© Ладонина Е. Ю., 2022.

УДК 377

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ОБРАЗОВАНИЕ**М. И. Логачева***Кандидат филологических наук, доцент,
e-mail: mi.logacheva@mail.ru,
ORCID 0000-0002-4707-6112,***В. В. Васильева***студентка,
Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики,
г. Самара, Россия***INFORMATION TECHNOLOGY AND LEARNING****M. I. Logacheva***Candidate of Philological Sciences,
associate professor,
e-mail: mi.logacheva@mail.ru,
0000-0002-4707-6112,***V. V. Vasilyeva***student,
Povolzhsky State University
of Telecommunications and Informatics,
Samara, Russian Federation*

Summary. This article is how to use information technology in education. It defines the options and ways of using information technology in the modern education system. Much attention is paid to the advantages of using information and communication technologies in relation to the usual teaching methods.

Keywords: information technologies; multimedia; distance learning; video-conference.

Информационные технологии (ИТ, также – информационно-коммуникационные технологии) – процессы, использующие совокупность средств и методов сбора, обработки, накопления и передачи данных (первичной информации) для получения информации нового качества о состоянии объекта, процесса, явления, информационного продукта, а также распространение информации и способы осуществления таких процессов и методов [1].

Другие определения:

- приёмы, способы и методы применения средств вычислительной техники при выполнении функций сбора, хранения, обработки, передачи и использования данных [1];
- ресурсы, необходимые для сбора, обработки, хранения и распространения информации [3].

Специалистов в области информационных систем и технологий часто называют ИТ- или ИТ-специалистами (от англ. Information technology)

Мультимедиа – сведения и контент могут быть представлены в различных формах одновременно, включая звукозапись, анимированную компьютерную и видеографику. Так, в одном из объектов-контейнеров, помимо текстовой информации могут находиться аудио, графика и видео, а также метод взаимодействия. Это происходит благодаря работе с определенным оборудованием и программным обеспечением.

Дистанционное обучение – учебный процесс, в ходе которого используются технологии для удаленного соединения учащихся и педагогов без прямого физического контакта.

Инновации характерны для любой профессиональной деятельности человека

и, следовательно, являются предметом исследований, анализа и реализации. Инновации в системе образования не возникают сами по себе, они являются результатом научных исследований, передового педагогического опыта отдельных преподавателей и целых коллективов.

Одним из видов инноваций в организации профессионального обучения является внедрение дистанционного обучения. В отличие от дистанционного обучения, дистанционное обучение позволяет учиться на любом расстоянии от учебного заведения.

Основными технологиями дистанционного обучения в настоящее время являются проведение онлайн-курсов с помощью видеоконференций, использование видео-курсов, которые преподаватель также отправляет учащемуся через Интернет, и публикация дидактических учебных материалов на школьном портале для каждого урока, на котором студент будет учиться. Необходимо проверить знания и навыки после прохождения серии тестовых заданий, с помощью которых он может оценить свой уровень знаний и получить указания на ошибки [2]. Современное развитие технологий, особенно использование школьной программы Skype и Zoom, которые позволяют ученику видеть и слышать урок учителя, а также видеть материалы, которые он отображает на экране компьютера во время урока. Это стало возможным благодаря развитию Интернета, на котором сегодня основаны все технологии дистанционного обучения.

Здесь мы более детально разбираем особенности возможностей и применения информационных технологий в системе образования сегодня.

- Формирование и совершенствование информационных площадок. ИТ облегчили доступ к информации в удобное время. Студенты и преподаватели применяют ИТ для доступа к учебным материалам в режиме онлайн. ИТ

ускоряют процесс передачи и распределения информации.

- Пользование мультимедийной техникой и интерактивными досками. Применение мультимедиа имеет большое влияние для поднятия качества освоения нового материала. Плюсы использования мультимедиа заключаются в возможности варьировать степень быстроты изложения материала, сократить непродуктивные затраты преподавателя, повысить мотивацию к обучению, визуализировать и обеспечить наилучшее усвоение материала.
- Дистанционное обучение. ИТ дают возможность студентам получать нужные им предметы и специализированные модули в онлайн-форме. Учащиеся получают все учебные пособия и задачи по e-mail или на сайте учреждения.
- Использование электронных учебных материалов. Это важнейшая составляющая деятельности современного преподавателя. К основным преимуществам использования их ресурсов относится: применение новых педагогических инструментов; создание индивидуальной образовательной траектории обучающегося; возможность построения авторского учебного курса педагогом.
- Применение электронных учебных материалов. Это необходимый элемент в работе сегодняшних учителей. Его главными достоинствами являются: использование новых средств обучения, построение отдельных учебных курсов для учащихся, возможность создания преподавателями обучающих курсов.
- Использование компьютерных тестов и виртуальной практической работы. Они позволяют студентам моделировать процессы производства и технические процессы в классе, используя новейшее оборудование.

Также хотелось бы отметить, что студент должен посещать традиционные лек-

ции, чтобы получить образование приемлемого качества. Даже при дистанционном обучении в определенное время вам необходимо посещать определенное количество занятий. Таким образом, для того, чтобы иметь возможность принять участие в курсах повышения квалификации, студент должен посетить несколько лекций.

Все эти технологии основаны на использовании интернет-технологий. Само дистанционное обучение было бы невозможно без него. В контексте дистанционного обучения компьютер никоим образом не может претендовать на то, чтобы заменить учителя, наставника, консультанта и создателя благоприятных организационных, психологических и образовательных условий для студентов. Компьютер является эффективным инструментом для участия в образовательном процессе только при определенных условиях.

Результативность исполнения деятельности с компьютерным сопровождением зависит от многочисленных обстоятельств. К ним относятся: суть использо-

ванного материала, форма выполнения домашнего задания, уровень развития у учеников интеллектуальной, мотивационной и иных областей.

Таким образом, применение новых информативных технологий в школе обретает всё более широкое развитие. Применение новейших информативных технологий открывает перед педагогом новые интересы, делает уроки более увлекательными, а познания обучающихся – наиболее разумными. Непосредственно по этой причине, педагоги, освоившие информативные технологические процессы, становятся их ярыми заступниками и пропагандистами.

Библиографический список

1. https://moeobrazovanie.ru/chto_takoe_informatsionnye_tehnologii.html
2. <https://ict-online.ru/tags/it/>
3. <http://it-uroki.ru/uroki/urok-1-chto-takoe-it.html>

© *Логачева М. И.,
Васильева В. В., 2022.*

УДК 377.5

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С. В. Сидоров

*Кандидат педагогических наук, доцент,
ORCID 0000-0002-7983-0335,
e-mail: serwsi@ya.ru,*

Д. Д. Дедюхин

*студент,
e-mail: becreation@yandex.ru,
Шадринский государственный
педагогический университет,
г. Шадринск, Курганская область, Россия*

PRACTICE-ORIENTED TRAINING OF FUTURE SPECIALISTS IN THE CONTEXT OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

S. V. Sidorov

*Candidate of pedagogical sciences,
associate professor,
ORCID 0000-0002-7983-0335,
e-mail: serwsi@ya.ru,*

D. D. Dedyukhikn

*student,
e-mail: becreation@yandex.ru,
Shadrinsk State Pedagogical University,
Rurgan region, Shadrinsk, Russia*

Abstract. The article discusses the specifics of modern vocational education and the potential for its modernization, in order to search for effective innovations in the educational process, for the preparation of professionals and specialists that are competitive in the labor market. On the basis of modern publications, the authors carry out a comparative description of practice-oriented methods of training students of secondary vocational education. The interaction of educational structures with employers is the most important aspect of ensuring the effectiveness of the training of personnel in demand on the labor market. The authors come to the conclusion that the competencies that students receive should be closely related to the reality and needs of employers, and not specific employers, but the overall labor market.

Keywords: vocational education; training of specialists; problem learning; dual training; practice-oriented training; labor market.

В условиях нарастающего научно-технического прогресса, уже давно было отмечено, что традиционные способы обучения будущих профессионалов и специалистов, в лучшем случае не успевают за вышеназванным технологическим прогрессом, а в худшем – не могут подготовить профессионалов и специалистов, которые бы смогли эффективно конкурировать на рынке труда. Для решения данной проблемы было предложено множество способов решения, которые предлагают модифицировать современные подходы к подготовке студентов. Среди вышена-

званных предложений, сильнее всего выделяются практико-ориентированные подходы, в первую очередь за счёт наличия опыта практической реализации. Именно поэтому в данной статье мы рассмотрим суть проблемы, стоящей перед современным средним профессиональным образованием (СПО), а также особенности практико-ориентированных методик подготовки будущих профессионалов и специалистов. С целью определения потенциала данных методик в предоставлении эффективного ответа на вызовы современного рынка труда.

Рассматривая «корень» проблемы, вставшей перед современным СПО, авторы ряда исследований отмечают, что социально-экономическая жизнь в современной рыночной экономике, постоянно подвержена изменениям, также в ней присутствует доля неопределённости [1; 3; 4]. Для будущих специалистов, это означает следующее.

Во-первых, в современных условиях нет никаких гарантий, что работник сможет проработать на одном и том же рабочем месте всю свою профессиональную жизнь.

Во-вторых, в условиях, когда технологии развиваются с небывалой скоростью, цепь передачи опыта от одного поколения к другому ломается, создавая ситуацию, когда полезность отдельного профессионала, не умеющего самостоятельно повышать собственный уровень квалификации, снижается ускоренными темпами, даже по отношению к только отучившимся профессионалам-специалистам.

В-третьих, усложнение процессов производства благ, создаёт ситуацию, в которой необходимый объём компетенций специалистов-профессионалов СПО, стремительно приближается к соответствующему объёму компетенций выпускников высшего образования, что может выражаться в необходимости увеличения длительности обучения.

В-четвёртых, появление новых технологий – обозначает новые знания, которые необходимо получить студентам СПО. А так как появления данных технологий невозможно спрогнозировать, существует существенная вероятность устаревания традиционных знаний, умений и навыков (ЗУН) обучающихся ещё на этапе прохождения обучения.

В-пятых, без тесного взаимодействия академической среды и предпринимательства, невозможно обучать конкурентоспособных на рынке труда профессионалов/специалистов. Это говорит о том, что существует реальная вероятность неспо-

собности трудоустройства выпускников СПО по их специальности [3; 6].

Не смотря на всё вышеперечисленное, следует также отметить, что современное образование уже давно начало предпринимать различные шаги для удовлетворения запросов рынка труда. Начиная от подготовки профессионалов/специалистов по ещё нескольким направлениям, в качестве дополнительных к основному. Или же используя схемы подготовки сразу по двум профессиональным направлениям. Если же говорить про отечественное образование, то необходимо отметить введение компетентного подхода в подготовке обучающихся.

М. А. Иванов и А. В. Павлова указывают, что компетенция представляет собой интегративные качества личности, определяющие способность успешно осуществлять деятельность в той или иной сфере. В этом контексте профессиональная компетентность – «потенциал специалиста, который обладает компетенциями, необходимыми для успеха в выбранной профессиональной деятельности» [3, с. 59].

Компетентный подход в его современном понимании заключается в формировании у студентов необходимого комплекса профессиональных и общих компетенций, которые включают в себе все качества, необходимые для дальнейшего профессионального становления обучающихся. Данный подход сегодня пришёл на смену традиционным представлениям, основанным на знаниевом подходе с его ограниченностью триадой ЗУН. Однако достаточно ли сегодня делается в системе среднего профобразования для удовлетворения потребностей работодателя?

Рассмотрим, что включает в себя запрос работодателей к компетенциям соискателей. Анализ современных публикаций данной тематики [2; 3; 4; 6] позволяет выделить следующие интегративные качества-компетенции, востребованные на рынке труда:

- способность быстрой адаптации к изменяющимся условиям;
- способность адаптироваться к нововведениям;
- способность эффективно внедрять нововведения в создание благ;
- умения саморазвиваться, самообучаться, самостоятельно повышать уровень квалификации;
- способность креативно мыслить, принимать нестандартные решения;
- наличие аналитических навыков;
- умение практически применять имеющиеся теоретические знания;
- умение работы в команде;
- способность действовать в ситуации неопределённости;
- умение брать на себя ответственность;
- умение решать новые/неизвестные ранее задачи;
- наличие знаний из смежных областей;
- наличие надпрофессиональных навыков («soft skills»), помогающих решать жизненные задачи и работать с другими людьми.

Анализируя данный список, не трудно заметить следующее.

1. Существует реальный запрос на надпрофессиональные навыки, применимые не только в профильной профессиональной деятельности, но и в целом в общественной жизни.

2. Крайне высок запрос на практические навыки и практический опыт.

3. Существует запрос на универсальных профессионалов-специалистов, умеющих быстро адаптироваться, переобучаться, научиться и самостоятельно повышать свою квалификацию.

Итак, современные запросы работодателя к выпускнику системы СПО определяются повышением уровня практической подготовки будущего специалиста. Среди путей удовлетворения этой потребности в педагогике профессионального образования сегодня разрабатываются технологии проблемного, практико-ориентированного, дуального обучения.

Рассмотрим их потенциал в контексте нашего исследования

Проблемное обучение подразумевает создание под руководством наставника проблемных ситуаций и активную самостоятельную работу по их разрешению. Сильной стороной проблемного обучения является возможность использования его инструментария для моделирования, наиболее приближенной к действительности, производственной атмосферы, в результате чего можно сформировать необходимые компетенции в процессе решения проблемных задач. Среди методов проблемного обучения можно выделить круглый стол, мозговой штурм, деловые и ролевые игры, кейс-метод, проектирование, мастер-класс и т.д. Создавая наиболее приближенные к реальному рабочему процессу обстоятельства, проблемное обучение позволяет:

- стимулировать мотивацию обучающихся за счёт создания реальной прямой связи теоретического материала и практических задач;
- развить у студентов навык использования своих теоретических знаний для решения наиболее приближенных к реальности практических задач;
- получить будущим профессионалам-специалистам, наиболее, приближенный к реальному, практический опыт [3].

Следует отметить, что проблемное обучение является наиболее «древним», консервативным относительно изменения традиционного подхода обучения студентов СПО: начало теоретическому обоснованию проблемного обучения положено ещё в середине прошлого века. Однако оно ещё далеко не исчерпало свой потенциал в формировании современных компетенций выпускников.

Обратившись к практико-ориентированному обучению отметим прежде всего, что его особенность – в создании условий обучения, приближенных к реальным условиям профессиональной деятельности, «формирование необходи-

мых компетенций с помощью выполнения реальных практических задач в учебное время» [6, с. 124].

Практико-ориентированное обучение имеет все потенциальные возможности, которые предоставляет проблемное обучение. Однако из определения легко можно понять, что в случае практико-ориентированного обучения имеется возможность имитировать реальное производство благ, за счёт решения реальных практических задач. В данном случае заметно повышение «порога входа» для обучающихся, так как в отличие от данного способа, проблемное обучение подразумевает посильность решения задачи и реальность самостоятельного поиска неизвестных в поставленной задаче обучающимися. Когда для реальной практической задачи нельзя гарантировать схожие условия. Беря во внимание данные аспекты, всё же, нельзя не отметить тот факт, что данный способ подготовки будущих профессионалов/специалистов олицетворяет собой, по нашему мнению, «золотую середину» между внедрением практических элементов и балансирования их с теоретической стороной подготовки. В данном случае мы не помещаем студентов в реальные практические условия, но и не оставляем их только на «теоретическом поле» решения задач для усвоения теоретического материала.

Последний вид профессионального обучения, представленный в данной работе – дуальное образование – это образование, при котором образовательная организация у себя организует лишь теоретическое обучение, а вся практическая часть подготовки ведётся на рабочем месте. Данный способ подготовки студентов включает положительные стороны ранее рассмотренных методик. Вместе с тем дуальное обучение вводит в подготовку будущих профессионалов-специалистов, значительно больше практических элементов. Данный метод позволяет студентам не только получать практических

опыт и быть в тренде всех инноваций в будущей профессиональной деятельности, но и создаёт предпосылки для наиболее успешного трудоустройства. вполне возможно трудоустройство ещё на стадии обучения [2].

Несмотря выделенные выше достоинства дуальное образование не свободно от недостатков. Так, чрезмерно акцентированная направленность на конкретную специализацию может ограничивать развитие надпрофессиональных навыков, что, в свою очередь негативно скажется на трудовой мобильности выпускника СПО.

Результаты теоретического исследования приводят нас к следующим основным выводам.

1. Взаимодействие образовательных структур с работодателями – важнейший аспект обеспечения эффективности подготовки востребованных на рынке труда кадров. Без полноценного взаимодействия работодателей и организации СПО ни один из данных методов не сможет быть эффективным. Очевидно, что традиционная система обучения студентов СПО, не справляется в полной мере с новыми вызовами, однако необходимо понимать важность как практической, так и теоретической стороны вопроса подготовки обучающихся. Дисбаланс во взаимосвязи теории с практикой создаёт проблемы для дальнейшего профессионального становления выпускника. Лишая процесс обучения необходимой практической составляющей мы отдаляем результат обучения от запроса реального рынка труда, когда лишение теоретической стороны – снижает дальнейшее качество и эффективность профессионального становления студентов.

2. Компетенции, которые получают студенты в организациях СПО, должны быть тесно связаны с реальностью и потребностями работодателей, причём не конкретных работодателей, а совокупного рынка труда. Посредником, этого взаимодействия должно выступать государство.

Поэтому указанные в статье практико-ориентированные способы организации подготовки будущих специалистов рассмотрены нами не только в порядке увеличения практической составляющей, но и увеличения роли работодателей в подготовке профессионалов-специалистов.

Библиографический список

1. Бабаян А. В. Использование кейс-стади в процессе преподавания дисциплины «Менеджмент» студентам СПО // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. – 2019. – № 4. – С. 203–211.
2. Григорьева Н. В., Мокрецова Л. А., Швец Н. А. Технология подготовки специалистов в условиях дуального обучения // *Вестник ТГПУ*. 2018. № 1 (190). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-podgotovki-spetsialistov-v-usloviyah-dualnogo-obucheniya> (дата обращения: 15.03.2022).
3. Иванов М. А., Павлова А. В. Метод кейсов как средство формирования профессиональных компетенций студентов организация среднего профессионального образования (на примере автодорожного техникума) // *Проблемы современного педагогического образования*. – 2020. – № 69-3. – С. 58–62.
4. Истомина В. В. О практико-ориентированном обучении в среднем профессиональном образовании // *Инновационное развитие профессионального образования*. 2019. – №1 (21). – С. 23–29.
5. Казакова Л. В. О результатах реализации практико-ориентированного (дуального) обучения // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. – 2017. – №4 (28). – С. 101–106.
6. Лунева Ю. Б., Ваганова О. И., Смирнова Ж. В. Практико-ориентированный подход в профессиональном образовании // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. – 2018. – №6 (32). – С. 122–126.

*© Сидоров С. В.,
Дедюхин Д. Д., 2022.*

УДК 372.3/.4

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО И ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
В КОНТЕКСТЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

О. Ю. Строителева**Е. С. Слабкий**

*Аспирант,
ORCID 0000-0001-9564-7023,
e-mail: ostroiteleva@sfedu.ru,
аспирант,
ORCID 0000-0002-3647-3569,
e-mail: eslabkiy@sfedu.ru
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

**PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT
OF RESEARCH COMPETENCE IN PRESCHOOL
AND SCHOOL-AGE CHILDREN IN THE CONTEXT
OF CONTINUING EDUCATION**

O. Y. Stroiteleva**E. S. Slabky**

*Postgraduate student,
ORCID 0000-0001-9564-7023,
e-mail: ostroiteleva@sfedu.ru,
postgraduate student,
ORCID 0000-0002-3647-3569,
e-mail: eslabkiy@sfedu.ru
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Rostov region, Russia*

Abstract. The article examines the continuity of school and preschool education in the field of development of research competence in children. The main pedagogical conditions for the development of this quality in preschool and school-age children are considered. The development of research competencies in preschool and school-age children is one of the urgent problems of modern education. Research competence, having powerful motivational and regulatory capabilities, contributes to the effective formation of a child as a subject of cognitive activity. The development of children's research competence takes place in the following activities: observation, excursions, problem solving, experimentation, collecting, modeling and designing. The dynamics of the development of research competence will depend on the quality of the system of work on the development of this phenomenon, on its fullness and innovation. The dynamics of the development of research competence will depend on the quality of the system of work on the development of this phenomenon, on its fullness and innovation. The process of forming research competencies in an educational institution should be a well-thought-out, purposeful, collective system designed for several years, working in a system of cooperation between school-children and adults, combining various forms of regular and extracurricular activities. To organize such a system, a special pedagogical project should be drawn up at the school, taking into account all the nuances of the educational institution, the peculiarities of the region and scientific social partnership.

Keywords: research competencies; preschool age; school age; pedagogical conditions; experimentation; cognitive development; types of activities.

Развитие исследовательских компетенций у детей дошкольного и школьного возраста – одна из актуальных проблем современного образования. Исследова-

тельская компетентность, обладая мощными побудительными и регулятивными возможностями, способствует эффектив-

ному становлению ребенка как субъекта познавательной деятельности.

Целью нашего исследования является выявление педагогических условий, способствующих развитию исследовательской компетенции у детей дошкольного и школьного возраста. Формирование данной компетенции – это целостная система работы, которая должна реализовываться не только в дошкольном возрасте, но и в школьном периоде.

Дошкольный возраст – уникальный период в жизни человека. Этот период характерен большим потенциалом ребенка к пониманию окружающего мира. Ребенок все время исследует, познает окружающую действительность. Дошкольник с большим интересом участвует в разнообразной исследовательской работе, проявляя любознательность и желание экспериментировать.

Задача развития исследовательской компетентности у дошкольников нашла свое отражение в Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования [9]. В целевых ориентирах ФГОС ДО на этапе завершения дошкольного образования установлено:

- ребенок проявляет инициативу и самостоятельность в исследовательской деятельности;
- проявляет любознательность, интересуется причинно-следственными связями, пытается самостоятельно придумывать объяснения явлениям природы;
- склонен наблюдать, экспериментировать;
- обладает элементарными представлениями из области живой природы, естествознания, математики, истории и тому подобное [9].

Многие ученые исследователи (педагоги и психологи) занимались изучением вопроса развития исследовательской компетенции дошкольников. Так А. В. Брушинский, З. И. Калмыкова, А. М. Матюшкин, И. С. Якиманская говорили о том, что исследовательская деятельность способствует развитию мышления и становлению исследовательской компетенции ре-

бенка. Б. В. Всесвятский, М. А. Данилов, Б. П. Есипов, И. Я. Лернер, В. В. Оконь, Б. Е. Райков, М. И. Махмутов, М. Н. Скаткин, К. П. Ягодовский рассуждают об активизации познавательной и творческой деятельности как первой ступени развития исследовательской компетенции дошкольника. М. В. Кларин, В. Г. Маралов, В. В. Ситаров обсуждали вопрос развития самостоятельности, инициативности, самоконтроля и активности личности в деятельности в целом, что способствует развитию исследовательской компетенции ребенка [1].

Развитие исследовательской компетенции в период дошкольного детства закладывает основу для развития у ребенка позиции исследователя, «ученого». По мнению С. Л. Рубинштейна, для дошкольников абсолютно естественно развиваться, формироваться, становиться тем, кто он есть в процессе исследовательской деятельности. А. И. Савенков отмечал, что для дошкольника гораздо легче постигать новое, проводя собственные исследования – наблюдая, ставя эксперименты, делая на их основе собственные суждения и умозаключения. Таким образом, ученые подчеркивают не только важность развития исследовательской компетенции, но и ее необходимость [6].

Развитие исследовательской компетенции дошкольника происходит в следующих видах деятельности: наблюдение, экскурсия, решение проблемных ситуаций, экспериментирование, коллекционирование, моделирование и проектирование. Динамика развития исследовательской компетенции будет зависеть от качества системы работы по развитию данного феномена, от ее наполняемости и инновации [5].

Современные дети – это дети поколения Z. Как известно, современные дети стремятся быть самостоятельными, инициативными, свободными; мечтают зарабатывать деньги как можно раньше, работать на себя; решают задачи разного уровня; желают, чтобы все потребности виртуальной реальности всегда исполня-

лись. Они постоянно хотят двигаться вперед в ногу со временем, все время познавать что-то новое и неизведанное. Именно на этих желаниях и основывается развитие исследовательской компетенции детей. Исследовательская компетенция начинает закладывать свой фундамент еще в дошкольном возрасте, а уже в школьном периоде происходит ее основательное развитие. Ребенок более осознанно исследует окружающий мир, четко определен с направлением области познания и исследования.

Современная школа, развивающаяся в рамках тенденций общества XXI века требует и от школьников и от педагогического состава определенных навыков, компетенций, которые позволят сформировать личность, достойную информационного общества. Именно поэтому требуется пересмотреть подходы к организации учебно-воспитательного процесса в современных школах, что должно способствовать подготовке разносторонне развитых выпускников. Выполнить эту задачу возможно только сформировав исследовательские компетенции школьников.

Психологи заметили, что в последнее десятилетие происходит смена ориентиров в образовательном процессе. Так понятия «подготовленность», «образованность», «воспитанность», сменяются общим, обобщающим понятием – «компетенция».

Необходимо выделить само понятие «исследовательской компетенции». Под этим понятием мы понимаем совокупность навыков и опыта в проведении исследования, получении определённых навыков в получении новых знаний, нового продукта, который рождается в процессе создания исследовательского проекта. Задача исследовательской компетенции – влиять на эффективность исследовательского процесса [8].

Формирование исследовательских компетенций происходит в течение длительного периода времени. Поэтому необходимо соблюдать последовательность

процесса, который может видоизменяться в зависимости от специфики предмета, либо особенностей конкретного ученика. Можно сделать главный вывод – работа над исследовательскими компетенциями – это длительный, кропотливый и трудоемкий процесс, усилия над которыми должны быть сосредоточены не только в руках педагога, но и родителей, и администрации школы [2].

Исследовательские компетенции – это способности ученика самостоятельно освоить и получить новые знания, генерировать инновационные идеи. Так же предлагать пути решения проблем и поиска наиболее рациональных вариантов решения вопросов, создания проектов. Исследовательские компетенции формируются различными способами. Одним из наиболее эффективных способов, пожалуй, является работа в творческих и научных ученических сообществах.

Изменчивая система современного общества доказала, что практически каждому молодому человеку необходимо быть грамотным исследователем – это действительно является жизненной необходимостью современного профессионала своего дела. Современный человек должен постоянно проявлять исследовательскую активность, ведь сегодня трудно назвать образованным человека, если он так и не смог научиться работать с информацией, источниками информации, выделять суть проблемы, а также разрабатывать путь решения возникших проблем. Так же нельзя забывать об опыте публичных выступлений, защиты своих идей, проектов.

Современный образовательный процесс невозможно представить без новых технологий, в частности технологий, призванных развивать творческие способности детей, формировать навыки саморазвития и самообразования. В этих условиях исследовательские компетенции становятся первоочередными для современного школьника и в процессе обучения в шко-

ле, и в процессе профессиональной подготовки, и в процессе социализации индивида, подготовки к активной социальной жизни.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что исследовательская компетентность – это готовность к эффективной учебно-исследовательской и научно-исследовательской работе, готовность к самообразованию и самосовершенствованию, интеграция исследовательских действий в единое целое, определяющая динамику перехода от исполнительской к творческой и созидательной деятельности. Исследовательская компетентность представляет взаимосвязанный комплекс определенных компетенций. Она необходима школьнику, как в процессе обучения, так и на выходе во взрослую жизнь [6].

Процесс формирования исследовательских компетенций в образовательном учреждении должен представлять собой продуманную, целенаправленную, рассчитанную на несколько лет коллективную, работающую в системе сотрудничества школьников и взрослых систему, сочетающую в себе различные формы урочной и внеурочной деятельности. Для организации такой системы в школе должен быть составлен особый педагогический проект, учитывающий все нюансы учебного учреждения, особенности региона и научного социального партнерства [3].

Главное – в современной школе наступает переломный момент – традиционные ценности образования – фундаментальность и академизм, уходят на второй план, а наиболее приоритетными становятся способности самостоятельно, активно и инициативно искать средства решения новых задач, встающих перед индивидом. По мнению К. Н. Поливановой «эти способности формируются в разнообразных видах деятельности, часто за пределами школы. Школа может создать условия для развития таких способностей

на материале учебных предметов, но в иной, чем традиционный урок форме, в частности в исследовательской и проектной деятельности. Ее всестороннее развитие будет способствовать изменению российской школы» [4].

Таким образом, формирование исследовательских компетенций дошкольников и школьников – одно из главных направлений развития образования на современном этапе, стратегическая задача в теории и практике педагогики.

Библиографический список

1. Аксенова Т. А. Развитие дошкольника в познавательном – исследовательской деятельности в условиях реализации ФГОС ДО // Молодой ученый. – 2016. – № 12.6. – С. 1–6.
2. Дереклеева Н. И. Научно-исследовательская деятельность в школе. – М. : Вербум-М, 2001. С. 4–6.
3. Новиков А. М., Новиков Д. А. Образовательный проект: методология образовательной деятельности. – М., 2004.
4. Поливанова К. Н. Проектная деятельность школьников: пособие для учителя. – М. : Просвещение, 2008. – С. 21.
5. Прохорова Л. Н., Балакшина Т. А. Детское экспериментирование – путь познания окружающего мира // Формирование начал экологической культуры дошкольников / под ред. Л. Н. Прохоровой. – Владимир, ВОИУУ, 2013.
6. Рындина Ю. В. Исследовательская компетентность как психолого-педагогическая категория // Молодой ученый. – 2011. – № 1. – С. 228–232.
7. Савенков А. И. Противодействие исследовательскому поведению ребенка в современном образовании // Высшее образование в России. – 2012. – № 8–9. – С. 67–73.
8. Татарченкова С. С., Телешов С. В. Формирование ключевых компетенций учащихся через проектную деятельность: учебно-методическое пособие. – СПб.: КАРО, 2008. – С. 9.
9. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования. Приказ №1155 от 17 октября 2013 г. Министерства Образования и науки Российской Федерации.

© *Строительева О. Ю.,
Слабкий Е. С., 2022.*

УДК 371.2

**ТЕХНОЛОГИЯ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ
В СИСТЕМЕ «УЧЕНИК-УЧЕНИК»****А. С. Хлебников**

*Кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: xlebnikov@list.ru,
магистрант,
e-mail: s5107506@yandex.ru,
Московский государственный
психолого-педагогический университет,
г. Москва, Россия*

С. Н. Степанова**TECHNOLOGY OF CONFLICT RESOLUTION
IN THE "STUDENT-STUDENT" SYSTEM****A. S. Khlebnikov**

*Candidate of Pedagogical Sciences,
associate professor,
e-mail: xlebnikov@list.ru,
master's degree student,
e-mail: s5107506@yandex.ru,
Moscow State Psychological
and Pedagogical University,
Moscow, Russia*

S. N. Stepanova

Abstract. This article is devoted to the description of the data obtained during the experimental study of conflicts in the "student – student" system. In the course of scientific research, a special pedagogical technology was developed that allows the teacher to effectively manage conflicts arising between children. This technology allows the teacher to form children's knowledge about the nature of the occurrence and course of conflicts, as well as teach them to behave correctly in them and resolve them constructively. The article also presents the results of testing the pedagogical technology of conflict management between students.

Keywords: conflict; pedagogical technology; conflict management; conflictology.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что современный социальный заказ общества в практике педагогики включает в себя различные подходы в разработке и реализации гуманистического образования и воспитания школьников. При этом первоочередными проблемами, требующим своего решения являются проблемы, связанные с оптимизацией систем организации воспитательного и учебного процесса в школе. Особое место в методической, содержательной и методологической парадигме процессов образования и воспитания занимают вопросы, которые определяются конкретным технологическим содержанием и управлением конфликтов в современной школе [1].

В современной школе дети часто сталкиваются с конфликтами. Как правило, дети конфликтуют с родителями, учителями или между собой. Поэтому конфликты – это актуальная реальность и одна из сторон жизнедеятельности ребенка в современной школе. Конфликты, которые возникают в системе «ученик-ученик», носящие длительный и неразрешенный характер оказывают влияние на личность ребёнка, социально-психологический климат не только класса, но и всей школы, затрагивают межличностные отношения между детьми, негативно сказываясь на образовательных и личностных результатах обучения. Таким образом, в тех школах, где не уделяется достаточного внимания профилактике и конструктивному

разрешению данного вида конфликта, педагоги сталкиваются с определенными проблемами и трудностями [5].

В рамках проводимого нами исследования, конструктивное решение конфликта рассматривается как совокупность проблемных ситуаций, в которых участники активно ищут поиск средств и методов для выхода из них, и которые позволяют удовлетворить интересы всех заинтересованных сторон и полностью исчерпать конфликтную ситуацию и противостояние. По этой причине разрешение конфликтов между учениками должно опираться на грамотное педагогическое руководство, то есть процесс осмысления со стороны педагогов того, чем были вызваны конфликты, какие есть детерминанты их появления, какие типы и стратегии поведения в конфликте ученики используют, какие личностные черты обуславливают развитие конфликтного поведения среди детей.

Нами была разработана технология педагогического руководства разрешения конфликтных ситуаций в системе «ученик-ученик».

Педагогическая технология рассматривается нами как целенаправленные действия учителя, позволяющие максимально эффективно управлять педагогическим процессом. Таким образом, педагогическая технология с одной стороны, включает применение комплекса приемов и методов, нацеленных на конструктивное разрешение конфликтов между учениками, так и с другой стороны, тесно зависит от самой личности учителя. Поэтому как отмечает Е. Ю. Кравцова: «Любая педагогическая задача может быть решена при помощи правильно подобранной технологии, реализуемой профессиональным педагогом» [2, с. 91].

Цель разработанной педагогической технологии заключается в конструктивном разрешении и профилактике школьных конфликтов в системе «ученик-ученик».

Задачами разработанной педагогической технологии являются:

1. Диагностика и анализ конфликтных ситуаций и конфликтов.
2. Поиск способов разрешения конфликтов.
3. Управление конфликтными ситуациями.
4. Оценка и рефлексия процесса управления конфликтными ситуациями.

Данная технология опирается на следующие принципы:

- системности;
- учета личностных особенностей детей;
- соотношения субъектно-объектных отношений;
- готовности к конструктивному разрешению конфликтов;
- включения антиконфликтной педагогической деятельности, опережающего воздействия.

Технология педагогического разрешения конфликтов в системе «ученик-ученик» представляет собой совокупность внутренних и внешних действий педагога, которые направлены на последовательную реализацию обозначенных принципов. Разработанная нами технология является частью практической педагогической деятельности и основана на положениях культурно-исторического подхода Л. С. Выготского и теории развивающего обучения В. В. Давыдова и Д. Б. Эльконина.

Разработанная педагогическая технология включает в себя пять элементов, а именно:

1. Анализ и диагностика конфликтных ситуаций.
2. Выбор способа разрешения конфликтных ситуаций.
3. Организация деятельности по управлению конфликтами.
4. Контроль и координация деятельности управления конфликтами,
5. Рефлексия или осмысление собственных действий.

Компонентами разработанной педагогической технологии выступили: когнитивный компонент, дидактический, ком-

муникативный, формирующий и рефлексивный, где когнитивный компонент направлен на реализацию целостности педагогической деятельности, проявляющийся в отборе, исследовании и систематизации научных знаний касательно субъектов процесса.

Коммуникативный компонент включает в себя деятельность, направленную на разрешение конфликтов за счет развития коммуникативных связей между участниками процесса.

Дидактический компонент включает в себя выбор методов, форм работы по обучению школьников разрешения конфликтных ситуаций.

Формирующий компонент отражает в себе аспект воспитательной деятельности, направленный на приобретение у школьников качеств, которые окажут влияние на развитие конфликтологической компетентности и сформируют умения разрешения конфликтных ситуаций.

Рефлексивный компонент – это анализ и рефлексия процесса педагогического управления конфликтами.

Перечисленные компоненты тесно взаимосвязаны между собой. Они образуют динамическую, целостную систему, которая работает на принципах целостности, согласованности, завершенности, взаимоподчинения.

Педагогическими условиями реализации технологии выступают:

1. Персонификация, то есть проведение работы с каждым школьником, направленной на рассмотрение и анализ проблем, которые стали причинами развития конфликтных ситуаций.

2. Конструктивная направленность деятельности включающую совокупность знаний, умений и навыков, которые определяют готовность школьников к вступлению в конструктивный диалог.

3. Метод обратной связи, который позволяет вносить своевременные коррективы в процесс управления конфликтами.

Критериями эффективности разработанной педагогической технологии выступили:

1. Формирование конфликтологической компетентности школьников.

2. Развитие адекватных представлений о конфликте.

3. Формирование адекватных стратегий разрешения конфликтных ситуаций.

В результате проведения первого этапа педагогической технологии разрешения конфликтов, в системе «ученик-ученик» было определено, что конфликтность среди исследуемых детей достаточно высокая, конфликты случаются с периодичностью от месяца до полугода, у детей наблюдается негативное представление о конфликтах, сопровождаемое негативными эмоциями, преобладает стратегия соперничества поведения в конфликте и средний уровень конфликтологической компетентности.

Для того чтобы продолжить работу по разработанной технологии был организован круглый стол с классными руководителями, администрацией школы, психологом, педагогами-предметниками на тему «Роль учителя в разрешении конфликтов среди учеников», где была обсуждена программа данного исследования и представлена технология разрешения и управления конфликтами. Также были организованы мини-лекции для классных руководителей и педагогов по темам: «Конфликты среди подростков», «Как анализировать детский конфликт», «Конструктивное общение – залог разрешения конфликта».

Следующий этап педагогической технологии – это выбор способа разрешения конфликтных ситуаций. На данном этапе проводилась теоретическая и практическая работа со школьниками. В рамках теоретической работы с детьми были организованы мини-лекции на темы: «Что такое конфликт», «Причины наших конфликтов», «Как грамотно разрешить конфликтную ситуацию», «Как говорить о своих чув-

ствах», «Мастерство ведения дискуссии». Для того, чтобы обучить детей как выбирать правильную стратегию разрешения конфликтов была проведена практическая игра «Как разрешит конфликт».

Следующий этап – это организация деятельности управления конфликтами, наиболее объемный этап педагогической деятельности в рамках разработанной технологии, так как в процессе реализации данного этапа проводилась основная работа по обучению детей поведению в конфликте, формированию конфликтологической компетентности.

На данном этапе совместно с педагогами, классными руководителями, проводились практические занятия со школьниками, направленные на формирование навыков конструктивного разрешения конфликтов, а также обучение навыкам бесконфликтного общения. Активность педагога в данных занятиях была направлена на то, чтобы обучить детей правилам бесконфликтного взаимодействия, а также создание благоприятной воспитательной среды за счет организации деятельности так, чтобы дети сами поняли, проанализировали и эмоционально закрепили правила, что оказало бы влияние на развитие их конфликтологической компетентности.

Дети на данном этапе в игровой форме совместно с педагогом решали проблему, которая была направлена на приобретение навыков разрешения конфликтов. Продолжительность каждого занятия составляла 30 минут в зависимости от сложности проблемы. Всего было проведено 10 занятий по решению различных проблем.

Положительная сторона разработанной нами технологии заключается в том, что школьники сами, на своем личном опыте, научились конструктивно разрешать возникающие конфликты и успешно взаимодействовать между собой, на основе активного решения поставленных перед ними задач, а также анализа своих и чужих действий.

Следующий этап – это контроль действий и координация по управлению кон-

фликтами. На данном этапе у нас уже было видение школьников, которые нуждались в дополнительной работе по развитию навыков бесконфликтного поведения, а также формирования конфликтологической компетентности, поэтому была разработана серия занятий, направленная на коррекцию пробелов. В целях профилактики были организованы беседы со всеми школьниками на тему «Как разрешать конфликты играючи», а также проведен мини мастер-класс на тему «Медиации».

Со школьниками, которые испытывали наибольшие проблемы в эмоциональной регуляции во время конфликтов, был проведен тренинг эмоциональной эффективности общения, на котором применялись игры развития социальной, коммуникативной и эмоциональной компетентности, проводилось занятие с применением техник арт-терапии, создание альбома чувств, а также проведено занятие по обучению решать проблемы эмоционального характера в межличностных взаимодействиях.

На заключительном рефлексивном этапе была проведена оценка эффективности проделанной работы при помощи методик первого этапа.

В результате проведенной педагогической технологии разрешения конфликтных ситуаций наблюдаются существенные изменения отношения школьников к конфликту, а именно дети стали оценивать конфликт, как «Шанс проявить свои коммуникативные способности», «Построения лучших отношений», «Новые условия для сотрудничества», «Шанс проявить себя».

В результате реализации деятельности педагога по управлению и разрешению конфликтных ситуаций школьников у детей изменилось эмоциональное отношение к конфликту и дети стали оценивать конфликт, как активное, сложное явление, имеющее обратимый и временный характер, обладающий логичностью, результативностью, эмоциональностью, интенсивностью и развивающим характером.

При разрешении конфликтных ситуаций наблюдаются существенные изменения среди выбираемых стратегий поведения в конфликтной ситуации, а именно большинство детей ориентированы на со-

трудничество, а именно 42 %, 33 % на компромисс, 20 % показывают стремление к соперничеству, 3 % избегают конфликтов и 1.7 % приспосабливается (диаграмма № 1).

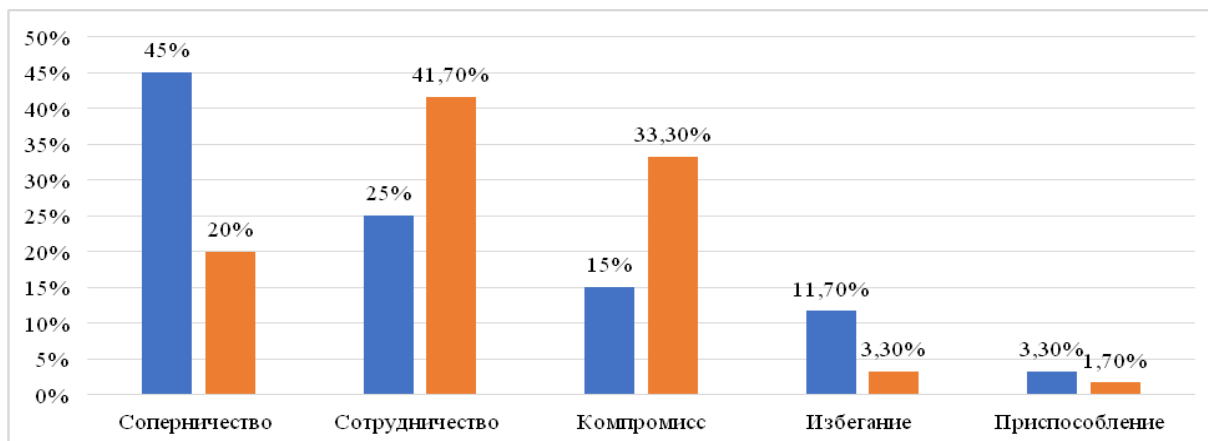

Рис. 1. Реализуемые стратегии поведения в конфликте среди учащихся на контрольном этапе

Также в результате реализации педагогической деятельности по разрешению конфликтных ситуаций в рамках разработанной нами технологии у детей повысился уровень конфликтологической компетентности, а именно преобладающим стал

уровень образованности, который был установлен у 43 % школьников. 23 % стали показывать высокий творческий уровень, 23 % проявляют средний уровень, ситуативный был определен у 10 % и низкого определено не было (диаграмма № 2).

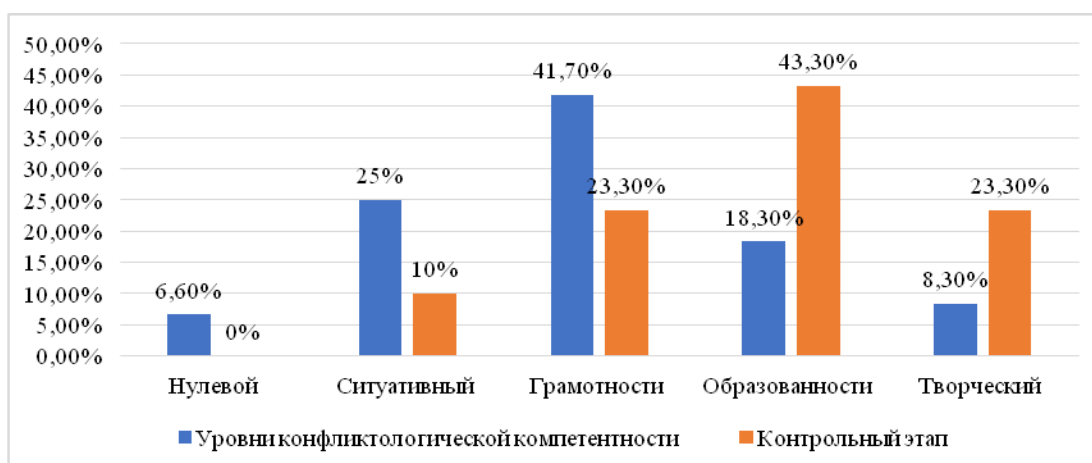

Рис. 2. Уровни конфликтологической компетентности учащихся 9–10 классов на контрольном этапе

Таким образом, в результате реализованной технологии у детей изменилось отношение к школьному конфликту. Они стали понимать особенности данного процесса. В результате проведенной работы у школьников снизилось негативно-эмоциональное оценивание конфликтных ситуаций, сформировалась ориентация на сотрудничество и компромисс. Дети научились предотвращать, распознавать, разрешать и преодолевать конфликты. Так же у них в положительную сторону изменилась мотивационно-ценностная ориентация. Дети поняли значимость и важность позитивного, конструктивного межличностного общения и взаимодействия. В результате, на контрольном этапе экспериментальной работы, дети показали, что научились целенаправленно применять полученные знания и умения управления межличностным взаимодействием и конфликтами на практике.

В итоге, при реализации педагогом технологии педагогического управления конфликтами у учеников будут развиваться конструктивные методы разрешения конфликтов, повысится конфликтологическая компетентность, а также изменится представления об особенностях и течении конфликтов.

Библиографический список

1. Беляева В. С. Конфликты между учениками в общеобразовательном учреждении и пути их разрешения // Бюллетень науки и практики. – 2018. – Т. 4. – № 8. – С. 293–297.
2. Кравцова Е. Ю. Педагогические условия учебно-исследовательской деятельности учащихся старших классов общеобразовательных учреждений при изучении дисциплин естественно-го цикла / дисс. на соиск. науч. степ. канд. пед. наук. – Ставрополь, 2014.
4. Корецкая Е. А., Николаева А. А. Профилактика конфликтов в образовательной организации: современные подходы // Педагогика. – 2019. – № 9. – С. 27–35.
5. Литвиненко Т. Ю., Свищева И. В., Ломакина А. Д., Штефан Л. Ф., Капустина О. Н., Ковальчук Н. А., Конищева А. Н., Татаренко Н. Н. Технология педагогического управления конфликтами в среде иностранных институтов // Профессиональное образование в современном мире. – Новосибирск: НГАУ, 2014. – № 3 (14). – С. 69–78.
6. Фролова Е. В. Конфликты в системе школьного образования: ключевые проблемы, специфика и факторы развития // Перспективы науки и образования. – 2019. – № 3 (39). – С. 227–239.
7. Хасан Б. И. Конструктивная психология конфликта: учебное пособие для вузов. – М. : Юрайт, 2020. – 204 с.
8. Хлебников А. С., Лопатинская О. С. Роль учителя в преодолении конфликтов между подростками-одноклассниками в поликультурной среде образовательного учреждения // Социосфера. – 2019. – № 1. – С. 84–88.

© Хлебников А. С.,
Степанова С. Н., 2022.

UDC 37.01

**THE ROLE OF ETHNO-PEDAGOGY IN THE UPBRINGING
OF THE YOUNGER GENERATION OF RUSSIANS****V. I. Gorbatov***Candidate of Pedagogic Sciences,
associate professor,
Vladimir State University
named after Alexander Grigoryevich
and Nikolay Grigoryevich Stoletovs,
Vladimir, Russia*

Abstract. The article deals with the role of ethno-pedagogy in the formation of interethnic communication culture among the younger generation of Russians, instilling a sense of respect for other peoples, their traditions and culture. The article also reveals the essence of folk pedagogy, its methods and means in the upbringing of national dignity and national identity.

Keywords: ethno-pedagogy, folk pedagogy, upbringing of children, education of children, educational ideal, pedagogical culture, self-education, re-education, training, pedagogical phenomenon, pedagogy of interethnic education, pedagogical tool, pedagogical possibilities, national identity, self-esteem

Ethno-pedagogy is the science of the empirical experience of ethnic groups in the upbringing and children education, of moral, aesthetic and ethnic views on the primordial values of the family, clan, tribe, nationality, nation [2, p. 4]. Ethno-pedagogy explains folk pedagogy and offers ways to use it in modern conditions, collects and explores the experience of ethnic groups based on centuries-old, naturally developing combination of folk traditions.

Ethno-pedagogy collects and systematizes folk knowledge about the upbringing and education of children, folk wisdom reflected in religious teachings, fairy tales, tales, epics, parables, songs, riddles, proverbs and sayings, games, toys, etc., in family and communal way of life, traditions [2, p. 4].

A modern teacher need to master the ways and methods of forming a culture of interethnic communication to realize the potential of education folk traditions. The teacher is more interested in the intergroup and interpersonal level of interethnic relations consideration, as his task is not only to study interethnic relations, but also to harmonize them, to prevent interethnic tensions and conflicts [4, p. 42].

One need to take into consideration that the basis of the reported knowledge about the customs, cultural values, stereotypical norms of behavior of other peoples should be a full knowledge of the ethnic characteristics of their culture. Only a person who deeply respects and understands the identity of his people will be able to understand and accept the specifics of the cultural values of other ethnic groups [1, p. 88].

It should be remembered that the terms “ethno-pedagogy” and “folk pedagogy” are not synonymous. If “ethno-pedagogy” is the science of the masses experience, then folk pedagogy is the experience of the people in raising children. The key concept in folk pedagogy is the “educational ideal”, as the ultimate goal of education and self-education of a person, the highest model to which he should strive. The national ideal of human perfection reflects the uniqueness of this or that people’s living conditions.

The subject of ethno-pedagogy is folk pedagogy. Outstanding teachers of the past paid much attention to the study of the people’s pedagogical views and their pedagogical experience (Ya. A. Komensky, I. G. Pestalozzi, K. D. Ushinsky, A. S. Makarenko, V. A. Sukhomlinsky). Folk pedagogy and

pedagogical science mutually enriched each other and created a single space that can be called a pedagogical culture.

Ethno-pedagogy studies:

1. The main pedagogical concepts of the people (care, education, self-education, re-education, instruction, training, accustoming).

2. The child as an object and subject of education (native child, orphan, foster child, peers, friends, other people's children, children's environment).

3. The functions of education (preparation for work, the formation of moral and volitional character traits, the development of the mind, health care, instilling love for beauty).

4. Factors of education (nature, game, word, communication, tradition, business, life, art, religion, ideal example).

5. Methods of education (persuasion, example, order, clarification, teaching and exercise, wish, blessing, spell, oath, request, advice, hint, approval, reproach, persuasion, commandment, covenant, vow, repentance, preaching, testament, prohibition, threat, curse, scolding, punishment, beatings).

6. Means of education (rhymes, proverbs, sayings, riddles, epics, fairy tales, legends, traditions, myths, etc.).

7. Organization of education (labor associations of children and youth, youth holidays, national holidays) [2, pp. 9–10].

Folk life is replete with pedagogical phenomena, as it is not only people who educate, but the whole surrounding reality. The universal harmony reigning in nature leaves its mark on folk pedagogy. The pedagogical knowledge of the people has always been in close connection with worldly philosophy and morality, with the agronomic, meteorological, astronomical, medical and other knowledge of the people.

Pedagogical phenomena are seen in all spheres of folk life: at weddings, folk holidays and even at wakes, but most of all, of course, in labor activity. Labor pedagogy is the greatest of pedagogies [2, p. 34].

In folk pedagogy, the foundation of the individual's moral improvement is the upbringing of national dignity. This feeling

suggests that each person should multiply the glory of his people by his patriotic actions, be his worthy son (daughter), not desecrate the sacred memory of the best fellow tribesmen, and not give reason to think badly about his people by his behavior. Since a healthy sense of national dignity requires being a worthy son of one's people and earning the respect of other peoples, it is clear that it contains both the idea of national prosperity and the idea of international rapprochement.

To the main means of folk pedagogy, G. N. Volkov classifies proverbs, riddles, fairy tales, folk songs (lullabies, poetry of early age, songs of adolescence, youthful songs and songs of adulthood, lamentations).

G. N. Volkov identifies the following factors of public education: nature, play, word, work, communication, traditions, art, religion, ideal example.

Religion is the greatest layer of human culture. Separated from it, we build an unreliable, fragile house of spirituality. Religion is a pivotal factor in the formation of human spirituality [2, p. 150]. Russia is an Orthodox country with more than a thousand years of history. Orthodox Christians live according to the Law of God, observing the Old Testament and New Testament commandments, among which the commandment to love God and one's neighbor is in the first place. The goal of the life of an Orthodox Russian person is the acquisition of the Holy Spirit and the salvation of the soul for eternal life. These values form the basis of the ethno-pedagogy of the Russian people.

For Russians, traditional holidays and rituals are of great importance in the matter of moral education. In the everyday life of the Russian people, many traditions and customs, associated with family holidays (round dances, games, gatherings), agricultural work, livestock rearing, caring for family well-being, procreation, the health of all loved ones, the spiritual growth of children, the participation them in family work, about caring for the memory of ancestors, commemorating the dead, about honoring the traditions of the family been preserved.

In the textbook “Pedagogy of interethnic communication” edited by D. I. Latyshina is noted that “... family rites, observed by people for centuries, also performed certain pedagogical functions – through them, knowledge about the household duties of family members, rules of conduct in marriage, motherhood pedagogy, moral standards, etc. were transmitted to the younger generation. Such a transfer was carried out by a clear example of adults’ behavior, which just did not require any explanation. Children adopted certain patterns of behavior, being included in the performance of rituals, while mastering the layer of spiritual ethnic culture. It doesn’t matter whether rituals were associated with a joyful or sad family event, it is important that they affected the emotional world of children, developed them spiritually, taught them to rejoice, brought a feeling of unity with loved ones [3, p. 92].

Russian fairy tales are a true treasure of artistic pedagogy, a powerful pedagogical tool and a genre of oral folk art beloved by children. Researchers distinguish three types of fairy tales: about animals, domestic and magical.

“It is difficult to find another means of verbal influence on a child, comparable to a fairy tale, where real and fantastic events are intertwined, and the characters are animals endowed with human traits and character; plants that acquire unprecedented properties; people who perform unusual deeds and feats.

Fairy tales entered the life of a child from an early age. They introduced children to the vast world, instilled in them the first ideas about life, good and evil, justice and order, and became a favorite pastime” [3, pp. 97–98].

The potential pedagogical possibilities of Russian folk fairy tales are very great, because all aspects of the life of society have been evaluated in them.

“The cognitive value of fairy tales is undoubted. This is a kind of encyclopedia, where information from geography, botany, history is scattered and both the surrounding world and distant unknown countries are presented. In the old days, fairy tales, as an artis-

tic way of knowing the world, replaced school and science” [3, p. 98].

Descriptions of labor processes, household details are also cognitive for children. Fairy tales talk about working in the field in summer, about building a house, cooking, about trading at a fair. Elementary, but important ideas about the mind and stupidity, cunning and straightforwardness, good and evil, heroism and cowardice, generosity and greed, drawn from fairy tales, developed in children into norms of behavior.

Small plot works gave the little listener useful information about plants and natural phenomena, explaining the essence of many things in nature and society. Delivering aesthetic pleasure, fairy tales taught to think, generalize, and make comparisons. Speech, figurative and logical thinking, and the ability to briefly, concisely, beautifully express thoughts developed.

Almost all fairy tales are based on moralizing, but it is not given directly, but follows from the actions of the characters, you need to guess about it yourself. Hidden edification is contained in almost every fairy tale, and it is understandable to the child: you need to obey and respect elders, help each other, not remember evil, etc. It is important that the teaching is dressed in a poetic form and is assimilated imperceptibly along with an entertaining plot. That is, the moral of the tale is assimilated on an emotional level. Joyful and bright fiction reflects faith in people, in victory over the black forces of evil, destruction; in most fairy tales, good triumphs, and evil is punished [3, p. 101].

In many fairy tales, labor is an indispensable condition for happiness. In fairy tales, violence, robbery, deceit are always condemned, intrigues against goodness are exposed. A fairy tale has a strong emotional impact on a child: empathizing with fairy tale heroes, he himself becomes an accomplice in events, gains emotional experience, which is the special value of fairy tale fiction. Imagination and fantasy, awakened by a fairy tale, develop the ability to be creative in any field of activity.

Games and toys are traditional means of folk pedagogy, one of the types of folk art. The folk peasant toy was multifunctional, served as children's fun, a means of education and an object of magic. With the help of toys, the older generation passed on, while the younger generation accepted and preserved the accumulated life experience. All toys prepared children for life, developed them physically and spiritually, corresponded to their age. For the smallest children toys were intended to attract attention and soothe, correcting their first movements – all kinds of rattles, crackers, bright pendants. The game set of peasant children was not rich, but it was distinguished by practicality. Toys for throwing and shooting – balls, bows – trained the child's accuracy and dexterity; spinning tops, buzzers etc., opened the secrets of mechanics, instilled technical skills.

The peasant toy encouraged the child to play actively, demanded active participation from him. Often the children made their own toys. At the same time, they studied something, discovered, improvised, learned to work, to understand nature. This is where the artistic experience began. Children's creativity developed observation, attention – qualities that would be useful and would be helpers in adulthood.

Peasant children had few toys, which is explained by practical and educational purposes. A small number of toys was supposed to stimulate children's imagination, the desire to make them on their own. Popular ideas about order, the ability to get by a small number of things also affected here.

Folk games reflected the way of people's life, work, national customs, ideas of honor, courage. In the game, they sought to show strength, dexterity, endurance, ingenuity, invention, resourcefulness. They were not just entertainment. In games from an early age, children comprehended those duties and crafts that they would do when they grew up.

Role-playing games reflected the life of the village, its working life, the relationship of people. Children enthusiastically portrayed

the working life of the peasants, their daily worries and joys.

The game was for the child an active entry into the rite, familiarization with the tradition, introduced adults into real life. The exact reproduction of everyday life and life affairs in their strict sequence by multiple repetition of game actions instilled respect in the child for the existing order of things, customs, taught the rules of behavior.

Outdoor games are the most ancient means of physical education of young people. In a game situation, children learned to control attention, physical activity, find a way out of a critical situation, quickly make decisions and implement them, take the initiative, help their comrades, that is, they acquired important qualities for the future life.

Thus, the role of ethno-pedagogy in the rising generation upbringing of Russians is great. General human ideas about morality, beauty, and mind are made up of the sum of the ideas of many generations and peoples. The ideal of a perfect personality can be objectively represented only as a harmonious unity of thoughts of different peoples about a good person. Therefore, in folk pedagogy, great importance is attached to the formation in children of a sense of respect for another people, its traditions and culture. But first, each student must have a national identity and self-esteem.

Bibliography

1. Bulatova N. D. Ethno-pedagogy in the professional training of a specialist of the XXI century // *World of Culture – Culture of the World*. – Moscow: MGUKI Publishing House, 2005. – P. 88
2. Volkov G. N. Ethno-pedagogy: a textbook for students of secondary and higher educational institutions / G. N. Volkov. – Moscow: Academy, 1999. – 168 p.
3. Pedagogy of interethnic communication: textbook; edited by D. Latyshina. – Moscow, 2004. – 175 p.
4. Rogacheva E. Yu., Davedyanova N. S. Pedagogy of interethnic communication: a manual for a workshop for students of humanitarian universities. – Vladimir : Vladimir State University for the Humanities, 2009. – 132 p.

© Gorbатов V. I., 2022.

UDC 811.11

**THE FEATURES OF THE FORMATION OF SOCIO-CULTURAL COMPETENCE
IN TEACHING THE ENGLISH LANGUAGE****S. E. Kegeyan***Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
ORCID 0000-0002-4390-1015,
e-mail: svetlana.kegeyan@mail.ru,
Sochi State University,
Sochi, Krasnodar region, Russia*

Abstract. This article highlights the problem of the formation of socio-cultural competence in teaching English. In this regard, it examines the definitions of the concept of "sociocultural competence" different scientists, methodologists, their own vision of this phenomenon is given, and the components of socio-cultural competence are also considered. Research activities, project activities in particular, are considered as one of the methods for the effective formation of sociocultural competence in English lessons.

Keywords: sociocultural competence; formation; culture; traditions; communication.

Today's world is composed of many different countries, each of which has its own culture and language due to its own history, and this variety and variety sometimes makes it difficult for people to live together. Language is merely a means of communication but it also expresses the personality of the universe, their imagination and the method of transferring knowledge.

In connection with the expansion of international contacts, the development of society and education, the need for communication between students is increasing.

At the same time, teachers' observations and experience show that students, having a certain vocabulary and the ability to use knowledge of grammar in practice, overcoming the language barrier, do not always understand each other. The interlocutors use the phrases necessary for the exchange of information, but mutual understanding is not achieved as a result.

It should be noted that the reasons can be varied, but first of all it is the low level of formation of sociocultural competence.

The State Standard notes that the formation of communicative competence is inextricably linked with socio-cultural and regional knowledge. Accordingly, special attention should be paid to the formation of the

ability to participate in intercultural communication through the use of sociocultural knowledge, and this is the study and study of peoples living both in the countries of native speakers and in the territory of their native land, their traditions, famous and famous people, etc. It should be noted that not just the transfer of knowledge, but research activity in this area contributes to the emergence of interest in learning a foreign language, and also contributes to the formation of socio-cultural competence.

Consideration of this problem requires the study of the concept of "socio-cultural competence", which was studied by such methodologists as N. D. Galskova, N. I. Gez, L. I. Korneeva, E. N. Solovova and others.

There are many methodologists who have studied this phenomenon. Having studied different opinions and analyzed the points of view of some methodologists, we note that sociocultural competence is interpreted in different ways. Some Methodists suggest that this is the ability of people to live in one society without disagreements; others, believe that it is the ability to take part in a foreign culture; others think that these are rules and patterns of behavior based on the concepts of diversity of thought and recognition of cultural processes.

In the context of the problem under discussion, it should be noted that N. D. Galskova, N. I. Gez believe that “sociocultural competence is a skill that enables a person to develop himself within the sociocultural environment. The development of this skill occurs through the relationship of studying a foreign language code and improving cultural experience of a personality” [3].

L. I. Korneeva believes that “sociocultural competence is awareness, respect for the factors that determine culture and influence the perception, thinking, evaluation and actions of one’s own and those around them. This is reflected in intercultural understanding, in communicative and behavioral adaptation to the behavior of representatives of another culture, which are based on the values and laws of different cultures” [3].

According to E. N. Solovova, “sociocultural competence is a means of developing an internationally oriented person and implies the study by students of social skills, traditions, their interaction, as well as the ability with which a person copes with his own fear and distrust of foreign cultures” [4].

If we consider the concept of “competence” in terms of the educational process, we can say that competence is primarily the result of training. Through the study of educational material the student acquires a particular competence – specific knowledge, skills – and gains experience (professional quality) and thus demonstrates perseverance, self-reliance and responsibility (personal qualities). In addition, competence in the educational process is the result of integrated learning (the integration of theory and practice, the integration of teaching methods and educational technologies, the integration of academic disciplines).

Competence is characterised by the possibility (the ability, willingness) to apply knowledge and skills in real life, showing the best personal qualities.

Sociocultural competence is a voluminous concept that includes components that can be attributed to various categories. The following components can be distinguished:

- Sociolinguistic

This component is characterized by linguistic features of social strata, representatives of different generations, genders, social groups, dialects (background knowledge, realities, subject knowledge).

- Cultural component

This component has a socio-cultural, historical, cultural, ethno-cultural background, that is, knowledge of the traditions, customs of the people of the language being studied.

- Linguistics

This component includes lexical units with socio-cultural semantics and the ability to use them in situations of intercultural communication (for example, greeting, address, farewell in oral and written speech).

- Socio-psychological

The component under consideration is characterized by the possession of culturally conditioned scenarios, nationally specific behavior patterns using the communicative technique adopted in a given culture [1].

According to R. P. Milrud (2004), “sociocultural competence refers to the activity-component of communicative competence” [1].

We understand socio-cultural competence as the possession of and the ability to apply a set of multicultural knowledge, skills and qualities in the process of intercultural communication in the specific conditions of life and tolerance towards people of other nationalities.

Based on the above interpretations of this term, we can conclude that sociocultural competence is a tool of education and training that promotes respect, understanding of the culture, traditions, language of another people as one’s own, and also helps to overcome fear and mistrust relationship to another culture. Only as a result of overcoming this “barrier” does the process of learning the language itself take place.

Consider the model of the formation of socio-cultural competence according to E. N. Elina, which includes two aspects:

1. Linguistic

This aspect includes teaching a foreign language, that is, the study of language and culture through language, and sociolinguistic

tics, which is the use of language in a variety of social situations.

2. Informational

This aspect is characterized by the presence of information about culture, for example, cultural achievements, etiquette, clothing, traditions of national cuisine, the language of non-verbal communication, interjections, values and customs, the education system, social institutions; as well as the presence of country-study material – this is information about the geographical position of the country, climate, political and economic systems, etc. [4].

Note that these aspects are inextricably linked. For the formation of socio-cultural competence, taking into account these aspects, it is necessary to apply different learning technologies.

For example, critical thinking technology, project activities, collaborative learning and game technologies, developmental learning technology. They develop interest in foreign language communication, expand its subject content. And also these technologies contribute to the formation of students' critical thinking, search skills.

A significant contribution to the formation of socio-cultural competence is made by extra-curricular activities, festivals, competitions, conferences in which students participate with great desire.

It should be noted that these types of events are one of the most effective for the formation of socio-cultural competence. Since students apply all their volitional efforts and actions in specially created conditions to solve a particular problem, they learn from each other's experience, useful information, and most importantly, the process of

communication in the language takes place. An important role here is given to encouragement for participating in these events, which creates a situation of success for students, and this activity motivates them to continue to engage in such an activity that develops them and forms their sociocultural competence.

Thus, sociocultural competence implies the readiness and ability to live and interact in the modern multicultural world. The lack of sociocultural competence skills significantly complicates communication and understanding with representatives of foreign cultures. And project activity is a tool of education and training, which contributes to respect, understanding of the culture, traditions, language of another people as one's own and also helps to overcome fear and distrust in relation to another culture.

Bibliography

5. Milrud R. P., Maksimova I. R. Modern conceptual principles of communicative teaching of a foreign language // *Foreign languages at school*. 2000. No 4. pp. 14–19.
6. Orekhova I. A. On the teaching of a foreign language in the context of the introduction of the Federal component of the state standard of general education: methodical writing // *Foreign languages at school*. 2004. No 5, pp. 3–12.
7. Passov E. I. Foreign language lesson in secondary school // *International collection of scientific papers*. 2015, pp. 37–48.
8. Rogova G. V. *Methods of teaching English at the initial stage in secondary school*. M. : Education, 2000. 232 p.
9. Rogova G. V. On increasing the effectiveness of a foreign language lesson // *Foreign languages at school*. 2015. No 4. P. 11–13.

© Kegeyan S. E., 2022.

UDC 811.11

THE METHODS OF USING AUTHENTIC MATERIALS IN THE PROCESS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGE INTERCULTURAL COMMUNICATION

S. E. Kegeyan

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
ORCID 0000-0002-4390-1015,
svetlana.kegeyan@mail.ru,
Sochi State University,
Sochi, Krasnodar region, Russia*

Abstract. The article analyzes the problem of teaching foreign language intercultural communication to students of a non-linguistic university, the role, functions and methods of using authentic materials in teaching; the results of the pilot study of this problem are summed up.

Keywords: foreign language intercultural communication; dialogue of cultures; the role of the native language in teaching; functions of authentic teaching aids; methods and techniques for using authentic materials.

Dynamic changes in the system of social relations, the transition from an industrial to an information society, in which intellectual dialogue and communication occupy an increasingly important place, required a search for new concepts for the development of the education system in Russia. The culture-forming function of education has sharply increased. This fully applies to modern language education, which is reoriented from teaching foreign languages to teaching foreign languages and cultures and is aimed at preparing students for real intercultural communication.

In modern research, intercultural communication is understood as “a functionally determined communicative interaction of people who act as carriers of different cultural communities due to their awareness or other people of their belonging to different geopolitical, continental and ethnic communities, as well as social subcultures” [2, p. 19].

As for foreign language intercultural communication, the language that is non-native for all or some part of the participants in intercultural interaction acts as a means of communication.

The pattern of intercultural communication and its integral part is that in the process of communication between representatives of different cultures, the national culture enters into a dialogue with other national cultures,

while highlighting such things that the native culture did not stop at. M.M. Bakhtin wrote about this: “We pose new questions to a foreign culture, which it did not pose to itself, we look for answers to these questions of ours in it, and a foreign culture answers us, revealing its sides to us, new semantic depths” [1, p. 335].

As we can see, familiarization with the studied cultures is carried out through dialogue, i.e. through the inclusion of the individual in the cultural experience in time and space. During this dialogue, its participants realize the originality and commonality of different cultures, cultural diversity as a source of personal and social development, the formation of a personality in a multicultural space.

It is worth mentioning the special role of the student's native language, which, in parallel with a foreign language, acts at all stages of teaching foreign language intercultural communication as a means of forming a linguistic picture of the world, which “reflects reality by means of language, but not directly, but through the cultural picture of the world (“language as mirror of culture”)” [3, p. 23]. At the same time, language is the key to discovering the uniqueness and originality of one's own national identity and the historical achievements of representatives of other cultures.

In the conditions of an artificially created language environment, teaching a foreign language to students of a non-linguistic university involves modeling communicative speech situations of intercultural communication in the classroom, which can only conditionally be equated with real ones. In the absence of a real carrier of a foreign language culture, the role of a teacher as a conductor between two cultures, able to form the necessary skills and abilities of intercultural communication in students and ensure their interconnected communicative, cognitive and sociocultural development, increases significantly.

One of the leading requirements for the content of teaching foreign language intercultural communication is authenticity. This requirement implies the active inclusion in the learning process of genuine, original materials that introduce students to the country of the language being studied, the history and culture of its people, and the realities of modern life.

Authentic materials are believed to be the best types of materials for developing intercultural communicative competences of foreign language learners. Authentic materials bridge the gap between the classroom and the outside world and they bring reality to the classroom. Authentic materials are those which were not created or edited for language learners, consequently most everyday objects in the target language qualify as authentic materials. Exposure to the authentic materials allows language learners to make contact with the real-life language, customs and way of life of the target culture. Using authentic materials in teaching culture is a great motivational factor and it helps learners to recognize that there is a community of users who live their lives in this other language. Authentic materials include audio, visual and printed materials.

Benefits of authentic materials in developing intercultural communicative competences are immense. They remind learners that there is a real world community that functions exclusively through the use of the

target language. Authentic materials help learners to use language in “real life like” situations. Learners are exposed to the real use of language and they are immersed into the real world of the target culture while they are in the classroom. Authentic materials, especially texts, videos, songs need to be actual, as they are culturally sensitive and can become quickly out of date.

There is a great choice of authentic materials, which could be used in teaching culture in foreign language lessons, but teachers need to pay a lot of attention in choosing appropriate materials. Teachers should set up criteria for selecting materials, which would suit the specific groups of learners. The materials should fulfill the requirements of the curriculum topics, interest of learners, usefulness, language level, age and background knowledge of learners. The authentic materials need to be culturally appropriate, but at the same time comprehensible for learners of English as a foreign language. It needs to be kept in mind, that authentic materials are based on native speakers’ culture, which might appear alien or inappropriate to language learners.

At present, the possibilities of using foreign educational and methodological audio-visual complexes, various information from the Internet, publications from foreign newspapers and magazines, as well as real objects and materials reflecting various spheres of life of society in the country of the language being studied, have increased indefinitely in foreign language classes. Such materials include sample forms, questionnaires, advertising brochures, tourist guides and guidebooks, city maps, various programs, tickets, etc. Authentic materials make it possible to bring students as close as possible to the natural cultural environment, to make them active participants in the communication process.

Our study showed that when selecting authentic teaching aids, it is necessary to take into account the cultural value of materials, their typicality and well-knownness, modernity, thematic character and functionality, a

clear differentiation with the native culture of students, the professional orientation of teaching a foreign language at a university.

There are three main functions of authentic means in the learning process: 1) educational, when they are used to expand the general outlook of students, to acquire new regional and linguistic knowledge; 2) communicative, if authentic means serve as the basis for organizing verbal communication in various spheres and situations of life; 3) developing, in which country-specific information is used to develop the intellectual skills of students, their creative activity, the formation of a sustainable cognitive interest and motivation to learn a foreign language.

The educational function of authentic means is manifested in the classroom, when students, under the guidance of a teacher or on their own, get acquainted with new information for them in the course of reading a text, listening to a sound recording, watching videos, working with an Internet site, familiarizing themselves with materials related to professional, business, social cultural and everyday spheres of communication.

The communicative function of authentic means can be realized in the process of teaching foreign language communication. In order for such communication to become possible, a lot of preparatory work is needed to develop the skills and abilities of students to conduct a dialogue, conversation, discussion within the framework of the topic and situation of communication. This is facilitated by a set of communicative tasks that form the appropriate skills and abilities.

Authentic means realize their developmental function when they become a source of cognitive activity of students, if problem situations are created in the lesson that require students to independently solve mental problems.

Situations of professional foreign language communication, modeled in teaching

all types of speech activity, are of particular importance in the university. These, first of all, include situations that arise while working with literature in the specialty. For example, situations of getting acquainted with the latest literature, selecting material for term paper, writing an essay, etc. This can also be a situation of business communication with foreign colleagues. For example, holding discussions, press conferences, round tables on professional topics.

A mandatory component of such situations is a problematic task that the student needs to solve on their own. At the initial stage of training, the problem task can be indicated in the situation or formulated by the teacher. At an advanced stage, the student, having familiarized himself with the content of the situation, formulates the problem himself, looks for ways to solve it and prove its correctness. This is facilitated by authentic materials in combination with traditional teaching aids (textbook, dictionaries, reference books), as well as, if necessary, the teacher's help in the form of brief information / instructions for working on solving the problem.

Thus, authentic means in combination with active techniques and methods of working on them give the process of teaching students foreign language intercultural communication a creative character, making it truly developing.

Bibliography

1. Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity. – M., 1979.
2. Safonova V. V. Cultural studies in the system of modern language education // Foreign languages at school. – 2001. – No 3. – S. 17–24.
3. Ter-Minasova S. G. War and peace of languages and cultures: (Textbook). – M. : Slovo, 2008.

© Kegeyan S. E., 2022.

ASSESSMENT OF THE PREVALENCE OF VISUAL ORGAN MORBIDITY IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA FOR THE PERIOD 2018–2020

E. V. Semeleva

E. V. Pligina

*MD, associate professor,
ORCID 0000-0001-6692-4968,
assistant, PhD,
ORCID 0000-0003-4001-5744,
e-mail: kat.vpl@mail.ru,
N. P. Ogarev National Research
Mordovian State University,
Saransk, Russia*

Abstract. The article assesses the prevalence of visual organ morbidity in the Republic of Mordovia for the period 2018–2020, based on industry statistics. The data obtained make it possible to more objectively assess the state of morbidity of the population for timely adoption of the necessary management decisions.

Keywords: general ophthalmological morbidity; primary ophthalmological morbidity; Republic of Mordovia.

According to the World Health Organization, there are about 2.2 billion cases of visual impairment or blindness in the world, and more than 1 billion of them are the result of a lack of prevention or treatment. In its work, WHO is guided by the recommendations contained in the World Vision Report (2019) and the resolution "Comprehensive human-centered ophthalmic care, including the fight against preventable blindness and preventable visual impairment", adopted at the 73rd session of the World Health Assembly in 2020 [1, p. 8] The main idea of the report and the resolution is the need to consider comprehensive and people-oriented ophthalmic care as the preferred model in the field of eye health and ensure its widespread implementation in countries.

Russia also takes an active part in the implementation of these measures, since almost half of the population of our country has some kind of visual impairment. The most significant of them are glaucoma, cataracts, myopia, injuries of the visual organ, as well as diseases associated with retinal pathology. The overall incidence of all eye diseases, in-

cluding refractive errors and injuries, is on average 55.5 % in the Russian Federation [2, p. 185]. Due to the increase in the number and aging of the population, the risk that visual impairments will affect more people is increasing. The annual increase in ophthalmic patients is up to 7 %. The rejuvenation of diseases such as cataracts and glaucoma draws attention.

Pathology of the organ of vision is a special medical and social problem. Diseases of the visual organ, especially in the absence of early diagnosis, timely, high-quality treatment, lead to a significant pronounced decrease in the indicators of the functional state of the visual organ. A significant part of patients receive the status of visually impaired. As a result, eye diseases and vision loss cause significant social and economic damage to both the patient and society, significantly reducing the quality of life of patients. Despite the obvious significant progress in improving access to ophthalmic care, problems remain with the planning and provision of quality medical services in accordance with the needs of the population.

The study and accounting of ocular morbidity play an important role, since statistical data represent the basis on which the general strategy for the development of the ophthalmological service is developed [3, p. 184; 4, p. 183]. Indicators of clinical epidemiology characterize the health status of the population, the organization of medical care, including its availability, quality, timeliness of delivery and form strategic and tactical directions of health care activities. Considering the above, it is relevant to assess the prevalence of visual organ morbidity in the Republic of Mordovia for the period 2018–2020.

Materials and methods. To assess the prevalence of visual organ morbidity in the Republic of Mordovia for the period 2018–2020, statistical materials "The health of the population of the Republic of Mordovia and the activities of healthcare institutions in 2018–2010" were used.

Methods of analysis: statistical, analytical, historical.

Results. The effectiveness of ophthalmological care to the population of the Republic of Mordovia is directly related to the local epidemiological situation in ophthalmopathology. The level of general morbidity of diseases of the eye and appendage apparatus according to the data of the circulation of the population of the Republic of Mordovia for the analyzed period decreased by 12.6 % from 108.9 per 1000 population in 2018 to 95.2 in 2020.

Cataract and glaucoma have been leading in the structure of the overall incidence of eye diseases and appendage for a number of years. So, in 2020, the level of the general incidence of cataract in the population is 13.6 per 1000 population, there is a downward trend. The total incidence of glaucoma in the population is 6.6 per 1000 population, during the study period there was a decrease of 9.6 % from 7.3 per 1000 population. In the Republic of Mordovia, the level of primary morbidity of eye and appendage diseases in 2020 amounted to 18.2 per 1000 population, over a three-year period there was a decrease of 38.1 %.

In the structure of primary morbidity, there is a decrease in the incidence of cataract by 18.2 % from 2.2 per 1000 population in 2018 to 1.8 in 2020. The primary incidence of glaucoma increased by 33.3 % from 0.6 per 1000 population in 2018 to 0.8 in 2020. The morbidity of the adult population with eye and appendage diseases according to the data of the circulation decreased by 10.9 % from 98.3 per 1000 population in 2018 to 87.6 in 2020. In 2020, the general incidence of cataract in the population was 16.1 per 1000 population, there is a downward trend. The total incidence of glaucoma in the population was 7.9 per 1000 population, there is a decrease of 10.2 % from 8.8 per 1000 population.

The incidence of adult eye and appendage diseases with a diagnosis established for the first time in life decreased by 35.4 % from 24.5 per 1000 population in 2018 to 18.1 in 2020. In 2020, the primary incidence of adult cataract was 2.1 per 1000 population, there is a downward trend. The primary incidence of adult glaucoma in 2020 was 1.0 per 1000 population, during the study period there was an increase of 42.8 % from 0.7 per 1000 population. The dynamics of the eye morbidity of adolescents according to the data of the appeal tends to decrease. Thus, there is a decrease in the eye morbidity of adolescents according to the appeal data by 23.9 % from 274.6 per 1000 adolescents in 2018 to 221.7 in 2020.

Eye muscle diseases, disorders of friendly eye movement, accommodation and refraction, myopia and astigmatism have been leading in the structure of the general morbidity according to the data of adolescent circulation for a number of years. During the analyzed period, the level of general morbidity according to the data on the treatment of adolescents with diseases of the eye muscles, disorders of friendly eye movement, accommodation and refraction decreased by 18.4 % and amounted to 191.8 per 1000 adolescents in 2020. The incidence rate according to the data on the treatment of adolescents with myopia decreased by 21.4 % and amounted

to 150.2 per 1000 adolescents in 2020, astigmatism decreased by 6.3 % and amounted to 21.3 per 1000 adolescents in 2020. The incidence of adolescent diseases of the eye and appendage with a diagnosis established for the first time in life decreased by 40.7 % from 50.8 per 1,000 adolescents in 2018 to 20.7 in 2020.

A similar situation is observed when analyzing the dynamics of ocular morbidity in children. There is a decrease in the incidence of ophthalmopathology among the children's population by 24.3 % from 141.0 per 1000 children's population in 2018 to 106.7 in 2020. Thus, there is a decrease in the level of ocular morbidity of children according to the data of the incidence of eye muscle diseases, disorders of friendly eye movement, accommodation and refraction by 10.7 % and amounted to 79.84 per 1000 children in 2020, myopia by 12.4 % and amounted to 7.6 per 1000 children in 2020, astigmatism by 17.6% and amounted to 13.1 per 1000 children in 2020. The results of the assessment showed that the incidence of children diagnosed for the first time in life decreased by 31.1 % from 53.7 per 1000 population in 2018 to 16.7 in 2020.

Conclusion. As a result of the study, it was found that the incidence of diseases of the eye and appendage tends to decrease, but remains at a fairly high level, which requires improving the organization of ophthalmological care and the development of measures aimed at preventing the development of ophthalmopathology among the population of the Republic of Mordovia.

Bibliography

1. Vitkovskaya O. P. Strategy of health promotion in ophthalmology// RMZH "Clinical ophthalmology". 2013. No. 3. P. 88–92.
2. The health of the population of the Republic of Mordovia and the activities of healthcare institutions in 2017–2018: Stat. materials. – Saransk. – 2019. – 185 p.
4. The health of the population of the Republic of Mordovia and the activities of healthcare institutions in 2018–2019: Stat. materials. – Saransk. – 2020. – 184 p.
5. The health of the population of the Republic of Mordovia and the activities of healthcare institutions in 2019–2020: Stat. materials. – Saransk. – 2021. – 183 p.

© *Semeleva E. V.,
Pligina E. V., 2022.*

UDC 613.2

FAST FOOD IS A FASHIONABLE FOOD TREND

E. V. Semeleva

E. V. Pligina

*MD, associate professor,
ORCID 0000-0001-6692-4968,
assistant, PhD,
ORCID 0000-0003-4001-5744,
N. P. Ogarev National
Research Mordovian State University,
Saransk, Russia*

Abstract. Of course, today the basis of a healthy lifestyle is a balanced and proper diet. The popularity of fast food is growing among modern students. Fast food is becoming a threat to the health of all mankind.

Keywords. fast food; obesity; nutrition.

Rational nutrition is the basis of a healthy lifestyle and a healthy generation. The modern generation is very promiscuous in the choice of food. Constant lack of time, incompetence in matters of culture and the pace of modern life – all this has led to promiscuity in the choice of products. Although everyone knows about the need for proper nutrition, but, unfortunately, few people think about the consequences [1, p. 153]. Now it's no secret that fast food is harmful to health, we can read about it in numerous scientific articles, learn from TV shows. People's fascination with unhealthy and harmful food is not only a medical problem, but also a socio-psychological one.

A very fast pace of life does not leave an opportunity for a modern person to have lunch slowly, with pleasure. Instead of a substantial meal, you have to be content with a hasty meal ranging from a business lunch at a nearby cafe to instant noodles in a bag, a hamburger or a hot dog. "Fast food" has long been a part of the modern world.

Today, it will not be difficult to find a place to eat in every country. Absolutely at every step there are pavilions, cafeterias, cafes where they sell pastries and sandwiches. Everyone became dependent on fast food. The modern pace of life does not allow us to assimilate the fact that there are certain problems associated with the consumption of fast food. And these problems arising from such

products are mainly related to health, with its deterioration.

The history of the appearance of the term "fast food" and "fast food". "Fast food" (fast-food) is a phrase that means "fast food" in translation. The term fast food refers to any food that is prepared and served quickly. The first mention of the term fast food dates back to 1951. Before the beginning of our study, we believed that fast food appeared in the USA in the XX century, because all Russians are well-known fast food restaurants "McDonald's", such words fast food, Coca-Cola, hot dog, hamburger, sandwich, etc. But, as it turned out, fast food existed in ancient times. Fast food was known in the Ancient world. In every city there were a lot of eateries and bazaars, where they sold all kinds of dishes [2]. One of the popular dishes were yeast dough tortillas, greased with olive oil, which were also used as edible plates.

In China, hot instant noodles were sold in bazaars. Various tortillas were popular in India and Europe. Fast food originated in America in the 1920s. In 1921, the "White Castle" was opened in Kansas, the specialty of which was the first hamburgers. In 1940, the White Castle company had competitors, of which McDonald's became the most serious. At the moment, there are about 30,000 McDonald's restaurants in the world. The largest restaurant is located in Beijing (China), and the most passable is in Moscow.

Excessive consumption of fats and sugar, preservatives and flavor enhancers, which are contained in fast food, leads to chemical dependence, very similar to narcotic. Constant visits to fast food establishments cause addiction, like smoking or drug use. It is very difficult for fast food lovers to return to proper (home) nutrition, as it requires a lot of effort and work on themselves. Flavorings and flavoring additives that are part of fast food, in 50 % of cases cause food allergies, which can further lead to intolerance to most foods.

We conducted a sociological survey on the basis of the Ogarev Mordovian State University (Medical Institute) among third-year students. The survey was anonymous and anyone had the right to refuse. 37 out of 50 people regularly and with pleasure consume food and carbonated drinks with a high sugar content in fast food establishments.

12 people rarely eat fast food, but would really like to eat more often, because they have a great desire. A survey of students showed that 7.9 % of students eat at the institute's buffet, 8.3 % – snack on nuts or fruits (taken from home), 83.8 % – satisfy their hunger with what they have (chewing gum, chocolate, chips, cookies, cigarettes, etc.). More than 80 % of students do not adhere to rational proper nutrition. Most students do not eat breakfast (because do not have time for classes) (28 out of 50 respondents), and those who have breakfast (22 people) prefer sandwiches or instant noodles for breakfast. Some have forgotten the last time they ate hot entrees. Most students always have a late dinner.

When asked why you do not adhere to proper and healthy nutrition, students noted a lack of time (53 %), lack of opportunity to have a snack elsewhere (18 %), like fast food and the atmosphere in these institutions (15 %), as well as the price (13 %). Male students enter such establishments due to lack of time or the desire to cook a full meal themselves (44 %), they are satisfied with the price (16 %); and girls are attracted by the

variety of menus (37 %) and the atmosphere (19 %).

The number of fast food fans is not decreasing, although improper and harmful nutrition is one of the threats to humanity. Fast food is a direct threat to human health, and this should not only be remembered, but also fought in every possible way! Fast food establishments attract people more psychologically: beautiful bright design, delicious smell, cozy atmosphere, price – everything looks very attractive – especially when we are hungry. Being fond of fast food, we provide ourselves with unhealthy food, and this means the possibility of developing many serious health problems in the near future.

Negative characteristics of fast food:

- incorrect combination of carbohydrates, fats and proteins;
- fast food is very high in calories due to the high content of animal fats, carbohydrates (including sugar), flavor enhancers and high energy value;
- the presence of dietary supplements, which, according to some studies, affect the fertility of men and women;
- washing down fast food with cola, the temperature of which is lower than a hot dish, leads to the fact that the fat in the filling instantly freezes, without having time to split;
- low fiber content;
- lack of essential nutrients, minerals and vitamins.

The fact that "fast food" leads to health problems is a well-known fact, but there has never been such a situation as now in the history of mankind. To date, there are more than 42 million children in the world who are obese – and not just have an increased body weight, but are actually sick. According to nutritionists, if this trend continues, then by 2050 it will be a luxury for people over 30 to have a normal physique.

People love fast food not because they are not aware of its harm and do not think about the consequences, because they get pleasure and rest – something that they lack

so much every day (especially after working days). And regardless of how we feel about improper nutrition, we must admit that it has become a part of our life, the contingent of customers is getting younger every day – we can already meet 3-year-old children at the table with fast food in their hands. Whether it is good or bad, everyone decides for himself, but he must remember that harmful will not lead to good. If our views on nutrition do not change, then soon humanity will turn into fat sick people.

If visiting fast food places cannot be avoided, then you can follow the following recommendations: try to order small portions: say no to double burgers and large portions of French fries; instead of sweet carbonated drinks, buy juice, tea or mineral water (even ordinary drinking water will quench your thirst without any problems); let it be dishes steamed, baked in the oven or boiled; eat more salads from fresh vegetables, seasoned not with oil (700–800 kcal / 100g), and not with mayonnaise (600 kcal / 100g), but with sauces (some sauces and dressings contain up to 300 kcal / 100g).

Also, the preparation of fast food is associated with the use of a large amount of salt and spices, which, in addition to extending the shelf life of products, hide the characteristic taste of used spoiled products (poisoning is frequent). "Fast food", as a rule, is taken on

the go and in a hurry, it is very difficult for the stomach to cope with large chunks of poorly chewed food, flavored with carbonated drinks and ice cream on top. Gastric juice cannot cope with the high content of spices and various sauces, the main task of which is to hide the real taste and smell of spoiled products. Due to the frequent use of such food, serious diseases of the gastrointestinal tract, prone to chronic (gastritis, pancreatitis, cholecystitis, etc.)

Fast food is always very high-calorie, hard-to-digest food, so regular consumption of hamburgers and pizza leads to a rapid increase in body weight. There is an imbalance of fats, proteins and carbohydrates, which contributes to obesity, the endocrine system suffers greatly.

Bibliography

1. Zosimova L. S., Kolosnitsyna M. G. Formation of a healthy lifestyle among Russian youth: opportunities and limitations of state policy // The question of the state municipal Administration. – 2011. – No. 4. – P. 153.
2. Mikaelyan I., Khitrov S. The Russian network market of public catering 2013 // URL: <http://marketing.rbc.ru/articles/11/09/2013/562949988861317.shtml>(accessed:17.11.2021).

© Semeleva E. V.,
Pligina E. V., 2022.

УДК 7.011

ПРИМЕР АНАЛИЗА АНТИУТОПИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КИНЕМАТОГРАФА

Е. Б. Дорошина

*Студентка,
ORCID 0000-0002-7492-6418,
НИУ «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия*

AN EXAMPLE OF THE ANALYSIS OF DYSTOPIAS IN CINEMATOGRAPHY

E. B. Doroshina

*Student,
ORCID 0000-0002-7492-6418,
NRU "Higher School of Economics",
Moscow, Russia*

Abstract. The article lists the characteristic features of the American and Japanese theories of dystopias. An attempt to analyze films and series that meet the criteria of dystopias is made.

Keywords: dystopia; totalitarian state; rebellion against the system.

В трейлере новой экранизации романа Замятина 2021 года поётся: «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будем Мы». Примерно такой посыл всех антиутопий видят читатели: равенство, тотальность, непоколебимость. Данный жанр вышел за пределы литературы, но всё ещё имеет характерные черты, которые можно проследить в разных произведениях культуры.

Борис Ланин в своей статье «Анатомия литературной антиутопии» выводит ряд определяющих этот жанр признаков. Основной антиутопического мира является страх, причём его постоянство переходит в абсолютность. Бояться чего-то становится нормой, поэтому чувство страха приобретает новые оттенки, например, благоговение. Ужас перед мощью властных структур становится одновременно уважением и преклонением перед государством. Можно даже говорить про восхищение, соседствующее с перманентным страхом. Главный герой произведения эксцентричен, то есть отличается от остальных. Даже склонность к ведению

дневника может стать такой чертой, которая будет выделять человека на фоне общества. Творческий порыв героя становится его особенностью, не вписывающейся в рамки тоталитарного государства. Эксцентричность является основой для противопоставления главного персонажа и рядовых жителей общества. Чаще всего, эта «инаковость» пресекается государством, так как может быть опасной для строя. Тем не менее, главный герой является белой вороной в тоталитарном обществе. А вот, в чём все граждане схожи, так это ритуал. «Там, где царит ритуал, невозможно хаотичное движение личности», – пишет Ланин [1]. Чёткая роль – то, что есть у каждого. Людей можно назвать частью большой машины, винтиками структуры. Все действуют по заданной программе без возможности проявить своё «я». Единственной сферой для самовыражения является интимная, которая часто становится гипертрофированной. Свобода действия напрочь отсутствует, и попытки отказаться от своей роли в гло-

бальном ритуале становятся показателем бунта против системы. Именно такое стремление нарушить программу двигает сюжет антиутопии. Герой становится неработающей шестерёнкой, которая пытается сломать всю машину. Говоря об антиутопии, можно вспомнить наличие несуществующих технологий, преобразование мира, наличие несуществующих городов. Такая фантастичность весьма свойственна жанру, но, в отличие от научной фантастики, «антиутопия рассказывает о куда более реальных и легче угадываемых вещах» [1]. Узнаваемость и предсказуемость являются частью нашего мира, тогда как другие жанры ищут что-то новое, иное, непонятное и загадочное. Некоторые приёмы всё-таки используются, но это не делает жанры тождественными. Наконец пространство в антиутопии тоже отличается от нашего мира. Личные границы стираются, частной собственности не существует, больше не существует интимного пространства, оно представлено иллюзорно в виде комнаты и квартир, которые просматриваются или постоянно сменяются. Внешнее пространство ограничено и принадлежит государству, только оно реально. Это надличностное пространство приобретает сакральность и относится ко всему обществу.

В статье Huai-Hsuan Huang «Distinguishing Patterns of Utopia and Dystopia, East and West (*Различение моделей утопии и антиутопии, Востока и Запада*)» на примере двух произведений представлено сравнение двух традиций антиутопии. Американский фильм и японская манга передают основные черты этого жанра в двух разных культурах. Западная традиция представляет мир произведения как «волны» из утопии и антиутопии, которые чередуются. Первые находятся на гребне, то есть наверху, а потом скатываются в антиутопии, которые внизу. Восточная традиция является «циклом», где всё начинается с одного, а заканчивается другим. Запад говорит о смене состояний, которые имеют отпав-

ную и завершающую точку, а Восток о некой перерождаемости всего вместе с природой, как в буддизме. Такое разделение связывается с влиянием религиозных убеждений на искусство. Цикличность жизни, инь и янь, перерождение и карма относятся в первую очередь к странам Азии. Однако, несмотря на такие жанровые различия, автор выделяет некие общие признаки антиутопии: «1) установка на будущее; 2) угнетающее или даже тоталитарное общество; 3) ограничение свободы и мысли; 4) дегуманизация; 5) неиндивидуальность; 6) иллюзия того, что антиутопия – это на самом деле совершенный утопический мир» [2]. Первый пункт остаётся не до конца ясным, автор не уточняет, что именно имел в виду. Это может быть ориентир на будущее у государства внутри произведения, которое не опирается на историю и принижается прошлое. А может быть отсутствие такого мира в настоящем и повествование о мире как о чём-то из будущего, до чего ещё могут дожить люди. Данный признак весьма тяжело определить, поэтому его присутствие в анализе будет затруднять работу. Остальные же параметры гораздо проще. Общество является тоталитарным, граждане угнетаются правительством, устанавливается запрет на свободу мысли и действия. Процесс «дегуманизации» выражается либо в доминировании машин, либо в обесчеловечивании личности – люди теряют свою привычную идентичность, также теряется их индивидуальность. Ну и наконец, антиутопия маскируется под идеальный мир. На первый взгляд система может показаться утопичной, но, на самом деле, наличие остальных признаков говорит об обратном.

Как можно было уже понять, существует очень много различных признаков антиутопий, выведенных с помощью разных произведений. Наличие отклонений внутри каждого из них поражает типологизации антиутопий внутри жанра. Работа Antonis Balasopoulos «Anti-Utopia and Dystopia: Rethinking the Generic Field (*Ан-*

тиутопия и дистопия: переосмысление родового поля)» даёт понять, к какой антиутопии или дистопии можно отнести ту или иную историю. Дистопии в данной статье отличаются от антиутопий большей нарративностью и меньшей аргументированностью. Критика в них выражается больше субъективно, а политические взгляды двусмысленны. К антиутопиям относятся сатирические, догматические, критические подгруппы, а к дистопиям трагический провал, авторитарные репрессии, непредвиденную катастрофу и нигилизм. Однако больше всего, учитывая контекст аниме-сериала для анализа, привлекает внимание группа «Pre-emptive anti-Utopias» (*«Упреждающие антиутопии»*). Данный поджанр подразумевают, что продолжительное недовольство существующим устройством может быть опасным для стабильности государства. В таких произведениях утверждается достижение утопии, то есть процветания и стабильности, которую необходимо всеми силами поддерживать. Таким образом, явное или неявное сопротивление режиму является незаконным, так как может привести к разладу в работе системы.

Изучение произведений-антиутопий проходит не только для выявления характерных признаков жанра и анализа мира внутри истории как такового. Чтобы лучше понять способы рассмотрения произведений культуры, демонстрирующих такое устройство социума, стоит обратиться к исследованиям фильмов и книг этого типа и посмотреть на то, как авторы отвечают на вопросы своих исследований на примере тех или иных эпизодов.

Британский телесериал «Чёрное зеркало» является известным примером информационной и технологической антиутопии. Одна из серий картины, которая называется «15 миллионов заслуг» была рассмотрена в эссе Tony McKenna «Behind the Black Mirror: The Limits of Orwellian Dystopia (*За черным зеркалом: пределы оруэлловской антиутопии*)». В данной ра-

боте проводится аналогия между деятельностью правящих масс будущего и идеями капитализма и консьюмеризма. Можно заметить, как сюжет серии анализируется по различным действиям героев с точки зрения этих теорий. Эпизод завязан на достижении рабочим классом свободы в виде участия в шоу талантов, финалисты которого могут претендовать на «иную» жизнь. Мы видим чёткое разделение на тех, кто обеспечивает благосостояние города, и тех, кто этим пользуется. Вторые используют пропаганду для продвижения идеи стремления к лучшей продуктивности. Данная работа доказывает иллюзорность тех достижений, к которым стремятся люди, а также невозможность изменить систему снизу. Основная масса людей не обладает достаточным интеллектом и душевным развитием, чтобы противиться соблазнам, предлагаемым сверху. Те же, кто выбирается из рядов рабочих, попадают в такую же систему, но на уровень выше. Это подтверждается пересказом того, как главный герой проходит путь от бунта против системы и триумфа живых эмоций к актёрству для камеры и смирением с существующими правилами. Эссе демонстрирует анализ дискурса сериала с помощью истории развития идей потребительства и пропаганды, а также является примером того, как в сюжете сериала можно проанализировать установленные правила существования общества через призму современных научных теорий.

Другим известным визуальным произведением культуры, затрагивающим ужасающие перспективы развития человечества, является фильм «Голодные игры». Диссертация Mary Catherine Miller под названием «Restorying Dystopia: Exploring the Hunger Games Series Through U.S. Cultural Geographies, Identities, and Fan Response (*Восстановление антиутопии: изучение сериала «Голодные игры» через культурную географию США, идентичность и реакцию фанатов*)» затрагивает больше культурные и географические ас-

пекты, однако продвижение тем неравенства, расизма и изоляции через действия героев обращает внимание на то, как именно фильм может выстраивать свой контент для правильного его восприятия аудиторией. Автор концентрирует своё внимание на том, что между государством Панем и историей США можно провести историко-географическую параллель. Становится ясно, что для понимания всего сюжета, необходимо обладать неким культурным контекстом. Способ проведения аналогии между миром произведения и нашим миром снова помогает понять замысел режиссёра, заложившего в определённые действия героев свою мотивацию. «By focusing on marginalized and silenced voices, these sections illuminate inequities present both in the dystopian world of the Hunger Games series and the contemporary United States (*Сосредоточив внимание на маргинализированных и заглушенных голосах, эти разделы освещают неравенство, присутствующее как в антиутопическом мире сериала «Голодные игры», так и в современных Соединённых Штатах»*)» [4]. Это значит, что создатели кинокартины намеренно используют увеличение экранного времени на демонстрацию определённых групп населения, чтобы сфокусировать внимание зрителя на их проблемах. Однако этот способ визуального кодирования невозможно распознать без знаний о подобных конфликтах в самих Соединённых Штатах. Подобные выводы формулируются и о поиске репрезентаций культурных особенностей и идентичности американских граждан в жителях Панема [4]. Работа по анализу сериала подводит нас к необходимому условию для работы с антиутопиями – обладанию информации о контексте создания картины и развития страны-производителя. Как пишет сама автор, «dystopian narratives like the Hunger Game series invite readers to not only imagine difficult futures but also to reflect on power dynamics and inequities in both the past and present (*антиутопические повествования,*

такие как сериал «Голодные игры», предлагают читателям не только представить себе трудное будущее, но и поразмышлять о динамике власти и неравенстве как в прошлом, так и в настоящем»)» [4]. Данная диссертация доказывает, что проведение аналогий между сюжетом произведения искусства и нашим миром позволяет сформировать представление о замысле авторов и посыле предупреждения антиутопических последствий с учётом исторических фактов.

В противопоставление наличия реальных исторических отсылок в антиутопичном произведении, можно сказать и о распознавании философских идей в нарративе принадлежащего к жанру фильма. Работа Carolina Rueda «Aesthetics of Dystopia: Blindness from Novel to Film (*Эстетика антиутопии: слепота от романа к фильму*)» посвящена экранизации романа Жозе Сарамыго «Слепота». Автор пишет о постапокалиптических признаках мира внутри произведения, но делает больший акцент на поиск метафор. Они раскрываются в речи самих героев, накладываясь на происходящие действия. Сюжет фильма заключается в распространении некой болезни, делающей людей слепыми и порождающей проблемы для людей с ограниченными возможностями. Однако сама идея фильма заключается в аллегории на неспособность людей полностью охватить происходящее вокруг. Цитата одного из героев: «I don't think we did go blind, I think we are blind. Blind but seeing, Blind people who can see, but do not see (*Я не думаю, что мы ослепли, я думаю, что мы слепы. Слепые, но видящие, Слепые люди, которые могут видеть, но не видят*)» [5] – отсылает нас к формулировке «смотреть, но не видеть». Аллегория пещеры Платона как раз повествует об ограниченности людей в своём мировосприятии. Данный анализ антиутопии учит искать как в речи, так и в построении проблематики произведения отсылки на наши собственные проблемы, которые могут быть

связаны с ограничениями функционирования всего общества.

С другой стороны антиутопии рассматривает Dori Griffin в работе «Visualizing Eco-dystopia (Визуализация эко-антиутопии)». Данная статья проводит анализ дизайна обложек к произведениям эко-дистопий, то есть природных катастроф. Здесь появляются новые методы – анализ визуала и категоризация. Автор говорит о создании словаря визуальных тропов, который основан на концептуализации того, как лучше привлечь внимание аудитории к иллюстрируемым проблемам. В пример можно привести образ противогаса, сопровождающий целую группу произведений, связанных с загрязнением воздуха вследствие разного рода техногенных катастроф. Дизайнеры используют устоявшийся образ, который привлечёт внимание и сразу обозначит основную проблему произведения. Такой подход к рассмотрению изобразительного контента отражает один из способов использования семиотики визуальных образов. Создатель дизайна, ориентируясь на ключевые характеристики произведения, комбинирует ряд узнаваемых образов, чтобы создать нужную картинку. Поиск известных тропов в контенте помогает категоризировать его и вывести схожесть с другими подобными антиутопиями.

Наконец Mark A Wood в статье «Algorithmic tyranny: Psycho-Pass, science fiction and the criminological imagination (*Алгоритмическая тирания: психопаспорт, научная фантастика и криминологическое воображение*)» рассматривает аниме киберпанк аниме «Психопаспорт» как источник для рассмотрения криминологами проблем введения технологий в органы правопорядка. В течение своего анализа, автор приводит примеры ситуаций из сюжета аниме и приводит их толкование с точки зрения криминологии. Он отталкивается от действий и слов персонажей, чтобы сделать вывод о правомерности их действий в рамках события.

Например, существующие в аниме алгоритмы, призванные идентифицировать преступников, определи пострадавшую от нападения женщину как потенциально опасную. Её уровень стресса сильно подскочил, поэтому искусственный интеллект посоветовал нейтрализовать угрозу. Автор статьи говорит о том, что герой-полицейский в данной сцене ставит справедливость выше закона, не повинаясь рекомендациям. Этот случай ставит под вопрос объективность и нейтральность работы машинного мозга в вынесении приговора. Также данное аниме рекомендуется для просмотра студентов для решения умственных задач, связанных с правильностью выбранного героями поведения. Использование примеров из антиутопии как попытки предупредить подобное будущее является одним из способов анализа жанра.

Все приведённые примеры исследований позволяют сформировать представление о том, как может проводиться анализ антиутопий как в визуальном, так и в нарративном плане. В произведениях могут быть найдены исторические, философские и культурные отсылки на прошлое и настоящее. Такие элементы можно вычленировать благодаря их тождественности с нашим миром. Более того, в антиутопии может содержаться предупреждение или урок на будущее. Сами же произведения можно разложить на отдельные признаки, отнести к категории и найти известные тропы. Всё это закладывает основу понимания сферы анализа в дальнейшем, а также объясняет работу некоторых методов.

Изучение изображения подразумевает под собой некую особенность, связанную со способами его рассмотрения. Раньше визуальная составляющая предполагалась в качестве примера к уже существующей информации, как дополнение к ней. Сейчас же исследования концентрируются на фото и видеопроодукции как на отдельном носителе смыслов как таковом. Методы работы с изображением упираются в по-

пытки декодирования заложенных смыслов и попыток определить, который из них является верным: «Images have a multivalent character and a tendency to encourage multiple and sometimes contradictory interpretations (*Образы имеют поливалентный характер и склонны к множественным, а иногда и противоречивым интерпретациям*)» [6]. Всё это приводит к попыткам унифицировать некоторые образы, которые используют создатели контента. На примере рассмотрения эконо-дистопий можно заметить, что интерпретация образов с обложек упрощается благодаря использованию общепринятых элементов демонстрации проблемы. Такой метод подтверждает тезис, что, «for the most part, where image makers need to get a specific idea across, they will rely on established connotators which they feel confident their target audiences will understand (*по большей части, когда создателям изображений нужно донести конкретную идею, они будут полагаться на устоявшиеся коннотации, которые, как они уверены, поймет их целевая аудитория*)» [3]. Чем абстрактнее изображение, тем свободнее интерпретация. Отсутствие конкретики порождает многочисленные вариации понимания картины. Именно из-за этого в первую очередь рекламодатели стараются надавить на нужные точки с помощью образов, которые будут максимально простыми для воспри-

ятия. Поиск таких тропов и элементов отражает метод работы с визуальным контентом. Кроме того, для распознавания этих составляющих необходимо знать контекст создания и распространения информации. Допустим, портрет человека в литературном журнале и в объявлении розыска будет носить разную коннотацию, даже учитывая, что это может быть одна и та же фотография. Следовательно, контекст в первую очередь определяет границы возможных коннотаций, а дальше их детальное понимание помогают распознать общеизвестные тропы.

Библиографический список

1. Ланин Б. А. Анатомия литературной антиутопии // *Общественные науки и современность*. 1993. № 5.
2. Huang, H. (2017). Distinguishing patterns of utopia and dystopia, east and west, 36–37.
3. Kidd, J. (2016). *Representation*. Routledge, 27.
4. Miller, M. C. (2017). *Restorying dystopia: Exploring the hunger games series through U.S. cultural geographies, identities, and fan response* (Doctoral dissertation). The Ohio State University, 20.
5. Rueda, C. (2015). Aesthetics of dystopia: Blindness from novel to film. *World Literature Today*, 89(3), 14.
6. Traue, B., Blanc, M., & Cambre, C. (2019). Visibilities and Visual Discourses: Rethinking the Social With the Image. *Qualitative Inquiry*, 25(4), 328.

© Дорошина Е. Б., 2022.

ПЛАНИРОВАНИЕ КАРЬЕРЫ СОВРЕМЕННЫМИ ЖЕНЩИНАМИ МОНГОЛИИ

Е. В. Звонова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
ORCID 0000-0001-9271-8367,
e-mail: zevmgpi@rambler.ru,
бакалавр психологии,
e-mail: suwda2423@gmail.com,
Московский педагогический
государственный университет,
г. Москва, Россия*

А. Балдандорж

CAREER PLANNING BY MODERN WOMEN OF MONGOLIA

E. V. Zvonova

*Candidate of Pedagogical Sciences,
associate professor,
ORCID 0000-0001-9271-8367,
e-mail: zevmgpi@rambler.ru,
Bachelor of Psychology,
e-mail: suwda2423@gmail.com,
Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia*

A. Baldandorzh

Abstract. Historically, Mongolia has always been a reliable trade and cultural partner of Russia. Mongolian women have traditionally played an important role in the history, politics and economy of the country. The results of the study showed that modern Mongolian women are active and have a high level of independence in career planning, act as entrepreneurs and creators. They create, create their own destiny, focusing on the values of service, integration of lifestyles and entrepreneurship. The participants of the study recognize the great role of family and children in their lives, considering this factor as important when choosing a career direction. However, it is the responsibility for the family and the future of children that defines the role of an active builder of her own life for modern Mongolian women.

Keywords: career; career planning; woman's career; modern Mongolian women; entrepreneurship; activity; independence; integration of lifestyles; career success.

Актуальность исследования определяется проблемой изучения социальных и психологических векторов развития и трансформации традиционных обществ Азии.

Монголия – единственная часть бывшей империи Цин (1644–1912, с краткой реставрацией в 1917 г.), добившаяся независимости. В начале XX в. была попытка создать собственное монархическое государство, которая привела к образованию буддийской монархии, сумевшей создать национальное государство, преемником

которого выступает современная Монголия [7]. В новой и новейшей истории Монголия всегда была союзником или партнером России и СССР. МНР стала вторым в мире социалистическим государством после СССР, развитие которого по пути, определяемому ее новым многовекторным курсом, определяют важность исследования человеческого капитала страны, особенно женщин Монголии, которые традиционно выполняли важную роль в истории, политике и экономике страны [15; 16].

В связи с постоянным изменением социально-экономических условий и требований, предъявляемых работодателями к специалисту, растет внимание ученых и практиков к процессу карьерного планирования [2; 8]. Это определяется не только требованиями современного мира постоянного роста уровня профессиональной компетентности специалиста, способного к освоению смежных и новых областей, повышению технологического уровня, овладению инновациями. Но также тем, что современные женщины продолжают выполнять свою природой заложенную функцию продолжательницы рода и воспитательницы подрастающего поколения [5].

В современных исследованиях отмечается, что планирование карьеры является результатом реализации всех аспектов Self-management. Женщины при планировании профессиональной карьеры в той или иной степени опирается на уровень своей готовности к профессиональной деятельности и образ профессионального будущего.

В основе исследования лежит субъектно-деятельностный подход в становлении профессионала [6]. В рамках данной методологической основы исследуется зависимость планирования карьеры от различного рода ценностей, стремлений, потребностей, знаний, умений, навыков и прошлого опыта, которые предопределяют избирательность и направленность деятельности специалистов. Субъектно-деятельностный подход позволяет нам рассматривать взаимосвязь готовности к профессиональной деятельности и образа ожидаемого будущего по отношению к выстраиванию и реализации карьерного плана. В данном ключе мы рассматриваем планирование карьеры женщинами современной Монголии как целенаправленный, личностно значимый процесс.

Наше исследование выполнено в рамках субъектно-деятельностного подхода, рассматривающий процесс планирования карьеры в контексте ценностей, стремлений, потребностей, знаний, умений, навы-

ков и прошлого опыта, которые предопределяют избирательность и направленность деятельности специалистов (Е. А. Климов). Традиционно в рамках отечественной психологии исследование планирования карьеры проводятся в рамках процессуального подхода [1; 4; 9]. В работах Ш. Берн (Shawn Meghan Burn) [13] выделенные факторы, способствующие сохранению традиционных гендерных норм и социокультурному развитию представлений общества о традиционной роли женщины.

По мнению Н. Карп-Руфино, неуспешность женщин в карьерном развитии определяются наличием трех страхов: страха неудачи, страха успеха и страха риска [3, с. 61]. Страх успеха, как результат традиционной женской социализации, ограничивает стремление женщин к персональным достижениям и конкуренции с мужчинами, приводит к появлению чувства вины и отказу от достижений, предпочтению зависимости свободе выбора.

Если социальные установки, которые мешают карьерному планированию и развитию: традиционное предназначение женщины; отсутствие деловых качеств; меньшая ценность женщин как человеческого капитала; необходимость выбора между карьерой и семейной жизнью [14].

М. Палуди считает, что большое влияние на карьерное планирование женщин оказывают характеристики родительской семьи [10].

Н. Карп-Руфино указывает, что существуют иные, специфически женские способности (ориентация на людей; стремление к построению отношений; эмоциональный интеллект; интуиция и творческое отношение). Специфические способности формируют особый тип лидерства – женское лидерство, где соединяются «типично женские» способности и отличные от мужских способов установления взаимоотношений и управления [3].

Современные исследователи считают, что изначально женщине необходимо стремиться на поиске перспективной работы и избегать бесперспективной [12].

Важно и социальное окружение, в котором должны быть устремлённые на карьеру, успешные люди.

Нами было проведено исследование особенностей планирования карьеры со-

временными женщинами Монголии. В исследовании приняли участие 10 женщин в возрастном диапазоне от 24 до 45 лет. Все респонденты представляют типичных женщин Монголии.

Таблица 1

Характеристики участниц исследования

№	Имя	Возраст	Профессия	Образование	Место работы	Семейное положение
1	Айгүль	27	Менеджер	В	Компания по производству и продаже продуктов "Стандарт Хунс"	Вдова, двое детей
2	Амирлан	24	Психолог	В	Университет	Не замужем, детей нет
3	Анужин	26	Программист	В	Средняя школа	Не замужем, детей нет
4	Жаргалмаа	33	Инженер	В	Международный аэропорт	Не замужем, детей нет
5	Отгонцэцэг	25	Инженер	В	Международный аэропорт	Замужем один ребенок
6	Туул	32	Директор	В	Компания по производству и продаже продуктов "Стандарт Хунс"	Замужем, детей нет
7	Уранбайгаль	27	Актриса	В	Национальный театр	Не замужем, детей нет
8	Эрндэтуя	36	Повар	В	Ресторан	Вдова, трое детей
9	Эрдэнэбилэг	41	Учительница	В	Средняя школа	Не замужем, детей нет
10	Цэрэнпэлжээ	45	Социолог	В	Международный аэропорт	Замужем, трое детей

В группе 9 человек имеет высшее образование, один человек имеет среднее образование. Все имеют разные профес-

сии в разных областях профессиональной деятельности. 4 женщины имеют детей. 5

человек не замужем. Две женщины являются вдовами.

Нами был разработан план диагностики особенностей карьерного планирования, который состоял из трех этапов:

1) Изучение мнения участников исследования о планировании карьеры с помощью авторской анкеты, которая была составлена на материале коллег [11];

2) Диагностика специфики ценностных ориентаций при планировании карьеры с помощью методики «Якоря карьеры» (Э. Шейн, перевод и адаптация В. А. Чикер, В. Э. Винокурова). Авторы методики считают, что ценностные ориентации, социальные установки, интересы выступают как социально обусловленные побуждения к деятельности, характерные для определённого человека. Карьерные ориентации устойчивы и могут оставаться стабильными длительное время.

3) Анализ полученных данных.

Целью первого этапа являлось изучение отношения респондентов к планированию карьеры. В ходе первого этапа исследования мы планировали получить информацию об удовлетворенности респондентов своей работой, о факторах, влияющих на их профессиональное становление. А также нам было важно понять видят ли респонденты свое развитие в выбранной профессиональной деятельности, есть ли у них карьерные стратегии и как участницы исследования относятся к планированию карьеры?

Проведенное анкетирование показало, что все участники исследования довольны своей работой, данная профессия была целью их жизни. Наиболее значимыми факторами для опрошенных женщин Монголии являются график работы (100 %), заработная плата (80 %), обстановка в коллективе и отношения с начальством (40 %), а также перспективы развития в компании (30 %); менее значимы для женщин, участниц исследования, оказались такие факторы, как родительские установки (10 %), престиж компании

(10 %), социальные льготы (10 %) и стабильность положения (10 %).

Все участники исследования думают о своем профессиональном развитии в будущем. Однако, признались, что не занимаются планированием карьеры систематическим. При этом, большинство респондентов знают, как о вертикальной, так и о горизонтальной мобильности в организации, в отрасли и профессии. Все участники исследования были единодушны во мнении, что профессиональное и карьерное развитие работника зависит от личных и профессиональных качеств человека.

В ходе нашего исследования было установлено, что 100 % респондентов считают планирование карьеры необходимым для каждого человека и особенно для женщины, которая планирует развиваться и заботиться о своих близких. 60 % респондентов знают о существовании технологий карьерного планирования. 30 % участников исследования считают, что подробный и детальный карьерный план должен быть составлен на весь период трудовой деятельности, 70 % респондентов считают, что подробно и детально планировать достаточно на период до 2 лет.

Для нас было важно изучить, какие факторы по мнению женщин Монголии влияют на успешность или провал карьерной стратегии. 50 % респондентов выделили важным фактором планирования карьеры мотивация профессиональной деятельности. Причиной провала планирования карьеры респонденты (60 %) считают недостаток знаний и опыта, а также кризисы в общем развитии экономики. 20 % опрошенных считают, что трудности профессионального развития детерминируют проблемы с эмоционально-волевой регуляцией. Также 80 % опрошенных женщин Монголии считают важным осознание личной ответственности за свое будущее и будущее их близких. Участники исследования отмечали также получение положительных эмоций от работы, умение расставлять приоритеты при планировании карьеры. В качестве внешних

факторов успеха карьерной стратегии наиболее значимыми выступили: требование к постоянному профессиональному самосовершенствованию, а также возможность непрерывного получения образования и самообразования (80 %), высокая профессиональная репутация, уважение клиентов и коллег (40 %), а также поддержка семьи (50 %) и удача (20 %).

50 % опрошенных оценили свои карьерные устремления на 4 балла (из пяти возможных), 40 % – на 3 балла, 10 % – на 5 баллов. Оценка участников исследования приложенных ими усилий для карьерного роста по пятибалльной шкале дала следующие результаты. 40 % оценили свои усилия на 3 балла, 20 % – на 4 балла, по 20 % – 5 балла. Исходя из полученных данных, мы можем сделать вывод, что в целом участники исследования имеют довольно высокие карьерные устремления, но вместе с тем, не все женщины оценивают свои усилия по карьерному планированию как максимальные.

В результате нами было выяснено, что большинство опрошенных женщин Монголии задумываются о своем профессиональном будущем и подчеркивают необходимость карьерного планирования. Однако, не все участники исследования серьезно и постоянно занимаются планированием своей карьеры. Необходимо отметить преобладание позитивной оценки своих достижений и профессиональных перспектив.

В рамках второго этапа исследования были выявлены ведущие карьерные мотивы участников исследования, для этого нами была использована методика «Якоря карьеры» Э. Шейна.

Результаты статистического анализа: Подсчёт медианы по каждой шкале показывает, что наиболее высокие баллы у шкал: Служение (8,8), Предпринимательство (8,8) и Интеграция стилей жизни (8,3). Самый низкий балл у Стабильность места жительства (4) и Стабильность работы (4,8).

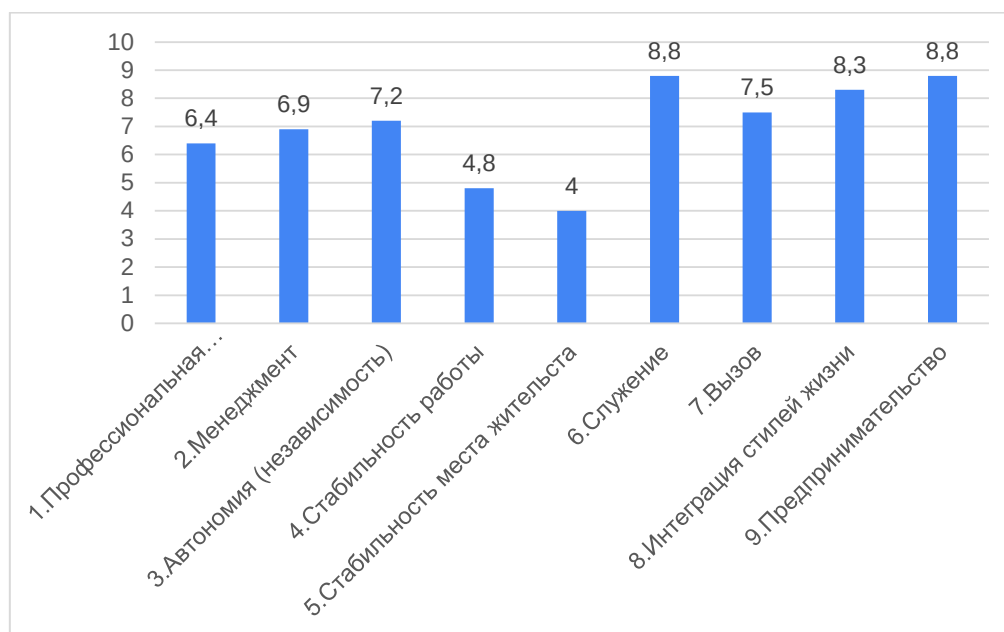

Рис. 1. Результаты статистического анализа: медиана

Подсчёт коэффициента корреляции Спирмена показывает следующее.

Есть значимая корреляция на уровне 0,01 между шкалами:

Автономия – вызов,
вызов – интеграция стилей жизни.

Есть значимая корреляция на уровне 0,05 между шкалами:

Профессиональная компетентность – менеджмент, автономия, служение, вызов, интеграция стилей жизни, предпринимательство.

Менеджмент – автономия, стабильность работы, интеграция стилей жизни.

Автономия – интеграция стилей жизни, предпринимательство.

Стабильность работы – интеграция стилей жизни.

Вызов – предпринимательство.

Интересно отметить, что шкала стабильности места жительства не коррелирует ни с одной шкалой и набрала меньше баллов, что означает, что этот критерий не имеет большого значения. Возможно, по культурным причинам. Шкала стабильности работы, которая набрала чуть больше баллов, коррелирует с менеджментом и интеграцией стилей жизни.

Шкала служения, которая набрала больше всего баллов, коррелирует только с профессиональной компетентностью.

Шкалы, которые набрали больше всего баллов, не коррелируют между собой.

Полученные результаты позволяют утверждать, что современные женщины Монголии при планировании карьеры выступают как самостоятельные, активные субъекты. Они создают, создают свою судьбу, ориентируясь на ценности служение, интеграция стилей жизни и предпринимательство.

Интегрируя результаты, полученные при проведении интервью, и результаты диагностики якорей карьеры можно утверждать, что женщины Монголии, принявшие участие в исследовании, занимают ориентированную на карьеру позицию, занимая при этом позицию строителя собственной жизни.

Полученные эмпирические результаты показывают, что современные женщины Монголии проявляют активность и высокий уровень самостоятельности при планировании карьеры, выступают как предприниматели и создатели. Они создают, создают свою судьбу, ориентируясь на ценности служение, интеграция стилей жизни и предпринимательство. Вместе с тем, необходимо отметить, что женщины Монголии, участницы исследования, признают большую роль семьи и детей в своей жизни, что делает необходимым учитывать семейный компонент при планировании карьеры.

Интегрируя результаты, полученные при проведении интервью, и результаты диагностики якорей карьеры можно утверждать, что женщины Монголии, принявшие участие в исследовании занимают ориентированную на карьеру позицию, занимая при этом позицию строителя собственной жизни.

Библиографический список

1. Базаров Т. Ю. Управление персоналом: учебник для студ. учреждений сред. проф. образования. – 8-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2010.
2. Голубева Т. С. Трактовка понятия «Карьера» в разрезе современных тенденций // Общество: социология, психология, педагогика. – 2017. – № 8. – С. 23.
3. Карр-Руфино Н. Успешная женщина. – М.: Феникс, 2005
4. Кибанов А. Я., Дуркова И. Б. Управление персоналом организации. Стратегия, маркетинг, интернационализация. – М.: Инфра-М, 2011.
5. Киселева Е. В. Карьерные ориентации современных женщин // Актуальные проблемы развития малого и среднего бизнеса: Материалы IV межрегиональной научно-практической конференции / Научный редактор д. п. н., профессор Т. В. Лодкина. – Вологда: ВИБ, 2004. – С. 20–23.
6. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. – М.: Академия, 2004.
7. Кузьмин С. Л. Концепция великоханской власти и теократическая государственность Монголии в XX веке // Научный диалог. – 2016. – № 9 (57). – С. 136–148.
8. Литвинова Е. Ю. Поливариативная карьера: перспективы изучения // Современная зарубежная психология. – 2013. – № 2. – С. 119.

9. Маркова А. К. Психология профессионализма. – М. : Международный гуманитарный общественный фонд «Знание», 1996.
10. Палуди М. Психология женщины: Секреты женщин в психологии / пер. с англ. Л. Ордановской, М. Васильевой. – 3. изд. – СПб.; М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
11. Серякова С. Б., Звонова Е. В., Антонова У. А. Образ будущего в планировании карьеры молодыми сотрудниками // Человеческий капитал. – 2020. – № 8 (140). – С. 69–77.
12. Хаджимурадова Т. Х. Женщина в современном обществе: карьера и семейная жизнь // Новая наука: Стратегии и векторы развития. – 2016. – № 118-3. – С. 249–251.
13. Burn S. M. Women Across Cultures: A Global Perspective (3rd ed.). – New York: McGraw-Hill Education, 2011.
14. Swim J. K. Cohen L. L. Overt, covert, and subtle sexism: A comparison between the attitudes toward women and modern sexism scales // Psychology of women quarterly. – 1997. – № 21. – P. 103–118.
15. business.mn/2021/05/10/1-bolormaa-ergelt-hiih-shaardlagatai-tsag-ueiig-emegtei-manlailagchid-iluu-udirdaj-chaddag/
16. ikon.mn/n/2hri

*© Звонова Е. В.,
Балдандорж А., 2022.*

УДК 159.923:316.6

ВОСПРИЯТИЕ ЦВЕТА В РЕКЛАМЕ – ВОЗРАСТНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Е. В. Звонова

Н. Ю. Ровкина

*Кандидат педагогических наук, доцент
ORCID 0000-0001-9271-8367,
e-mail: zevmgpi@rambler.ru,
студентка,
ORCID 0000-0003-0983-9999,
E-mail: rovkina.nata@mail.ru,
Московский педагогический
государственный университет,
г. Москва, Россия*

PERCEPTION OF COLOR IN ADVERTISING – AGE AND GENDER CHARACTERISTICS

E. V. Zvonova

N. Y. Rovkina

*Candidate of Pedagogical Sciences,
associate professor;
ORCID 0000-0001-9271-8367,
e-mail: zevmgpi@rambler.ru,
student,
ORCID 0000-0003-0983-9999,
E-mail: rovkina.nata@mail.ru,
Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia*

Abstract. Color in advertising performs two functions: it has a psychophysiological effect, and also acts as social symbols. The perception and interpretation of color in advertising is influenced by the age and gender characteristics of the study participants.

Key words: advertising, perception, color, symbol, meaning, gender, age.

В современный век информационных технологий, качество рекламы и ее эффективность являются ключевым показателем успешного продвижения услуг или товаров практически во всех сферах жизнедеятельности человека.

Теоретическую основу нашего исследования составили когнитивная теория восприятия, созданная Дж. Брунером [2], в которой восприятие рассматривается как процесс категоризации, отнесения единичных воспринимаемых объектов к общему классу, на основе прошлого опыта; положения философской теории А. Ф. Лосева о роли символов в культурной коммуникации [6]; психологические исследования восприятия цвета и возможности исследования внутреннего мира человека в процессе анализа возникающих ассоци-

аций (М. Люшер) [7]; результаты психологических исследований восприятия цвета в рамках исследований, проведенных в рамках экспериментальной психосемантики (В. Ф. Петренко [8], Г. Э. Бреслав [1]) и психологии рекламы [3; 4; 5].

Методика данного экспериментального исследования построена на основе методического принципа изучения значений цветов в режиме их употребления (В. Ф. Петренко). Исследование свойств цвета проводилось в естественных условиях восприятия нормально свето адаптированным глазом. Отображение значений цветов в сознании изучалось с помощью экспериментальной модели с параллельным шкалированием объектов. В качестве эмпирического метода использовался семантический дифференциал.

Исследования воздействия цвета на организм дифференцируют физиологическое и психологическое воздействие. С позиции физиологии цвет действует на зрительные анализаторы, рецепторный аппарат и активизирует другие физиологические системы, не связанные напрямую со зрением. Физиологические ответные реакции организма на цветовые раздражители определяются длительностью воздействия, личностными особенностями центральной нервной системы, возрастными и половыми характеристиками и т.д. [1; 9] При разработке качественной рекламной продукции следует учитывать указанное свойство цвета и создавать гармоничные сочетания цвета и формы, иначе реклама вызовет у потребителя чувство дисбаланса и напряжения.

С точки зрения психосемантики цвет выполняет функции социальных маркеров и символов, которые создают нужные для создателя рекламы коннотации. Восприятие цвета в рекламе обусловлено социально обусловленным влиянием цвета на потребителя в ситуации, когда цвет, используемый в рекламе совпадает с традиционными национальными или религиозными цветами и изображениями характерными для определенной культуры и т. д.

Любая качественная реклама направлена на определенную целевую аудиторию учитывает выбор цвета аудиторией. Следовательно, при создании рекламного сообщения, нужно понимать, каким образом цвет воздействует на социальные группы разного возраста и пола.

Исследование разделено на два основных этапа: на первом этапе изучались специфика выбора цвета людьми разного

возраста и пола, социального положения; на втором этапе изучалось смыслового поля, создаваемого цветом в рекламе.

Экспериментальную группу составили 55 человек, возраст от 10 до 55 лет. Участникам исследования было предложено раскрасить рекламу автомобильной марки «Ferrari». Для выполнения задания участники получили каждый по шесть карандашей разного цвета, рекламный образец (черно-белая картинка для раскрашивания) и небольшой слоган. Текст рекламы отсутствовал.

Обработку результатов эксперимента проводили на компьютере с помощью факторного анализа матриц шкал, построенных на основании сходства оценок. В конце работы были получены семантические пространства мужчин и женщин разных возрастов, которые показали структуру восприятия цвета.

Участники исследования составили 6 возрастных групп (от 10 до 55 лет): 10–12 лет ($N = 11$) — младший подростковый возраст; 13–24 лет ($N = 8$) — юношество; 25–36 лет ($N = 18$) — ранняя зрелость; 37–48 лет ($N = 18$) — зрелость. В группе 45,8 % составили мужчины, 54,2 % составила женщины. Для статистической обработки данных был использован t-критерий Стьюдента.

После выполнения задания учитывались следующие параметры рисунка: наличие цвета – желтый, красный, синий, зеленый, коричневый, черный; количество использованных цветов – ахроматичность/полихромность рисунка; колористическая насыщенность (яркость/бледность рисунка).

Таблица 1

Частотное распределение цветов в 4 возрастных группах

Признаки	10–12 лет (N = 11)	13–24 лет (N = 8)	25–36 лет (N = 18)	37–48 лет (N = 18)
Желтый	65	58	85	64
Красный	67	67	88	70
Зеленый	55	55	70	57
Синий	57	60	85	66
Коричневый	51	48	60	40
Черный	69	68	90	69

По результатам выполнения задания было отмечено, что наблюдается постепенное снижение частоты использования всех шести цветов с повышением возраста.

Таблица 2

Достоверность различий по параметру цвета в 4 возрастных группах

Признаки	10–12 лет (N = 11)	13–24 лет (N = 8)	25–36 лет (N = 18)	37–48 лет (N = 18)
Желтый	2.61	2.71	5.52	0.64
Красный	0.21	0.21	3.74	0.43
Зеленый	0.10	0.00	1.33	0.24
Синий	0.02	1.67	4.21	0.02
Коричневый	0.56	0.01	5.03	0.12
Черный	0.48	0.35	5.92	1.47

Статистический анализ различий между соседними возрастными группами не показал достоверной разницы (таблица 2), но по параметрам применения цвета в рисунке имеются значимые различия между крайними возрастными группами (за ис-

ключением использования черного цвета), что является статистическим подтверждением выявленной выше тенденции (таблица 3). Черному цвету отдали большее предпочтение в старшей возрастной группе (37–48 лет).

Таблица 3

Достоверность различий по параметру цвета в крайних возрастных группах

Признаки	Желтый	Красный	Зеленый	Синий	Коричневый	Черный
10–12 лет/ 37–48 лет	9.17*	8.72*	8.58*	5.68	10.26**	3.92

С возрастом выявлено повышение ахроматичности и бледности изображения, а его полихромность и яркость, напротив, снизилась.

По характеристикам яркости/бледности изображения выявлены более сложные закономерности. Отмечено повышение яркости рисунка в среднем подростковом возрасте, пик наблюдается в возрасте 25–36 лет, а затем насыщенность цветов постепенно понижается. Точка перелома по параметру яркости приходится на возраст 37–48 лет (достоверные различия отмечаются при сравнении группы 25–36-летних участников эксперимента с 37–48-летними). Несмотря на общий рост бледности рисунков испытуемых в возрасте от 10 до 25 лет, отмечен пик наибольшей выраженности этого параметра в 25–36 лет (однако достоверных различий ни между соседними, ни между крайними возрастными группами по данному признаку не обнаружено).

На втором этапе в ходе применения семантического дифференциала была сформирована оценочная решетка для исследования восприятия цвета в рекламе. Респондентам необходимо было оценить 6 цветов по семибалльной шкале, где 7 – крайняя оценка полюса сходства, а 1 – полюса различия.

В общем виде обработка и анализ данных был проведен по двум направлениям: 1) факторный анализ для определения взаимосвязи между переменными и снижению размерности; 2) выявление сходства и различия в восприятии рекламы посредством сравнения средних оценок по выделенным факторам. В качестве факторов были избраны следующие: эмоциональный комфорт, зрительная форма, теплота цветового тона, динамика сенсорных переживаний, новизна, безопасность.

Основной целью исследования было определение факторов и категорий, с помощью которых российская аудитория выбирает цвет для рекламы автомобиля.

Каждому испытуемому были показаны образцы рекламы и бланк с 51 шкалой, в каждой шкале содержалась пара прилагательных антонимов, синестетически связанных с цветами, с тоном, светлотой и насыщенностью. В каждом из предложенных рекламных образцов доминировал тот или иной цвет. После заполнения испытуемым 4 бланков, он в 5 бланке, должен был сделать оценку в виде понятия «цвет в идеальной рекламе».

Полученные данные обрабатывались с помощью компьютерной программы по двум группам: мужчины и женщины. На основании сходства оценок были построены матрицы шкал, которые затем обрабатывались с помощью факторного анализа.

Сравнительный анализ полученных результатов эксперимента показал следующее. Первая часть анализа полученных результатов эксперимента имеет связь с определением профилей по каждому образцу по «идеальной рекламе». Выявленные профили позволяют определить психологический портрет каждой рекламы в сознании испытуемых мужчин и женщин.

1. Основную роль при формировании образа рекламы «Ferrari» красного цвета, сыграл насыщенный красный цвет. Важным является то, что социально-психологические аспекты восприятия данной марки машины у мужчин и женщин были различными. Мужчины красный цвет ассоциировали с престижностью, серьезностью, статусностью, индивидуализмом. У женщин красный цвет ассоциируется с силой, резкостью, смелостью, и зачастую данный цвет воспринимается как вызов.

2. При формировании образа рекламы «Ferrari», белого цвета, было выявлено, что мужчин в данном случае важны параметры данной машины «красивая», «гладкая», «приятная», мужчины видят подобную рекламу также гармоничной. А у женщин данный цвет ассоциируется с гармонией,

традиционностью. У женщин белый цвет в рекламе является привлекательным, хотя и ассоциируется с традиционностью.

3. Портрет восприятия рекламы с преимущественным зеленым цветом воспринимается одинаково. У мужчин и женщин данный цвет ассоциируется с безопасностью и спокойствием. Однако обе группы не выделяют данный цвет в качестве «серьезного». Получается, что данный цвет для российской аудитории является менее серьезным.

4. Яркий желтый в восприятии мужчинами и женщинами воспринимается в качестве радостного, приятного. Реклама с насыщенным желтым цветом вызывает положительные яркие ассоциации и у мужчин, и у женщин. Однако мужчины добавляют к этому «ассоциацию» – простая, комфортная. Для женщин желтый цвет ассоциируется с активностью.

Согласно полученным результатам, для мужчин и женщин «Идеальная реклама» автомобиля прежде всего должна вызывать доверие, позитивные эмоции и оставлять сильное впечатление. При этом параметр «сильная» отмечен в обеих группах. Также отмечено появление новой опции рекламы – полезная. Интересно, что испытуемые женщины в общий перечень параметров добавляют характеристику «освобождающая». Женщины считают этот параметр необходимым в рекламе.

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что цветовое оформление рекламы, с преимущественным использованием основных цветов «красный», «зеленый» оказалась наиболее предпочтительной российской аудитории.

Участники эксперимента в обеих группах (мужчины и женщины) ставят на первое место фактор «Эмоционального комфорта». Но мужчины расценивают этот фактор как вызывающий такие чувства как радость, красота, притягательность, сила, надежность, польза. Для женщин в этом же случае характеристики выглядят как: притягательность, комфорт,

радость, доброта, успокоение. В целом эти значения почти тождественны, однако у женщин превалирует стремление к психологическому комфорту (теплая, спокойная), в то время как у мужчин – к визуальному и к рациональному (красивая, полезная). Такое различие подтверждается также тем, что мужчины на второе место ставят фактор «Зрительной формы», тогда как женщины придают больше значения фактору «Динамики сенсорных переживаний». Мужчины данный фактор отодвигают на 4 место. Характерно, что у мужчин он определяется больше визуальными характеристиками: пестрая, резкая, яркая, а у женщин имеет другой смысл: громкая, резкая, звонкая.

И мужчины, и женщины отметили фактор «Теплоты цветового тона». С небольшим различием: для женщин более значимы оранжевый, желтый и розовый цвета, которые ассоциируются у них с чем-то сладким и светлым, а у мужчин на первом месте стоит розовый цвет, затем желтый и оранжевый. У мужчин эти цвета ассоциируются с чем-то ярким, звонким, веселым. В общем, по данному фактору отмечено совпадение.

В обеих группах выделили фактор «Новизны», который по значимости поставили на пятое место. Здесь имеются некоторые отличия между группами. Если мужчины связывают этот фактор с такими характеристиками, как нетрадиционный, новаторский, новый, индивидуальный, родной, то у женщин – это нетрадиционный, новаторский, новый, фривольный, сложный, красный. Это можно объяснить тем, что для мужчин новаторство имеет положительное значение, подчеркивает индивидуальность. Женщины новаторство связывают с фривольностью, сложностью и, что особенно интересно, с красным цветом.

Женщины отметили два фактора: «Доверие» и «Гендер». У мужчин этих факторов нет совсем. Женщины делят рекламу на мужскую и женскую. В то же время у мужчин отмечены значимые для них фак-

торы «Безопасности» и «Зрительной формы», которых нет у женщин. Если анализировать «идеальную рекламу» по этим факторам, то женщины придают большое значение доверию к рекламе, а мужчины считают, что реклама должна быть скорее агрессивной, чем спокойной и безопасной. Также в сознании женщин реклама мужская и индивидуальная, а для мужчин это не существенно.

В результате анализа «Идеальной рекламы» для мужчин и женщин, было выявлено, что наиболее близкими цветами для российской аудитории выступают «зеленый», «желтый», а «красный» – более дальше. Красный цвет ассоциируется с чем-то далеким, серьезным, сильным. Зеленый с безопасностью и простотой, желтый с радостью, данные цвета оказались ближе российской аудитории.

Но в то же время в факторном пространстве женщин «идеальная реклама» не показывает сильного сходства с каким-либо цветом. Ближе всего к ней – белый цвет, который женщины связывают с гармонией и традициями.

Самыми важными для «идеальной рекламы» и для рекламы автомобилей в целом мужчины выделили факторы «Оценки» и «Зрительной формы». Таким образом можно сделать вывод, что «идеальная реклама» автомобилей должна отражать радость, красоту, быть простой и реальной. В понимании женщин, «идеальная реклама» должна притягивать внимание, быть приятной, комфортной, красивой, вызывать радость и интерес. Реклама должна вызывать чувство эмоционального комфорта. Это один из наиболее значимых и важных факторов. Такое состояние вызывает у испытуемых белый и желтый цвета в рекламе.

Несколько менее важное значение мужчины придают «Теплоте цветового тона». Желательно, чтобы «Идеальная реклама» была окрашена в теплые цвета: розовый, желтый, оранжевый. Сочетание синего и красного дают фиолетовый тон,

который воспринимается ближе к холодному. Женщины также оценили «синюю» рекламу далекой от «идеальной». Реклама в синем цвете воспринималась как самая неприятная и отталкивающая, самая синяя и фиолетовая, самая обманывающая, нереальная, чересчур нетрадиционная, слишком громкая и в то же время ни мужская, ни женская.

Женщины также отметили весомый фактор «Динамики сенсорных переживаний», они связали этот фактор слуховыми ощущениями. «Идеальная реклама» должна быть умеренно острой, громкой, резкой, звонкой, такой как у немецкого образца. Желтый цвет не производит сильного аудио-воздействия на женщин. По фактору «Теплоты цветового тона» наиболее значимым оказался оранжевый цвет, за ним идет желтый. «Идеальная реклама» должна быть умеренно теплой, светлой и оранжевой».

«Желтую» рекламу высоко оценили мужчины. Профиль желтой рекламы находится почти параллельно «идеальной рекламе». Желтый цвет, преобладающий в этом образце воспринимается как теплый, и связан с чувством радости, ассоциируется с солнцем.

Женщины указывают, что «идеальная реклама» должна быть реальной, правдивой, близкой, родной, надежной. Здесь лучше всего использовать «белый цвет» в рекламе. Белый воспринимается как «родной», «реальный», вызывающий доверие.

Таким образом, мужчины, принимавшие участие в исследовании, воспринимают цвет прежде всего с точки зрения визуального образа. С точки зрения мужчин реклама автомобиля должна быть максимально простой, не иметь лишних отвлекающих изображений. Для женщин в «идеальной рекламе» цвет должен создавать психологический комфорт, доверие и аудио-ассоциации.

Библиографический список

1. Бреслав Г. Э. Цветопсихология и цветолечение для всех: монография. – СПб.: Читатель, 2000. – 203 с.
2. Брунер Дж. Психология познания: За пределами непосредственной информации: монография. – М.: Прогресс, 1977. – 412 с.
3. Зазыкин В. Г., Зазыкина Е. В. Психология рекламы и рекламной деятельности: монография. – М.: Элит, 2009. – 224 с.
4. Иттен И. Искусство цвета: монография / перевод с нем. Л. Монаховой. – М.: Аронов, 2000. – 304 с.
5. Лебедев-Любимов А. Н. Психология рекламы: монография. – СПб: Питер, 2006. – 103 с.
6. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство: монография / науч. ред. А. А. Тахо-Годи. – Изд. 2-е, испр. – Москва: Искусство, 1995. – 319с.
7. Люшер М. Какого цвета ваша жизнь. Закон гармонии в нас: монография. – М.: Нипро, 2003. – 252 с.
8. Петренко В. Ф. Лекции по психосемантике: монография. – Самара, 1997. – 239 с.
9. Серов Н. В. Светоцветовая терапия. Смысл и значение цвета: информация – интеллект: монография ов. – СПб.: Речь, 2001. – 256 с.

© Звонова Е. В.,
Ровкина Н. Ю., 2022.

UDC 159.9

REASONS AND FACTORS FOR THE FORMATION OF PSYCHOLOGICAL DEPENDENCE ON GAMBLING ADDICTION

A. Y. Zinina

*Psychologist,
ORCID 0000-0001-9391-102X,
e-mail: zininaanna0231@gmail.com,
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

Abstract. This article describes and analyzes various approaches to understanding the factors of formation of psychological dependence on gambling from the point of view of domestic and foreign psychologists. The study of the problem of gambling addiction in the context of the rapid development of modern technologies and the growing number of patients diagnosed with "pathological attraction to gambling" is gaining more and more relevance. The key aspect of studying this phenomenon is the identification of the main internal and external factors that contribute to the formation of dependence. Understanding the causes of addictive behavior allows for better prevention and correction of gambling addiction.

Keywords: gambling addiction; external factors; internal factors; bio-psycho-socio-spiritual model.

Various theories of pathological gambling have been put forward in the literature on the problems of gambling addiction. However, a review of numerous studies by domestic and foreign authors revealed the lack of a common understanding of the causes of gambling addiction. So far, there is no obvious explanation why for some people gambling is a pleasant entertainment, while others turn it into an obsessive passion that destroys their lives.

Psychoanalytic theorists argue that compulsive gamblers have an unconscious desire to lose in order to relieve mental guilt. Behaviorists view pathological gambling as learned maladaptive behavior. Biological theories state that a gambler may have a predisposed physiological and/or biological basis for engaging in gambling. Personality theorists suggest that there may be a "gambling personality", which is a cluster of traits that defines a player as either casual or risk-averse. From a cognitive point of view, gaming behavior is associated with strong cognitive distortions, the "illusion of control" and other erroneous representations of players (irrational beliefs). This means that gamblers are dealing not only with chance, but also with psychological factors such as belief in

luck and skill. However, it seems unlikely that any one theory can fully explain persistent gambling, and the best conceptual models of gambling are those that use an eclectic approach [3].

Currently, pathological gambling is considered from the point of view of the biopsychosocial-spiritual model. There are several variables that play a role in the development and maintenance of gambling addiction: family factors (social learning and genetics), sociological factors (social factors) and individual factors (personality, biological/biochemistry, cognition and psychological states) [2, 11].

There are a number of genetic studies that show that the pursuit of intense and sometimes detrimental pleasure seeking is biologically prescribed, although individual behavioral choices vary. For example, in a study of "high-action" games, monozygotic male twins were found to be similar in frequency of game play [15]. A study of 3359 pairs of twins established the fact of family accumulation of pathological dependence on the game [16].

Sociological studies have established the fact of the influence of social factors on the formation of personal qualities and the crea-

tion of certain conditions and circumstances in which gambling addiction develops. As a social factor, a number of researchers note: the situational availability of gambling (online games, round-the-clock operation, anonymity, etc.); a crisis in the ideological, spiritual, economic and other spheres of public life, which destroys existing ideals and stereotypes of behavior; pressure from advertising and consumer culture; archetypes of consciousness [7, 12].

Age, gender, immigrant status, ethnicity, marital status, income, education, employment position, and social status are all factors that can affect a person's game models. For example, for gamblers belonging to low status and minority groups (immigrants, ethnic minorities, low-income people), social rewards are more attractive, which increases the chances of developing gambling addiction.

In studies of domestic and foreign psychologists, the importance of the role of the family in shaping the personality of an addicted gambler is noted. The period of childhood and growing up of gamblers is often associated with the loss of a close family member, violation of family relationships and values, failure of parental upbringing and the influence of family attitudes. The negative childhood experience of inconsistency, subservience, low self-esteem and spiritual rejection among loved ones is further reflected in the personal vulnerability of the gamblers. In adulthood, pathological gamblers try to fill this gap with gambling, getting that boost of energy and positive emotions that they did not receive in childhood [4, 8, 10].

An additional predictor of problem gambling is codependency, which is based on a dysfunctional family. As the codependent problem gambler enters adulthood, gambling and winning become a symbolic way to recreate relationships. Such gamblers often feel themselves involved in a kind of "treadmill" of existence. Whether goals are achieved or not, whether they lose or win, codependent gamblers develop a compelled desire for more that leaves them with an unsettling feeling of incompleteness or emptiness [5].

It is impossible not to notice that with a variety of points of view, researchers cannot come to a consensus about the external risk factors that contribute to the development of gambling addiction. The impulse to play does not arise suddenly, the reasons may be different. Consequently, these factors may or may not be the reasons for the unfavorable formation of the personality of a pathological gambler and are purely individual in each individual case. When developing programs for the rehabilitation and prevention of pathological gambling, this fact must be taken into account.

According to some studies, the factors contributing to the development of psychological dependence on gambling include: premorbid personality anomalies - immaturity and personality accentuations [13, 14].

The immaturity of the gambler's personality is manifested in the tendency to seek protection and support from others, the inability to take responsibility for one's actions and make rational decisions, some social immaturity, conformal reactions, lack of positive social motivation, etc. These qualities, according to V. A. Zhmurova, are hallmarks of a neurotic personality, which includes internal inconsistencies, stagnation, defenses, egocentrism, and a focus on subjective personal values [17].

According to the concept of K. Leonhard, accentuated personalities potentially contain both the possibility of socially positive achievements and a socially negative charge. The presence of accentuated, "pointed features" leaves an imprint on the personality, having a devastating effect [1]. A comparative study of the psychological characteristics of young people with gambling and drug (opioid) addiction revealed a strong manifestation of hyperthymic, anxious and cyclothymic types of character accentuation among pathological gamblers. With a progressive course, gambling addiction exacerbates and exacerbates characterological predispositions [14].

It should be noted that the question of the significance of accentuated character traits in

the formation of gambling addiction remains debatable. According to the position of Molchanova Y. Yu., the process of formation of dependence on gambling is identical for persons with deviations of character and persons with a "normal" psychological predisposition, and is largely associated with a distortion of the hierarchy of values of society [9].

In relation to the issue of motives for engaging in gambling, several potential motives have been described in the literature: demonstrating self-worth, gaining approval and social recognition from others, removing negative and painful events / emotions (for example, anger, depression, frustration and anxiety), hope for victory, social factors, adrenaline/excitement.

Two categories of players' motivational profile can be defined:

1. Self-defined motivational profile – internal motivation (adrenaline, a sense of accomplishment or the opportunity to expand knowledge, etc.) or a certain regulation (goal achievement).

2. Non-independent motivational profile – external regulation (obtaining external rewards) [6, 10].

Pathological attraction to gambling is a multicomponent structure, including ideational (mental), behavioral (volitional, activity), emotional, sensory and vegetative mental activity [4].

In the structure of the ideational component of the pathological attraction to gambling, two levels of disorders are distinguished:

1) overvalued ideas: dominating game thoughts, displacing everything that contradicts the dominant belief; no motivational battle;

2) "cognitive errors" close to paranoid: clear beliefs, arguments in favor of the necessity, expediency, justification of the game process.

The affective component is represented by: a decrease in interest in the surrounding reality; low mood, accompanied by short anxiety attacks, dysphoria, emotional lability;

desire for loneliness, rejection of emotional contacts, etc.

Behavioral manifestations are of great diagnostic value and are perhaps the most sensitive indicator of the condition of a particular patient at a given time.

The emotional-volitional sphere of gambling addicts is characterized by impulsiveness combined with rigidity of behavioral strategies and fixation of non-adaptive attitudes. For pathological gamblers, the game becomes an "emotional hook" – the stronger the emotions, the stronger the addiction. As a result, the gambler actually depends not on the game, but on emotions. Emotional instability is formed, the feelings of gamblers become superficial. The loss of the ability for conscious volitional control of behavior leads to behavioral disorders and antisocial actions of the gamblers. There is a fading of altruistic motives, the loss of moral and ethical attitudes, the individual image is lost.

In the light of the foregoing, it is important to recognize that the fight against gambling involves, first of all, the study of the personality, its characteristics, psychological and physiological aspects, and then the consideration of legal measures. Through the study of the psychological aspects of gambling addiction and the personal characteristics of gambling addicts, it is possible to predict changes in both the most addicted person and possible changes in the type of addiction in the context of preventing the development of gambling addiction and rehabilitation. No law can fight addiction until there are alternative conditions for dealing with the psychological problems faced by people who gamble.

Bibliography

1. Alekseeva E. A., Vyboyshchik I. V., Parshukova L. P. Accentuations of character. – Chelyabinsk: YuUrGU Publishing House, 2002. Vol.47. [in Russian]
2. Bayer, Linda N. Out of control: gambling and other impulse control disorders. – Philadelphia, PA: Chelsea House Publishers, 2000. P. 95
3. Blaszczynski A., Nower L. A pathways model of problem and pathological gambling // *Addiction*, 2002. Vol. 97(5). P. 487–499.

4. Buzik O. Zh. Gambling addiction: clinical manifestations, features of the course, treatment: dis. – Scientific research. center of narcology, 2008. [in Russian]
5. Calderwood K. A., Rajesparam A. Applying the codependency concept to concerned significant others of problem gamblers: Words of caution // Journal of Gambling Issues, 2014. Vol. 29. P. 1–16.
6. Fang X., Mowen J. C. Examining the trait and functional motive antecedents of four gambling activities: Slot machines, skilled card games, sports betting, and promotional games // Journal of Consumer Marketing, 2009. Vol. 26(2). P. 121–131.
7. Hing N. et al. Do advertising and promotions for online gambling increase gambling consumption? An exploratory study // International Gambling Studies, 2014. Vol. 14(3). P. 394–409.
8. Korolenko Ts. P., Dmitrieva N. V. Psychosocial addiction. – Novosibirsk, "Olsib", 2015. [in Russian]
9. Molchanova Yu. Yu. To the question of the psychological characteristics of the personality of the players // Modern achievements in narcology // Proceedings of the conference dedicated to the 20th anniversary of the National Scientific Center for Narcology. – Moscow, 2005. P. 80–81. [in Russian]
10. Molchanova Yu. Yu., Surnov K. G. Value perceptions of gamblers and healthy individuals: abstracts. report // Sat. scientific materials. conf. // Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation and others. Moscow: Medpraktika-M Publishing House, 2008. P. 335–336. [in Russian]
11. Raylu N., Oei T. P. S. Pathological gambling: A comprehensive review // Clinical psychology review, 2002. Vol. 22(7). P. 1009–1061.
12. Shepel Yu. Gambling as a tool for the destruction of society // Publisher: Editorial Board of the magazine "Power" (Moscow), 2007. Vol. 7. [in Russian]
13. Tsygankov B. D. et al. Non-chemical addictions: pathological gambling addiction. Internet addiction. dependence on computer games // Questions of narcology, 2007. Vol. 4. P. 18–38. [in Russian] <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11518324>
14. Volkova E. A., Egorov A. Yu. Personal characteristics of gamblers and drug addicts // Narcology, 2007. Vol. 6(4). P. 39–43. [in Russian]
15. Winters K. C., Rich T. A twin study of adult gambling behavior // Journal of Gambling Studies, 1998. Vol. 14(3). P. 213–225.
16. Xian H. et al. Genetic and environmental contributions to pathological gambling symptoms in a 10-year follow-up // Twin Research and Human Genetics, 2007. Vol. 10(1). P. 174–179. DOI <https://doi.org/10.1375/twin.10.1.174>
17. Zhmurov V.A. Psychopathology. Part II Chapter 17. Syndromes of addiction // Irkutsk, Irkutsk University Publishing House, 1986. P. 217. [in Russian]

© Zinina A. Y., 2022.

КОММУНИКАЦИИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

П. К. Великих

*Аспирант,
ORCID 0000-0002-9300-1963,
e-mail: velikikh@bsu.edu.ru,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»),
г. Белгород, Россия*

COMMUNICATION IN THE STUDENT ENVIRONMENT

P. K. Velikikh

*Postgraduate student,
ORCID 0000-0002-9300-1963,
e-mail: velikikh@bsu.edu.ru,
Belgorod State National Research University
(NRU «BelSU»),
Belgorod, Russia*

Abstract. The article deals with topical issues of building communications in the student environment. The main interpretations of the concept of "communication" are studied. On the example of one of the universities of Russia, NRU "BelSU", the practices of forming positively oriented communications in the student environment, in particular, the development of student self-government, the introduction of a project approach, and the improvement of corporate culture are studied. The problems hindering the formation of a communication system within the university are identified.

Keywords: communication; values; corporate culture; students; formation of the moral sphere; student Council.

Студенческая пора совпадает с самым активным периодом человеческой жизни – юношеским. Огромную роль на этом этапе развития играют межличностные и межгрупповые коммуникации.

Во-первых, они формируют человека как личность, становление которой невозможно вне коммуникативных практик [9]. Так А. А. Леонтьев, в своей книге «Психология общения» делает вывод, что «коммуникации – это процесс и результат налаживания и установления контактов между субъектами деятельности посредством различного рода информации (вербальной и невербальной). Эта информация должна быть понятна и доступна обеим сторонам общения, должен быть выработан общий смысл передаваемой и получаемой информации» [1].

Во-вторых, в ходе коммуникаций происходит идентификация и самоидентификация личности, поскольку любая «коммуникация» «...это и путь сообщения, и форма связи, и акт общения, и сообщение информации» [5] о себе самом, т.е. самопрезентация и самоопределение.

В-третьих, в процессе коммуникаций формируется способность личности к саморефлексии, без которой невозможно самоопределение и саморегулирование. В частности, Л. Я. Дятченко подчеркивает, что возможности для социальной регуляции открываются в условиях непосредственного общения (коммуникации) людей [6].

В-четвертых, коммуникации интегрируют в студенческую среду. Л. А. Петровская и В. С. Мухина, считают, что общение со сверстниками имеет огромное значение для студентов. «Коммуникации для

молодежи являются центром всей ее жизни, определяют ее поведение, ее поступки и цели» [2]. Именно в непосредственном общении с друзьями, преподавателями, родителями, происходит становление человеческой личности, формирование нравственной сферы и мировоззрения.

В-пятых, эффективные коммуникации стабилизируют внутривузовскую среду, поскольку любая коммуникация, как считает С. Г. Тарасов, выступает как внутренняя среда организации, которая закрепляет результаты снижения неопределенности, конституируя уникальную внутреннюю среду [4].

Особенностями коммуникаций в вузе являются:

- разнородность состава коммуникаторов. Коммуникации осуществляются по моделям «студент-студент», «студент-куратор, преподаватель», «студент-администрация» и характеризуется разнородностью. Если во время учебной деятельности реализуются преимущественно формальные связи по типу «студент-студент», «студент-преподаватель», «студент-куратор», то в ходе внеучебных мероприятий складываются неформальные взаимоотношения, которые дополняют формальные и помогают раскрывать каждого участника коммуникаций с новой стороны;
- различные механизмы институционализации. Коммуникации в вузе институализируются различными субъектами: администрацией, профкомом, общественными объединениями. Особая роль в этом процессе принадлежит Студенческому совету, который представляет собой элемент студенческого самоуправления;
- сочетание регуляции и саморегуляции. Саморегуляция и регуляция личности достигают своей эффективности именно в коммуникационной деятельности, когда происходит процесс становления личности.

Каждый вуз в стране по-своему выстраивает систему коммуникаций. В дан-

ной статье рассматривается специфика системы студенческих коммуникаций в НИУ «БелГУ», как в одном из типичных региональных вузов. Для организации коммуникативного процесса в НИУ «БелГУ» характерно следующее.

Во-первых, акцент на развитии студенческого самоуправления. Студенческий совет является одним из эффективных инструментов построения открытых информационно-коммуникационных каналов между студентами и администрацией вуза, организации интересных мероприятий, привлечения абитуриентов в НИУ «БелГУ». Студенческий совет (самоуправленческая организация) представляет собой общественное формирование, которое представляет интересы студентов, защищает их в случае необходимости, организует разноплановые мероприятия. Следует отметить, что студенческое самоуправление является особой формой организации работы студентов, которое способствует, как раскрытию их творческого потенциала, развитию системы коммуникаций, защите интересов обучающихся, так и взаимодействию с администрацией вуза и информированию студентов о её деятельности. На наш взгляд, студенческие объединения, органы студенческого самоуправления, могут стать связующим звеном между администрацией вуза и студентами и эффективным каналом системы внутренних коммуникаций в вузе.

Во-вторых, стремление использовать для налаживания системы коммуникаций современные технологии организации практической деятельности, в частности, технологии проектного управления. Одной из них является Международная молодёжная школа проектного управления «Пегас», представляющая собой площадку, где проводятся деловые игры, экспертные сессии, встречи с известными людьми, осуществляется отбор инновационных конкурентоспособных проектов участников.

Мероприятия такого уровня помогают реализовать интеллектуальный и творче-

ский потенциал студентов. Студенты, принимая в них участие, «выходят из зоны комфорта», тренируют свои коммуникационные навыки. Студенты, которые всегда были замкнуты, учатся выстраивать речь, вести диалог с оппонентом, напротив, студенты-экстраверты, поддерживают связь с интровертами и помогают им раскрепощаться.

В-третьих, акцент на развитии корпоративной культуры, которая рассматривается как благоприятная среда для эффективных коммуникаций.

«Корпоративная культура вуза – это духовно-ментальное образование, комплекс разделяемых студентами, преподавателями и сотрудниками ценностей, идеалов, традиций, норм поведения, связанных с единым пониманием миссии вуза, осознанием общей с ним судьбы» [3]. Корпоративная культура помогает формировать коммуникационную систему внутри вуза. Она направлена на организацию эффективной групповой деятельности и построение устойчивых коммуникационных каналов студенческих групп, для формирования профессиональных ценностей, норм, целей, и средств их достижения, а также укрепление социально-психологического климата.

Для налаживания и развития позитивных коммуникаций студенческой молодежи особое значение имеет формирование и развитие корпоративной культуры как внутри группы, так и всего университета. К основным характеристикам позитивно ориентированной корпоративной культуры в вузе относятся следующие:

- чувство принадлежности;
- командный дух;
- благоприятный социально-психологический климат;
- оперативная обратная связь;
- коллективная ответственность;
- обмен идеями, знаниями, ценностями.

Позитивно ориентированная корпоративная культура способствует консоли-

дации и социальной самоорганизации коллектива.

Тем не менее, как и в любом учреждении высшего образования, коммуникативный процесс характеризуется рядом проблем:

1. Преобладание у студентов индивидуально-прагматического отношения к действительности. Одним из наиболее значимых следствий его является атомизация студенческой молодежи.

Атомизация в значительной степени является объективно-обусловленным процессом, выражающим тенденцию становления молодежной субъектности, что фиксируют различные социологические исследования. В частности, «проведенное Центром социальных технологий НИУ «БелГУ» в 2008 г. в Белгородской области исследование «Самоорганизация и атомизация молодежи как противоположные формы социокультурной рефлексии» показало, что главными факторами реализации своих жизненных целей большинство молодежи считает преимущественно личные качества – целеустремленность, работоспособность и т.п., не задумываясь о необходимости сотрудничества и объединения. Большинство молодых людей на ценностном уровне демонстрирует «веру в самого себя» (58 % респондентов), в удачу и отсутствие веры во все остальное (7 % участников опроса). Однако в ряде случаев атомизация принимает гипертрофированные формы взаимного отчуждения между молодыми людьми, что весьма существенно в отказе доверия различными социальными институтами, в частности государству, политическим партиям, общественным объединениям. Следствием низкого уровня межличностного и институционального доверия в молодежной среде является «атомизация» социальных практик и неготовность к солидаризации на позитивной основе ради реализации собственных интересов» [7].

2. Десубъективизация, заключающаяся в постепенной утрате, как отдельной лич-

ностью, так и некоторыми социальными институтами качества субъектности, т.е. способности самостоятельно принимать решения и конструировать свою собственную жизненную стратегию. Не обладая качеством субъектности, студент не может выстроить равноправные отношения с окружающими и довольно часто выступает в качестве объекта манипуляций.

3. Для значительной части студентов основные каналы коммуникации смещаются все в виртуальную сферу. Это довольно естественный процесс, неоднозначный по своим последствиям. С одной стороны, взаимодействие здесь становится более открытым и интенсивным, но с другой стороны, утрачивает или деформирует черты присущие «живому» общению: непосредственный контакт, доверительность, персонификация.

4. Усиление корпоративного элемента в развитии современного вуза ведет к формализации коммуникаций, реальное взаимодействия подменяется симуляцией, и довольно естественным следствием этого процесса является попытка компенсировать издержки формальных коммуникаций неформальным общением. Это сопровождается распространением слухов, сплетен [8].

Решение этих проблем требует системного подхода, выстраивания стратегии регулирования коммуникаций, достижения баланса интересов участников, снижения напряженностей и предотвращение конфликтов. Эти решения могут быть осуществлены на основе социально-технологического подхода и научного исследования.

Образ поведения студента в вузе, как коммуникативная деятельность, является интегральным показателем того, какие мотивы способствуют формированию ценностных ориентиров, построению жизненных планов будущих специалистов

и реализации личностно-профессиональных стратегий.

Следует отметить, что грамотное регулирование коммуникаций на административном и студенческом уровне будет содействовать успешному осуществлению образовательной деятельности, поддержанию высокого уровня корпоративной культуры, выполнению задач, которые стоят перед университетом.

Библиографический список

1. Леонтьев А. А. Психология общения. 1999. 3-е изд. – М.: Смысл. – 365 с.
2. Петровская Л. А. 2007. Компетентность в общении. Социально-психологический тренинг. Общение – компетентность – тренинг: Избранные труды. – М.: Смысл. – С. 375–594.
3. Корпоративная культура вуза как фактор воспитания и подготовки современного специалиста: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 23–24 апреля 2010 г.): сб. науч. ст. / под ред. В. И. Филоненко, О. М. Штомпеля. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ – 2010.
4. Тарасов С. Г., Суходольский Г. В. Организационная психология. – Харьков. – 2004. – 256 с.
5. Мальковская И. А. Знак коммуникации: Дискурсивные матрицы. 3-е изд. – М., 2008. – С. 214, 216.
6. Дятченко Л. Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. – Белгород : Центр социальных технологий, 1993. – 343 с.
7. Бабинцев В. П., Реутов Е. В. Самоорганизация и "атомизация" молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // Социологические исследования. – 2010. – № 1 (309). – С. 109–115.
8. Гузалия Р. Ш. Значение саморегуляции в профессиональном становлении будущих педагогов. URL: https://kpfu.ru/staff_files/F1224739071/Statya_Sh_agivaleevvoj_G.R.pdf (дата обращения: 02.02.2022)
9. Буайе П. Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие / пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019. – 436 с.

© Великих П. К., 2022.

УДК-37-02

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ВЛИЯЮЩИЙ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Н. Х. Маннанова

*Доктор философии (PhD) по социологическим
наукам, заведующий отделом,
ORCID 0000-0002-2617-4928,
e-mail: usarova.feruza@mail.ru,
Координационно-методический центр
новейшей истории Узбекистана
при академии наук Республики Узбекистан,
г. Ташкент, Узбекистан*

DISTANCE EDUCATION AS FACTOR INFLUENCING SOCIAL PROCESSES

N. X. Mannanova

*Doctor of Philosophy (PhD)
in Sociological Sciences, Head of Department,
ORCID 0000-0002-2617-4928,
e-mail: usarova.feruza@mail.ru,
Coordination and Methodological center
of the Uzbekistan's contemporary history
at the Academy of Sciences
of the Republic of Uzbekistan,*

Abstract. In this scientific article, the process of formation and development of distance learning is studied, the issue of the formation of distance education as one of the forms of education relevant at the present time is considered. An accessible system of distance education is identified, and its means are described that allow conducting a distance course. The conditions created for the formation of distance education are analyzed. This work also determines the need for the development and improvement of distance education, as this correlates with the requirements for education in relation to certain sections of society. Suggestions and recommendations for further improvement are given.

Keywords: digitalization, distance education, socialization, training, conditions, new stage.

Дистанционное образование – это современный метод дистанционного обучения с помощью компьютерных систем. В результате происходящих в мире процессов глобализации совершенствование современных технологий в науке и практике вызывает необходимость проведения регулярных образовательных реформ. Поэтому растет потребность в удобном, быстром образовании, способном эффективно использовать научные достижения развитых стран. Это требует апробации современных форм образования в общественной жизни и применения на практике. Сегодня технологии активно используются во всех сферах жизни. В свою оче-

редь своевременно вставшие на путь такого развития государства достигают успехов. А те страны, которые работают по старому, отстают от прогресса.

В данной научной статье изучается процесс формирования и развития дистанционного обучения, исследуется задача отображения этого процесса в законах об образовании, анализируется опыт стран в этой сфере и условия, созданные для формирования дистанционного образования.

Дистанционный режим образования играет важную роль в социальной сфере. Например, удовлетворении потребностей таких лиц, которые пользуются большим

спросом на образование, но не могут завершить свое образование из формальной или регулярной системы образования. Служащие по определенным причинам не могут завершить свою образовательную квалификацию, не нарушая их работу, уступая из социально-экономических условий, но хочет повысить свой образовательный статус, таких лиц, которые хотят учиться и зарабатывать одновременно, таких лиц, которые проживают вдали от больших городов или в отдаленных районах и не имеют колледжей и университетов для высшего образования, переполняются из колледжей/университетов из-за фиксированного количества мест или заслуг, выбывших из-за некоторых личных причин, теперь вновь мотивированных на учебу, такие люди, которые всегда хотят добавить что-то новое в свои знания или обновить свои знания или что-то профессиональное, такие женщины, которые являются домохозяйкой, но имеют свои знания, некоторые очень активные пенсионеры, которые все еще хотят знать об их изменяющейся среде и таких учениках, которые не могут выполнить базовую квалификацию для поступления в университет [1].

Современный глобальный мир, наряду с постановкой новых целей и задач непрерывного образования, создает современные возможности посредством информационных и коммуникационных технологий. Можно сказать, что на сегодняшний день информационные технологии выполняют следующие три основные задачи непрерывного образования:

- повышение компьютерной грамотности,
- индивидуализация процесса обучения и повышение продуктивности,
- формирование нового вида учебной деятельности – дистанционного обучения [2].

Действительно, социально-экономическое развитие идет всегда вперед, прежде всего в интересах человека и его творчества, создания более совершенных объектов. Стремительное развитие современной техники и технологий, угро-

за пандемии подтверждают, что население планеты может широко и эффективно использовать дистанционное обучение.

Изучение становления и развития дистанционного обучения, признанного во всем мире одной из наиболее удобных форм обучения, имеет большое научное, теоретическое и практическое значение как важный процесс социально-экономического развития общества. Формирование и планомерное развитие дистанционного образования как социального процесса может способствовать социализации основного социального слоя образования и воспитания в русле достижений науки и техники, развитию личности.

Существует ряд мнений по этому поводу. Социальный процесс представляет собой ряд структурно или функционально взаимосвязанных социальных событий, «процесс когнитивного усвоения сущности, которая знает и различает объекты и индивидуумы на основе их предсуществующего существования» [3]. По этой причине становление и развитие дистанционного обучения является важной частью социологических исследований образовательных реформ в социальном процессе. В связи с этим целесообразно в первую очередь обратить внимание на взгляды и выводы социологов разных стран мира, изучавших сущность социального процесса. Ведь при изучении динамических свойств объекта большую роль играют теоретические и методологические представления, изучаемые в социальных процессах.

Вопросы социальных изменений в обществе, научные взгляды на социальные процессы можно увидеть в работах Г. Спенсера, Л. Моргана, Э. Дюркгейма, Ф. Тенниса, Л. Уорда и др. Можно сказать, что они являются представителями социологической эволюции [4, 5].

В теории одного из ведущих социологов XX века П. Сорокина понятие социального процесса определяется как «всякий тип движения, видоизменения, преобразования, обмена и эволюции, словом,

качество любого объекта, изучаемого в ход времени» [5].

Следует отметить, что концепция П. Сорокина при исследовании предмета нашей научной статьи, а именно дистанционное образование как фактор влияющий на социальные процессы, является одной из теорий, направленные на анализ существующего образовательного процесса, трансформационных изменений, актуальных для данной системы. В этой связи заслуживают внимания взгляды П. Сорокина на сущность дистанционного образования. По мнению ученого, институты образования, независимо от их конкретной формы, во все века считались средством вертикальной циркуляции. В обществе, где школы открыты для всех членов общества, система школьного образования представляет собой «социальный лифт», то есть движется от низших слоев общества к высшим. Благодаря воспитанию индивид переходит от одного образа жизни к другому – школьному, студенческому, переходя из одного социального положения в другое, даже более высокое [6].

Так же заслуживают внимания научно-теоретические взгляды известного социолога П. Бурдьё на роль образования в общественном процессе. В своем исследовании П. Бурдьё интерпретирует образование как центральный механизм социально-экономического и культурного производства [7].

В своей концепции американский социолог Д. Белл предлагает теорию «технологической лестницы» [8], позволяющую определять социальные и экономические изменения любого государства. По Беллу, «технологическая лестница» включает в себя: ресурсную базу: сельскохозяйственные и горнодобывающие ресурсы; легкая промышленность: текстильная, обувная и др. отрасли; тяжелая промышленность: металлургия, судостроение/машиностроение; «Высокие технологии»: измерительные приборы, оптика,

микроэлектроника, компьютеры, телекоммуникации. Для продвижения вверх по «технологической лестнице» каждое государство должно достичь экономической стабильности и социального развития только при соблюдении следующих трех условий. Эти:

1. Политическая стабильность в стране. Это позволяет инвесторам изучать рынок и вкладывать средства в производство.

2. Достаточное количество предпринимателей, деловых людей, инженеров и высококвалифицированных рабочих.

3. Качество системы образования в обучении. Наличие механизма подготовки высококвалифицированных кадров, способных открывать и внедрять в производство инновационные технологии» [8].

В общем, изучив работы классических и современных социологов можно сказать, что в них научно обоснована целесообразность рассмотрения сущности и содержания образования как роли в развитии личности и как результата процесса и деятельности личности.

Учитывая, что образование является важным фактором социализации человека и его благополучного устойчивого будущего, мировым сообществом выработан ряд международно-правовых норм, регулирующих отношения в сфере образования. Например, «Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1948 года, признала право каждого на образование и подтвердила принципы против дискриминации» [9]. В данном документе отмечается, что любая дискриминация в сфере образования является нарушением прав человека. Формирование человеческого капитала как конкурентоспособных кадров приведет к росту благосостояния, развитию всех отраслей. Именно поэтому образование является важным фактором социализации человека. Образование также признано одним из ключевых компонентов концепции человеческого развития.

Значит, в современном образовательном процессе необходимо учитывать два важных аспекта. Первое из них – это состояние потребности, развития и ответственности личности во всестороннем интеллектуальном развитии, а второе – существование общества, в котором существует общественная потребность и объективная необходимость такой всесторонне развитой личности. В то же время социальная система этого общества требует, чтобы интересы личности были адекватными и целесообразными.

В заключении можно сказать что дистанционное обучение позволяет:

Во-первых, снизить затраты на проведение обучения (не требуется затрат на аренду помещений, поездок к месту учебы, как учащихся, так и преподавателей и т. п.) и проводить обучение большого количества человек;

Во-вторых, повысить качество обучения за счет применения современных средств, объемных электронных библиотек и т.д.

В третьих, создать единую образовательную среду (особенно актуально для корпоративного обучения). И так, сегодня можно сказать, что дистанционное обучение занимает всё большую роль в модернизации образования.

В общем тенденции развития образования в ведущих странах мира обосновывают необходимость совершенствования дистанционного обучения в процессе социального развития общества. Развитие и совершенствование дистанционного образо-

вания удовлетворяет потребность в комплексе знаний, способствует формированию членов общества как личностей, поиску своего места в общественной жизни.

Библиографический список

1. Дистанционное обучение: история, проблемы и решения. Distance Learning: History, Problems and Solutions Ashish Pant. Number 2; November, 2014. <https://swsu.ru/sbornik-statey/distantionnoe-obuchenie-istoriya-problemy-i-resheniya.php>
2. Ткач Т. Тенденции развития современного мирового образовательного пространства. [Электрон ресурс]: <http://www.ur.edu.pe>.
3. Грицанов А. А. Новейший философский словарь // [Электрон ресурс]: www.royallib.com.
4. Спенсер Г. Основы начала. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1897. [Электронный ресурс]: www.twirpx.com.
5. Тюрина Ю. А. К вопросу о теоретико-методологических основах социологии образования в России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. Т. IX, № 4.
6. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество/ общ.ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. Пер. с англ. – Москва: Политиздат. – 1992.
7. Bourdieu Pierre. Reproduction In Education, Society, And Culture. Sage Publications Ltd, 1990. 286 p.
8. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. (Образец социального прогнозирования) / пер. с англ. под редакцией В. Л. Иноземцева. – Москва: 2001.
9. 70-летие Всеобщей декларации прав человека. <https://uz.ambafrance.org/70-letie-Vseobschej-deklaracii-prav-cheloveka>.

© Маннанова Н. Х., 2022.

УДК 327.8

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КНР И США В ПЕРИОД 2008–2021 ГГ.: ОБЗОР АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

А. И. Кучиева

Бакалавр¹,
аналитик-стажер,
Департамент развития
искусственного интеллекта
и машинного обучения ПАО «Сбербанк»,
e-mail: kuchieva.lina@mail.ru,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN CHINA AND THE UNITED STATES IN THE PERIOD 2008–2021: AN OVERVIEW OF CURRENT PROBLEMS

A. I. Kuchieva

Bachelor's degree graduate,
analyst intern
of the AI and ML Development
Department at Sberbank,
e-mail: kuchieva.lina@mail.ru,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia

Abstract. This article observes the political problems China and the US had to face throughout the period of 2008–2021. It is described in which way countries deal with the indicated issues with the help of examples from official documentation and official websites. The dynamics of US-China relations strongly depends on the transition from the previously proclaimed “constructive strategic partnership” to “strategic rivalry”, covering a wide range of aspects of interaction between the two countries. The author concludes that these aspects had a strong impact on the diplomatic tools and approaches used by both sides.

Keywords: United States, China, diplomatic approaches, interaction, dynamics.

Период 2008–2021 гг. можно назвать трансформационным в рамках анализа взаимоотношений КНР и США. Переход от провозглашенного ранее «конструктивного стратегического партнерства» к «стратегическому соперничеству» [10], распространяющемуся на широкий перечень аспектов взаимодействия двух стран,

оказал сильное влияние на используемые инструменты и подходы с обеих сторон. Именно поэтому, для того, чтобы определить наиболее значимые направления, по которым Китай и США в большей степени сотрудничают или конкурируют, необходимо выявить причины, повлекшие к таким трансформационным преобразованиям.

¹ Научный консультант: М. Е. Родионова – к.соц.н., доцент, Доцент Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ

Во взаимоотношениях КНР и США в рассматриваемый период особую роль сыграла стратегия бывшего президента США Б. Обамы в отношении Юго-Восточной Азии. Смена фокуса со стран Ближнего Востока и Европы в сторону стран Юго-Восточной Азии, часть из которых находившихся в непосредственной близости от КНР, стало значительным сдвигом во внешней политике Соединенных Штатов. Данное решение было принято в связи с резким экономическим ростом Китая в начале XXI века, который начал оказывать сильное влияние и на экономику США. В следствие этого перед США возникли определенные вызовы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее - АТР), и не раз были заявления о том, что данные вызовы американской стороной будут встречены соответствующим образом.

Внешняя политика США стала восприниматься более во время президентства Дональда Трампа в 2017–2021 гг., так как в данный период можно было отметить нарушение ранее принятых международных обязательств, и, в частности, это касалось и Китая. Политика Д. Трампа «Америка прежде всего» (от англ. “America First”) преследовала преимущественно националистические цели в рамках построения траектории внешней политики, и это сильно повлияло на взаимоотношения КНР и США. Довольно сильно обострили китайско-американские отношения такие события, как начало торговой войны между двумя странами, которая была спровоцирована именно экономическим давлением, оказываемым Администрацией Д. Трампа, выдвижение дипломатического протеста со стороны Китая в связи с осуществлением первого дружественного контакта с президентом Тайваня со стороны США с 1979 г., и также введение ряда визовых ограничений для китайских студентов и ученых.

Стоит отметить, что проблема Тайваня была одной из первых с начала рассматриваемого периода, которая заставила США сместить свой фокус в сторону Ки-

тая. В виду происходящих событий на территории Китайской Республики, в январе 2010 г. США предложили Тайваню продать оружие на сумму 6,4 млрд долл. США. Ответной мерой стало то, что КНР пригрозила ввести санкции против американских компаний, поставляющих оружие Тайваню, и приостановить сотрудничество по некоторым региональным и международным вопросам.

Важно подчеркнуть, что весомым фактором в рамках тайваньской проблемы является то, что во время Холодной войны она часто использовалась, чтобы указать таким образом на другую сторону как Китаем, так и США. Чем больше Китай чувствовал угрозу со стороны Советского Союза, тем больше уступок в отношении Тайваня они были готовы сделать США. В аналогии с китайской политикой, чем больше США нуждались в сильном партнере в Юго-Восточном регионе во времена холодной войны против Советского Союза, тем на большее количество моментов, связанных с Тайванем, они были готовы не реагировать. Это стало важным аспектом, способствовавшим достижению баланса в тайваньском вопросе. Любые действия с одной из сторон, которые нарушали этот баланс, имели долгосрочные последствия в китайско-американских отношениях, которые часто выходили далеко за рамки тайваньского вопроса. На сегодняшний день этот баланс включает несколько дипломатический подход к ситуации, при этом обе стороны сохраняют свою военную готовность на высоком уровне. Это также отмечается в официальных документах США и Китая.

Становилось очевидным, что КНР и США было тяжело искать компромиссы в тех или иных вопросах, и было необходимо предпринимать шаги по налаживанию взаимоотношений, поэтому, даже несмотря на обвинения Китая в сторону США по «разжиганию беспорядков в Тибете», можно было наблюдать сдержанный ха-

рактик визита посла США в Китае Дж. Хантсмана.

В виду этой и других причин, в 2011 г. бывший госсекретарь США Хиллари Клинтон опубликовала статью в журнале *Foreign Policy*, в которой были изложены обстоятельства и обоснования для геополитической реконфигурации Вашингтона в Азию. Более того, в том же году Х. Клинтон сделала заявление о том, что будущее политики будет решено именно в Азии, а не в Афганистане или Ираке, и США будут находиться в центре происходящего [6]. Дополнительно официальные заявления со стороны США были подкреплены новой стратегией, принятой Администрацией Президента Б. Обамы в 2012 г. под названием «Поворот к Азии» (от англ. “Asian pivot”). Данный документ имеет огромный вес для интерпретации и определения динамики китайско-американских отношений, так как именно он окончательно утвердил курс США, направленный в сторону АТР, и, в частности, Китая, а в том же году во время своего визита в Австралию Б. Обама еще раз подчеркнул необходимость трансформации внешней политики США и относительно Юго-Восточной Азии отметил следующее: «Здесь мы видим будущее» [8].

В сравнении с Дж. Бушем-мл., который акцентировал свое внимание на Ближний Восток, и, преимущественно, на военную операцию в Ираке, Б. Обама понимал происходящие изменения, в том числе противоречия между двумя флангами НАТО относительно Юго-Восточной Азии, с которой нужно было выстраивать военно-политические взаимоотношения, и прежде всего это касалось быстроразвивающегося Китая. Именно данными действиями, как со стороны Б. Обамы, так и со стороны Х. Клинтон, подчеркивалось, что американские стратегические интересы будут распространяться на всех союзников в АТР, и данный регион – это реальная необходимость для обеспечения национальных интересов. Несмотря на

наличие очевидных противоречий во взаимоотношениях государств, Х. Клинтон не раз заявляла, что США, в противовес другим странам, считающим, что Китай, набирающий экономический рост, – по определению противник, придерживаются позиции о том, что Соединенные Штаты совместно с КНР могут извлечь выгоды из сотрудничества друг с другом [7]. В подтверждение своим словам, Клинтон отправилась в свой первый внешнеполитический тур в Азию еще в 2009 г., и в этой поездке к ней присоединился специальный посланник по вопросам изменения климата Тодд Стерн.

Стоит отметить, что другие регионы также оставались важными для американской внешней политики, однако Обама преследовал «поворот» к Юго-Восточной Азии, сосредоточив внимание на дипломатии и торговле США в данном регионе. Продолжающееся превращение Китая в крупную державу было главной проблемой президентства Обамы; в то время как две страны вместе работали над такими вопросами, как изменение климата, отношения между Китаем и США также испытывали напряженность в отношении территориальных претензий в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях.

Еще более напряженными китайско-американские отношения стали во время установления нового вектора внешней политики США, принятого Д. Трампом в 2017 г. Как было отмечено ранее, нарушение дипломатических конвенций привело к принужденному балансированию на грани политического и экономического кризиса с некоторыми противниками Соединенных Штатов наравне с обострением отношений с традиционными союзниками государства. Политика Д. Трампа отдавала приоритет двусторонним отношениям, которые представлялись как более важные в сравнении с многосторонними соглашениями.

Радикальный сдвиг в отношениях Китая и США начался с момента предъявления обвинений Д. Трампа в сторону КНР

относительно валютных манипуляций. Бывшим американским президентом не раз подчеркивалось, что против китайского пиратства, кражи интеллектуальной собственности США необходимо предпринять «быстрые, решительные» действия [11]. Более того, экологическая повестка также была затронута Д. Трампом, который в своих выступлениях ссылаясь на осуществление «незаконных экспортных субсидий и наличие слабых стандартов труда и окружающей среды» в Китае [11]. Первый дружественный контакт с президентом Тайваня Цай Инвэнь в декабре 2016 г. стал также переломным моментом в отношениях двух стран, что сподвигло китайскую сторону на дипломатический протест. В ответ на это Д. Трамп заявил, что не считает себя приверженцем традиционной американской политики «одного Китая» (от англ. “one China” policy), что подразумевает отказ США от основополагающих принципов отношений с КНР и Тайванем [1, с. 23].

Значительное ухудшение дипломатических отношений произошло в 2018 и 2019 гг., вследствие торговой войны с Китаем, начало которой было вызвано запретом американскими компаниям продавать оборудование Huawei. Также выдвинутые обвинения администрацией Д. Трампа касались и усиления ограничений на получение визы китайским студентам и ученым, а позиционирование Китая в качестве «валютного манипулятора» сохранялось на протяжении всего президентства Д. Трампа.

В 2020 г., несмотря на ряд оптимистичных новостей на торговом фронте, рост напряженности во многих областях (цепочках поставок высоких технологий, финансовых услугах, инвестициях и др.) в рамках взаимоотношений США и КНР по-прежнему сохранялся. Соединенные Штаты усилили контроль над компанией Huawei, ограничили инвестиции государства в Китай и ввели санкции против некоторых китайских чиновников в связи с нарушениями прав человека в

Гонконге. По линии дипломатии США также заняли более жесткую политическую позицию в отношении территориальных амбиций Китая в Южно-Китайском море, которые создают конфронтационные настроения в АТР.

Улучшения взаимоотношений КНР-США в период президентства Д. Байдена, занявшего пост 20 января 2021 г., маловероятны, так как оба государства по-прежнему участвуют в стратегическом соревновании за экономическое и технологическое производство. Всеобъемлющий характер конфликта между США и Китаем останется таким же, так как две страны считают друг друга конкурентами, а не партнерами. В то же самое время, важным представляется отметить, что динамика в дипломатической среде между КНР и США может несколько измениться, что в первую очередь относится к применяемому политическому тону и тактике: во-первых, администрация Байдена предположительно будет переходить от воинственной внешней политики, присущей администрации Трампа, к политике участия; во-вторых, можно ожидать, что США будут предпринимать попытки сотрудничать со своими союзниками для коллективного взаимодействия с Китаем по всем важным вопросам [9]. Более того, остается пространство и для изучения способов укрепления двусторонних отношений между США и Китаем, что могло бы предотвратить нарастание конфликта между двумя государствами, однако привести объективную оценку политики Байдена на сегодняшний день является невозможным.

Библиографический список

1. Воробьев В. Я. Денисов И. Е., Дикарев А. Д., Лукин А. В. Приход администрации Д. Трампа и китайско-американские отношения / МГИМО МИД России, Институт международных исследований. – М.: МГИМО (У), 2018. – С. 23.
2. Зубов В. В., Родионова М. Е., Ульянов Д. В. Перспективы российско-американских отношений в контексте политики, проводимой администрацией президента Трампа, и ее влия-

- ния на преобразование американской конъюнктуры // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 11 (63). С. 3276–3287.
3. Кучиева А. И. Анализ китайско-европейских отношений в контексте многосторонности и регионализма // Инновационные аспекты развития науки и техники: сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. – Саратов: НОО «Цифровая наука». – 2021. С. 185–196.
 4. Родионова М. Е., Ибрагимова Д. К. Сравнение президентских выборов в России и США // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 10. С. 349–354.
 5. Сотрудничество бизнеса и власти для достижения устойчивого развития экономики: монография / под общ. ред. О. В. Кузнецова, М. Е. Родионовой, П. С. Селезнева. – Москва: ИНФРА-М, 2019. – 308 с.
 6. America's Pacific Century, Hillary Clinton // Foreign Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (дата обращения: 05.06.2022).
 7. Clinton Calls For Closer U.S.-China Cooperation // Washington Post Staff Writers, 1998. P. A01. URL: <https://www.washingtonpost.com/wp-srv/inatl/longterm/china/stories/xian062698.htm> (дата обращения: 05.06.2022).
 8. Remarks by President Obama to the Australian Parliament // The White House. President Barack Obama, 2022. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament> (дата обращения: 05.06.2022).
 9. The US-China relations under a Biden presidency // A report by The Economic Intelligence Unit, the Economist, 2021. URL: <http://www.eiu.com> (дата обращения: 05.06.2022).
 10. Timothy R. Heath. U.S. Strategic Competition with China // RAND corporation, 2020. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA290-3.html> (дата обращения: 05.06.2022).
 11. Trump Cautious on China Inquiry Over Intellectual Property Theft // The New York Times, 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/08/12/us/trump-cautious-on-china-inquiry-over-intellectual-property-theft.html> (дата обращения: 05.06.2022).
 12. Trump has called climate change a Chinese Hoax // The New York Times, 2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/11/19/world/asia/china-trump-climate-change.html> (дата обращения: 05.06.2022).

© Кучиева А. И., 2022.

УДК 327

**ПРОТИВОРЕЧИЯ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ
МЕЖДУ США И КНР:
ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ**

О. А. Хлопов

*Кандидат политических наук, доцент,
e-mail: rggu2007@rambler.ru,
ORCID: 0000-0002-5702-8288,
Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва, Россия*

**THE CONTRADICTIONS AND STRATEGIC COMPETITION
BETWEEN THE USA AND CHINA:
POTENTIAL RISKS AND OPPORTUNITIES FOR THEIR SETTLEMENT**

O. A. Khlopov

*Candidate of Political Sciences, associate professor,
e-mail: rggu2007@rambler.ru,
ORCID: 0000-0002-5702-8288,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia*

Abstract. Relations between China and the United States have entered a new phase. The article examines changes in US policy towards China, assesses the potential risks associated with "strategic competition", and explores possible approaches to managing China-US relations. "Strategic competition," in the short to medium term, will become the new normal for this relationship, and the Joe Biden administration has further reinforced this approach. The changing framework of bilateral relations is affecting each side's perception, and it is critical for both countries to manage this strategic competition properly. The author argues that China and the United States should learn from the experience and lessons of the Cold War period. The both sides are trying to identify problem areas in which there are disagreements in order to create conditions for managing and resolving these contradictions in the field of economics and politics, including new mechanisms for crisis management and maintaining channels of dialogue at all levels.

Keywords: strategic competition; contradictions; trade relations; world economy; foreign policy; China; USA.

Термин «стратегическая конкуренция» часто используется американскими официальными лицами и экспертами для определения текущего состояния двусторонних отношений. В данном случае этот термин используется для анализа американской политики по отношению к Китаю и его значения в военной сфере и сфере безопасности. При администрации Д. Трампа Соединенные Штаты существенно изменили рамки своей политики в отношении Китая, перейдя от взаимодействия и сотрудничества к стратегической конкуренции. Отношения между США и КНР вступили в новую фазу, в которой первоначальные механизмы двусторонних от-

ношений разваливаются, а новые рамки еще предстоит создать, и обе стороны пытаются предотвратить жесткую конфронтацию и изучают возможные пути развития двусторонних связей в условиях кризиса доверия между Западом и Россией.

Президент Джо Байден в своих выступлениях о внешней политике США заявил, что его администрация «непосредственно возьмет на себя вызовы, брошенные нашему процветанию, безопасности и демократическим ценностям нашим самым серьезным конкурентом, Китаем» [6]. Во временном Стратегическом руководстве по национальной безопасности, опубликованном Белым домом в 2021 г.

Китай обозначен как «единственный конкурент, потенциально способный объединить свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь, чтобы бросить постоянный вызов стабильной и открытой международной системе» [13]. Политика США в отношении Китая была переопределена с помощью трех подходов, а именно: «конкуренция, когда она должна быть, сотрудничество, когда это возможно, и конфронтация (враждебность), когда это необходимо». Очевидно, что администрация Байдена собирается использовать эти подходы, сформулированные администрацией Д. Трампа, к урегулированию разногласий и споров с Китаем.

Реакция Китая была прямой и ясной. В специальном выступлении председателя Си Цзиньпина на виртуальном мероприятии Всемирного экономического форума в Давосе в январе 2021 г предложил обеим сторонам «выступать за честную конкуренцию, например, соревноваться друг с другом за превосходство в гонках, а не побеждать друг друга» [14]. Министр иностранных дел Китая Ван И также подчеркнул, что Китай и США должны вести «здоровую конкуренцию на честной и справедливой основе» и эффективно управлять разногласиями посредством открытого общения, чтобы предотвратить стратегические просчеты и избежать конфликтов и конфронтации» [15].

После избрания Джо Байдена президентом США в конце 2020 г, среди представителей бизнеса наметился оптимизм. Согласно опросу членов Американской торговой палаты в Китае. 45 % респондентов ожидали улучшения отношений между США и Китаем. Этот уровень оптимизма упал до 27 % к осени 2021 г. После того, как Байден вступил в должность, появились надежды на то, что двухсторонние отношения улучшатся. Но в конце 2021 г. возникла новая реальность, в которой подходы администрации Трампа остаются в силе и при администрации

Байдена – тарифы, введенные администрацией Д. Трампа в отношении торговли с КНР, с целью использовал санкции и тарифы, пытаясь заставить Китай ответить за кражи интеллектуальной собственности, неравный доступ к рынку и передачу важнейших технологий, остались. Регулятивные меры и новые законы усугубили проблемы работы американского бизнеса с Китаем. Экономический спад в Китае также повлиял на ведение бизнес в стране, а ограничения на поездки из-за пандемии «Covid-19» препятствуют развитию экономики.

Американские предприятия в Китае все больше чувствуют себя менее желанными и сталкиваются с растущим политическим давлением со стороны КНР и правительства США. Геополитическая напряженность из-за военной операции России на Украине стала бизнес-риском для многих международных компаний. Американские и европейские компании разорвали связи с Россией после начала военных событий на Украине, в то время как китайские технологические компании, ведущие бизнес в России, остались.

Опросы показывают, что доля респондентов, планирующих увеличить инвестиции в бизнес в Китае, оставалась стабильной по сравнению с прошлым годом. Ряд компаний сохраняют оптимизм в отношении возможностей китайского рынка, а компании аэрокосмической, нефтегазовой и энергетической отраслей хотели бы инвестировать в КНР [17].

По оценкам экспертов, примерно через 15 лет экономика Китая превзойдет американскую экономику, и станет крупнейшей в мире. Между тем в Вашингтоне сформировался консенсус в отношении того, что Китай представляет серьезную угрозу американским интересам и благополучию. Генерал Джозеф Данфорд, председатель Объединенного комитета начальников штабов США, отметил, что Китай, вероятно, будет представлять

наибольшую угрозу для Соединенных Штатов примерно к 2025 г.

В Стратегии национальной обороны Америки опубликованной в 2018 г. утверждается, что Китай и Россия являются «ревизионистскими державами», стремящимися «сформировать мир в соответствии со своей авторитарной моделью, получая право вето на экономические, дипломатические решения и решения других стран в области безопасности» [12].

Опасения со стороны Америки на счет Китая основаны на двух факторах. Один из них – экономический: Китай подрывает экономику США, применяя нечестную торговую практику, требуя передачи технологий, воруя интеллектуальную собственность и вводя нетарифные барьеры, препятствующие доступу на китайские рынки. Другой – политический: успешное экономическое развитие Китая не сопровождалось либерально-демократическими реформами, которых ожидали западные страны, и особенно Соединенные Штаты, и что Китай стал слишком агрессивным в отношениях с другими государствами.

Тем не менее поскольку Китай не наращивает вооруженные силы, чтобы угрожать Соединенным Штатам или вторгаться на их территорию, не пытается вмешиваться во внутреннюю политику Америки и не занимается преднамеренной кампанией по разрушению американской экономики, несмотря на растущие дискуссии об угрозе, которую Китай представляет для Соединенных Штатов, ряд американских экспертов полагают, что Америка все еще может найти способ мирно договориться с Китаем, который станет экономической и, возможно, геополитической державой номер один в течение десятилетия. Но сделать это надо таким образом, чтобы это соответствовало собственным интересам. Для этого США необходимо сначала пересмотреть давнее мнение о политической системе Китая.

После распада Советского Союза американские политики были убеждены, что это лишь вопрос времени, когда Комму-

нистическая партия Китая (КПК) пойдет вслед за Коммунистической партией СССР в политическую могилу. Политики разных взглядов согласились со знаменитым тезисом американским политологом Фрэнсиса Фукуямы о том, что существует только один исторический путь (конец истории) – победа либерально-демократических ценностей, институтов и свободной рыночно экономики.

Когда Билл Клинтон объяснил в марте 2000 г., почему он поддерживает вступление Китая во Всемирную торговую организацию, он подчеркнул, что политическое освобождение неизбежно проистекает из экономической либерализации, и заключил, что «если вы верите в будущее большей открытости и свободы для народа Китая, вы должны быть за это соглашение. Его преемник, Джордж Буш-младший, разделял те же убеждения. В Стратегии национальной безопасности США в 2002 г. было отмечено, что «Со временем Китай обнаружит, что социальная и политическая свобода – единственный источник национального величия».

Стоит принять во внимание убежденность американских политиков в том, что они могли так уверенно раздавать политические рецепты Китаю. Ни одно другое государство мира не накопило столько экономической, политической и военной мощи, сколько Соединенные Штаты. Тем не менее с момента подписания Декларации независимости в 1776 г. прошло менее 250 лет. Но Китай значительно старше США, и китайский народ из нескольких тысячелетий истории знает, что он больше всего страдает, когда центральное правительство слабо, а страна расколота, как это было почти столетие после опиумной войны 1842 г., когда страна была разорена иностранной интервенцией, гражданскими войнами, голодом и многим другим проблемами.

Однако с 1978 г. Китай вывел из бедности 800 миллионов человек и создал самый большой средний класс в мире, и можно утверждать, что 40 лет успешного

роста экономики привели к большему увеличению благосостояния людей, чем это произошло в предыдущие годы» за 4000 лет истории Китая.

Все это произошло, пока КПК была у власти, китайцы не преминули заметить, что крах советской коммунистической партии привел к спаду экономического развития, снижению продолжительности жизни россиян, резкому падению доходов.

В глазах американцев соперничество между политическими системами Америки и Китая это соперничество между демократией, при которой люди свободно выбирают свое правительство и пользуются свободой слова и религии, и автократией, при которой у людей нет таких свобод [9].

Для нейтральных наблюдателей, однако, это может выглядеть как выбор между плутократией в Соединенных Штатах, где основные решения в области государственной политики в конечном итоге принимают в интересах богатых, а не масс, и меритократией в Китае, где основные решения в области государственной политики принимаются чиновниками, wybranнми партийной элитой на основе способностей и результатов работы, что и привело поразительному сокращению бедности.

Нельзя отрицать тот факт, что за последние 30 лет средний доход американского рабочего не увеличился: с 1979 по 2013 гг. средняя почасовая заработная плата выросла всего на 6 % – менее 0,2 % в год.

Это не означает, что китайская политическая система должна навсегда остаться в своем нынешнем виде. Однако сегодня в Китае много голосов, призывающих к реформам и среди них известный либеральный ученый Сюй Цзилинь. Сюй подвергает резкой критике своих коллег китайских ученых, особенно за то, их чрезмерное внимание к национальному государству и настаиванием на существенном культурном и историческом отличии Ки-

тая от западных политических моделей. Он утверждает, что этот чрезмерный акцент на партикуляризме фактически знаменует собой отход от традиционной китайской культуры, которая, как показывает историческая модель международных отношений, была универсальной и открытой системой. Критикуя тотальное неприятие «крайними националистами» среди своих китайских коллег-ученых «всего, что создано представителями Запада», Сюй вместо этого утверждает, что Китай исторически преуспел, потому что он был открыт.

Однако даже такой либерал, как Сюй, не стал бы призывать Китай копировать американскую политическую систему. Вместо этого он утверждает, что Китаю следует использовать свои собственные культурные традиции, продвигая новую модель на внутреннем фронте, когда ханьцы и различные национальные меньшинства будут пользоваться взаимным равенством в правовом и статусном плане, а также культурной уникальностью, а плюрализм различных национальностей будут уважаться и защищаться, и при этом отношения КНР с другими странами будут определяться принципами уважения суверенной независимости друг друга, равенства в их отношении друг к другу и мирного сосуществования.

Политическая система Китая должна будет развиваться вместе с его социальными и экономическими условиями. И во многих отношениях он значительно эволюционировал, став гораздо более открытым, чем был раньше.

В 1980 г. китайцам не разрешалось выезжать за границу в качестве частных туристов. В 2021 г. около 134 млн. китайцев совершили поездки за границу, и примерно 134 млн. китайцев свободно вернулись домой. Точно так же миллионы лучших молодых китайских умов испытали на себе академическую свободу американских университетов, и в 2017 г. восемь

из десяти китайских студентов решили вернуться домой.

Хотя остается вопрос: если дела идут хорошо, почему китайский лидер Си Цзиньпин вводит более жесткую политическую дисциплину в отношении членов Коммунистической партии и снимает ограничения на количество сроков полномочий. Его предшественник Ху Цзиньтао добился впечатляющего экономического роста, но этот период также был отмечен всплеском коррупции и партийной фракционности во главе с Бо Силаем, секретарем партии Чунцина, который пытался бросить вызов приходу Си к власти.

Многие на Западе встревожены огромной властью, которую накопил Си, Цзиньпин восприняв ее как предвестник вооруженного конфликта. Однако накопление силы и мощи КНР не коренным образом изменило долгосрочную геополитическую стратегию Китая. Китайцы, например, избегали ненужных войн. В отличие от США, которым повезло с двумя не угрожающими соседями в Канаде и Мексике, у Китая сложные отношения с рядом сильных националистически настроенных соседей, включая Индию, Японию, Южную Корею и Вьетнам. Весьма примечательно, что из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН (Китай, Франция, Россия, США и Великобритания) Китай является единственным из них, кто за 30 лет не произвел ни одного военного выстрела на чужую границу лет, начиная с короткого морского конфликта между Китаем и Вьетнамом в 1988 г. Напротив, даже во времена относительно мирной администрации Б. Обамы американские военные сбросили 26 тысяч бомб на семь стран за один только год. Очевидно, китайцы хорошо разбираются в искусстве стратегической сдержанности.

Были моменты, когда казалось, что Китай близок к войне. Отношениям между Соединенными Штатами, Китаем и Японией с послевоенного периода наглядно показывают эти опасные моменты в отношениях между Китаем и Япони-

ей с 2012 г. После того, как премьер-министр Японии Ёсихико Нода «национализировал» спорные Острова Сэнкаку в сентябре 2012 г. китайские и японские военно-морские корабли подошли в опасной близости друг к другу. Тем не менее, хотя многие опытные наблюдатели предсказывали военное столкновение между двумя странами в 2014 г., этого не произошло.

Много внимания уделялось возможности конфликта в Южно-Китайском море, через которое ежегодно проходит примерно пятая часть всех морских перевозок в мире и где китайцы превратили изолированные рифы и отмели в военные объекты в рамках своих более крупных оспариваемых притязаний на суверенитет над частями вод. Но вопреки западным аналитикам, Китай, будучи, несомненно, более напористым в политическом отношении не стал более агрессивным в военном отношении. Меньшие, конкурирующие претенденты на суверенитет в Южно-Китайском море, включая Малайзию, Филиппины и Вьетнам, контролируют ряд островов в водах. Китай может легко их вытеснить, но этого не произошло [16].

При рассмотрении различных рассуждений о китайской агрессии в Южно-Китайском море следует помнить, что сами США упустили возможность разрядить там напряженность. На совместной пресс-конференции с президентом Обамой 25 сентября 2015 г. Си Цзиньпин не только предложил новый подход к Южно-Китайскому морю, который включал одобрение деклараций, поддержанной всеми десятью членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Но, что более важно, китайский лидер добавил, что Китай не собирался милитаризировать острова Спратли, где КНР провела масштабные мелиоративные работы на занятых им рифах и отмелях. Однако администрация Б. Обамы не предприняла никаких усилий для реализации разумного предложения Китая. Вместо этого ВМС США усилили патрулирование. В ответ

Китай увеличил темпы строительства оборонительных сооружений на островах.

Точно так же, как в военных вопросах требуется осторожная дипломатия, которая является неотъемлемой частью экономических отношений Америки с Китаем. Практически ни один известный экономист не согласился с Трампом или его советниками с тем, что дефицит торгового баланса Америки является результатом недобросовестной практики других стран. Мартин Фельдштейн, бывший председатель Совета экономических консультантов Рональда Рейгана, указал, что глобальный торговый дефицит Америки связан с тем, что ее потребление превышает ее внутреннее производство. Введение тарифов на дешевые китайские товары не исправит эту структурную особенность, а лишь сделает многие товары первой необходимости менее доступными для простых американцев. Торговая война Трампа против Китая, тем не менее, принесла ему широкую поддержку со стороны СМИ и общественного мнения. Однако он проигнорировал растущее мнение и жалобы, в том числе со стороны ведущих американских деятелей, на то, что «Китай был в корне несправедлив во многих аспектах своей экономической политики, и у США есть веские доводы против Китая. Ряд экспертов утверждает, что Китай продолжает проводить дискриминационную политику, которая благоприятствует местным компаниям и наказывает иностранные фирмы. Другие как Джордж Магнус, рекомендуют Соединенным Штатам вовлечь Китай в диалог, открыть доступ к рынку в неполитических чувствительных коммерческих секторах и секторах услуг через такие каналы, как всеобъемлющий экономический диалог между США и Китаем [10].

Такое предложение, по мнению ряда американских экспертов, вести диалог через существующие институты является гораздо более правильным выбором для Америки, чем торговая война Трампа, т.к.

вполне вероятно, что Китай может также в частном порядке признать ошибки, допущенные в этих областях, и изменить свою политику [2].

Однако в Китае и за его пределамиросло мнение, что настоящая цель администрации Трампа заключалась не только в устранении недобросовестной торговой практики, но и в подрыве или срыве долгосрочного плана Китая стать самостоятельным технологическим лидером. Хотя Соединенные Штаты имеют право проводить политику предотвращения кражи своих технологий, это не следует смешивать с их усилиями по срыву долгосрочного заявленного промышленного плана Китая, направленного на то, чтобы превратить Китай в глобального конкурента в передовом производстве, сосредоточив внимание на таких отраслях, как электромобили, передовая робототехника и искусственный интеллект.

Многие аналитики согласны с тем, что для сохранения превосходства в высокотехнологичных отраслях, таких как аэрокосмическая промышленность и робототехника, правительство США должно вместо введения тарифов инвестировать в такие области, как высшее образование, исследования и разработки. Короче говоря, Америке необходимо разработать собственную долгосрочную экономическую стратегию, соответствующую стратегии Китая. Как в политике, так и в риторике ясно видно, что у руководства Китая есть видение своей экономики и людей. Такие планы, как «Сделано в Китае 2025», и инфраструктурные проекты, осуществляемые в рамках инициативы «Один пояс, один путь», а также строительство высокоскоростных железных дорог, демонстрируют стремление Китая стать глобальным конкурентом в новых, передовых отраслях.

В то же время руководство Китая подчеркнуло, что страна больше не может добиваться роста ВВП за счет социальных издержек, таких как неравенство и загряз-

нение окружающей среды. Си Цзиньпин ясно дал понять это, когда заявил в 2017 г., что основное противоречие, с которым сталкивается китайское общество – это «между несбалансированным и неадекватным развитием и постоянно растущими потребностями людей в лучшей жизни». Это означает смещение акцента на улучшение состояния окружающей среды и загрязнения, снижение доходов и регионального неравенства и укрепление системы социальной защиты. Хотя экономика Китая сталкивается с рядом серьезных проблем, руководство Китая, по крайней мере, предприняло шаги для их решения.

Однако для выработки долгосрочной стратегии США необходимо разрешить фундаментальное противоречие в своих экономических предположениях. При этом США стараются не потерять свое мировое лидерство и понять конкурентные преимущества Китая в период глубоких изменений в баланс сил в мире [4].

Другие американские экономисты предлагают, что Америка должна пересмотреть свои идеологические установки и, подобно Китаю, сформулировать долгосрочную всеобъемлющую экономическую стратегию, соответствующую китайскому плану. Даже Германия, которая, возможно, является ведущей промышленной державой мира, имеет такую стратегию под названием «Индустрия 4.0». Очевидно, что она менее навязчива, чем китайская версия промышленной политики, которая, как описал Скотт Кеннеди из Центра стратегических и международных исследований, предполагает, что государство играет «значительную роль... в обеспечении общей структуры, использовании финансовых и фискальных инструментов и поддержка создания производственных инновационных центров» [8].

Китай стремится использовать свои резервы в размере \$3 триллионов, чтобы инвестировать больше в США. Адам Позен, глава влиятельного Института международной экономики Петерсона, уже отметил, что торговая война Трампа с Ки-

таем и остальным миром привела к падению чистых иностранных инвестиций в Соединенных Штатах почти до нуля в 2018 г. А. Позен предлагает рассмотреть возможность участия американского бизнеса в китайской инициативе «Один пояс, один путь», запущенная в 2013 г. для укрепления регионального экономического сотрудничества в Азии, Европе и Африке за счет масштабных инвестиций в инфраструктуру. Страны, в настоящее время участвующие в БРИКС, приветствовали бы участие США, поскольку это помогло бы сбалансировать влияние Китая [11].

Короче говоря, есть много экономических возможностей, которыми Америка могла бы воспользоваться. Точно так же, как «Boeing» и «GE», две крупные американские корпорации, выиграли на китайском авиационном рынке, а такие фирмы, как «Caterpillar» и «Bechtel», могли бы извлечь выгоду из масштабного строительства, начатого в регионе. К сожалению, идеологическое неприятие Америкой заявленных экономических инициатив помешает как взаимовыгодному долгосрочному экономическому сотрудничеству с Китаем, так и необходимым промышленным стратегиям в США.

По мере подъема Китая США стоит перед тремя существенными выборами. Во-первых, следует ли им продолжать свою нынешнюю смешанную политику в отношении Китая, где одни стремятся укрепить двусторонние отношения, а другие эффективно их подрывают. На экономическом фронте, за исключением последней торговой войны Трампа с Китаем, американская политика последовательно относилась к Китаю как к партнеру, в то время как политическая и особенно военная политика Америки чаще всего относилась к Китаю как к противнику.

Во-вторых, смогут ли США сравниться с Китаем и разработать столь же эффективный долгосрочный стратегический план, чтобы справиться с подъемом последнего. Если Китай станет стратегическим приоритетом для Америки номер

один, очевидный вопрос заключается в том, сможет ли Америка быть столь же стратегически дисциплинированной, как Китай, и отказаться от своих бесполезных санкционных войн и конфронтации с Россией, Ираном и исламским миром.

В-третьих, смогут ли США подключить КНР к многосторонним режимам контроля над вооружениями с участием США и России, принимая во внимание опасность распространения новых типов неядерных вооружений – гиперзвуковых, высокоточных систем, а также кибернетического оружия. Очевидно, что участие Китая в этих переговорах будет способствовать укреплению международной безопасности и отвечает стратегическим интересам США и России [3].

18 марта 2022 г. президент Джо Байден провел почти двухчасовой телефонный разговор с председателем КНР Си Цзиньпином, чтобы обсудить вторжение России в Украину. Байден пытался убедить Китай, чтобы он остался в стороне от конфликта на Украине и не оказывать военной или экономической помощи России. Байден, и Си согласились с необходимостью содействия миру и помощи в преодолении гуманитарной катастрофы, вызванной вторжением. Но они глубоко разошлись во мнениях относительно того, кто несет ответственность за страдания на Украине, поскольку китайский лидер отказался возлагать на Россию исключительную ответственность за неспровоцированное вторжение. Вместо этого официальные данные из Пекина ясно показали, что позиция Си заключалась в том, что США и Европа спровоцировали президента России Владимира Путина на нападение на Украину, расширив НАТО на Восточную Европу. Байден дал понять, что, вероятно, будут последствия для тех, кто вмешается, чтобы поддержать Россию в это время [17].

Похоже, что «стратегическая конкуренция» станет новой нормой в китайско-американских отношениях в ближайшие

годы. Таким образом, обеим сторонам будет непросто управлять стратегической конфронтацией, снижать риски и предотвращать просчеты в среднесрочной и долгосрочной перспективе, в форме открытого не силового противостояния и проявляется в рамках технологической и торговой войн, соперничества в научной и культурной сферах, что в свою очередь окажет существенное влияние на глобальную экономическую систему [1].

Китай извлек два важных урока из распада Советского Союза. Первый – экономический рост должен опережать военные расходы. Следовательно, долгосрочным интересам Китая послужит то, что США тратят деньги на ненужные военные расходы.

Второй урок заключается в том, что США и СССР не только обладали крупными ядерными арсеналами, способными обеспечить гарантированное взаимное уничтожение, но и то, что две страны создали и поддерживали ряд механизмов, разработанные после Карибского кризиса 1962 г., для разрешения споров, заключения соглашений. Эти механизмы гарантировали стабильность гонки вооружений и кризисную устойчивость между США и Советским Союзом на несколько десятилетий.

Если Америка, наконец, изменит свое стратегическое мышление в отношении Китая, она также обнаружит, что можно разработать стратегию, которая будет одновременно сдерживать Китай и продвигать интересы США. Билл Клинтон изложил мудрость этой стратегии в своей речи в Йельском университете в 2003 г., когда он коротко сказал, что единственный способ управлять следующей сверхдержавой – это создать многосторонние правила и партнерства, которые свяжут ее [5].

Например, хотя Китай претендует на ряд мест (рифы и отмели) в Южно-Китайском море, Конвенция ООН по морскому праву не позволяет ему объявить все Южно-Китайское море внутренним китайским озером. Китай также обязан

выполнять решения ВТО. При Си Цзиньпине Китай и Россия по-прежнему выступает за укрепление глобальной многосторонней архитектуры, созданной Соединенными Штатами, включая Международный валютный фонд, Всемирный банк, ООН и ВТО. Следовательно, есть окно возможностей для сотрудничества между Америкой и Китаем на многосторонних форумах.

Вместо того чтобы пытаться сдерживать Китай, который находится на пути к тому, чтобы стать крупнейшей экономической державой мира, США следовало бы разработать стратегию взаимодействия с Китаем для реагирования на глобальные вызовы. Чтобы воспользоваться этой возможностью, американские политики должны признать неоспоримую реальность того, что возвращение Китая и Индии не остановить. Когда-то Китай и Индия были двумя крупнейшими экономиками мира. Последние двести лет доминирования Запада в мировой торговле были отклонением от нормы, и, как прогнозирует многие аналитики, Китай и Индия вернут свои позиции номер один и два к 2050 г.

Лидеры Китая и США понимают, что сейчас мы живем в взаимозависимом глобальном мире, которому угрожает множество новых вызовов, включая глобальное потепление. Китай вполне может остаться другим государством, то есть не либеральной демократией, и при этом не представляет никакой угрозы США. Это альтернативный сценарий, который американские политики и эксперты в Соединенных Штатах должна принимать во внимание при определении и реализации своей стратегии по отношению к КНР.

Библиографический список

1. Дегтерев Д. А. США – КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 210–231.
2. Степанов А. С. Американские эксперты о противостоянии США – КНР // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 9. С. 89–105.
3. Труш С. М. КНР – США: некоторые особенности и аспекты нарастающего конфликта // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. Т. 50. № 12. С. 45–61.
4. Хлопов О. А. Четвертая промышленная революция: вызовы Китая глобальному технологическому лидерству США // Социосфера. 2020, № 3. С. 15–21.
5. Bader Jef. A. Avoiding a New Cold War Between the US and China. Brookings. 2020. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/08/17/avoiding-a-new-cold-war-between-the-us-and-china> (дата обращения: 19.03.2022).
6. Biden J. America's Place in the World. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> (дата обращения: 14.03.2022).
7. Cheng Ev. American Businesses in China Say U.S-China Relations are Back to Trump Era Tensions // CNBC. March 8, 2022. URL: <https://www.cnbc.com/2022/03/08/biz-optimism-on-us-china-back-to-trump-era-amcham-survey-says.html> (дата обращения: 15.03.2022).
8. Christopher D., Sewall S. The Innovation Wars: America's Eroding Technological Advantage // Foreign Affairs. 2021. № 100 (2), pp. 148.
9. Devlin Kat, Silver L., Huang Chr. US Views of China Encreasingly Negative Amid Coronavirus Outbreak. Pew Research Center. 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/04/21/u-s-views-of-china-increasingly-negative-amid-coronavirus-outbreak> (дата обращения: 11.03.2022).
10. Foot R., King A. Assessing the deterioration in China-US Relations: US Governmental Perspectives on the Economic-Security Nexus // China International Strategy Review. 2019, № 1(1), pp. 42–48.
11. Posen A. S. The Price of Nostalgia America's Self-Defeating Economic Retreat // Foreign Affairs. May/June 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-04-20/america-price-nostalgia> (дата обращения: 16.03.2022).
12. Summary of the National Defense Strategy. Department of Defence 2018 URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Document/s/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 18.03.2022).
13. The White House. Interim National Security Strategic Guidance. 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf>. Accessed 15 Mar 2021 (дата обращения: 15.03.2022).

14. Xi Jinping. Let the Torch of Multilateralism Light up Humanity's Way Forward // The People's Daily. January 26, 2021. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2021/0126/c64094-32011673.html> (дата обращения: 14.03.2022).
15. Wang Yi. State Councilor and Foreign Minister Wang Yi Meets the Press. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1859138.shtm (дата обращения: 14.03.2022).
16. Wang Yi. South China Sea Should not Be a Wrestling Ground for International Politics. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2020. URL: <http://new.fmprc.gov.cn/web/wjzbzd/t1804161.shtml> (дата обращения: 11.03.2022).
17. Wilkie Chr. Biden Warns Xi of Global Backlash if China Helps Russia's Attack on Ukraine // CNBC. March 18, 2022. URL: <https://www.cnn.com/2022/03/18/china-says-xi-biden-call-focused-on-the-need-for-peace-in-ukraine.html> (дата обращения: 19.03.2022).

© Хлопов О. А., 2022.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы представляются в электронном виде на e-mail: **sociosphere@yandex.ru**. Каждая статья должна иметь **УДК**. Формат страницы А4 (210x297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, e-mail, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке, e-mail. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация на английском (600–800 знаков) и ключевые слова (5–10) на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном порядке, одному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При

необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 6–15 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитываются при подсчете объема публикации. Авторы, не имеющие ученой степени, предоставляют отзыв научного руководителя или выписку заседания кафедры о рекомендации статьи к публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид **СФ-ФИО**, например: **СФ-Петров ИВ** или **SF-German P**. Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество
Ученая степень, специальность
Ученое звание
Место работы
Должность
ORCID
Домашний адрес с **индексом**
Сотовый телефон
E-mail

Необходимое количество печатных экземпляров (отправка простым или заказным письмом)

Необходимое количество печатных сертификатов

RULES FOR AUTHORS

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosfera@seznam.cz. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (600–800 characters) and a list of key words (5–10) in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number.

References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–15 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume. The name of the file should be given in Russian letters and consists of the conference code and initials and family name of the first author, for example: SF-German P. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example SF -German P receipt.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

Information about the authors

Family name, first name

Title, specialization

Place of employment

Position

ORCID

Contact address (with postal code)

Mobile phone number

E-mail

The required number of printed copies (sending by regular or registered mail)

The required number of printed certificates

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2022 ГОДУ**

Дата	Название
10–11 сентября 2022 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2022 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2022 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2022 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2022 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2022 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5 октября 2022 г.	Вопросы науки в современном мире
12–13 октября 2022 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2022 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2022 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2022 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2022 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2022 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2022 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2022 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
7–8 ноября 2022 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2022 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2022 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2022 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
28 ноября 2022 г.	Вопросы науки в современном мире
1–2 декабря 2022 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2022 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2022 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor	• Global Impact Factor – 1,721, • РИНЦ – 0,075
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия)	• Global Impact Factor – 0,915

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Научно-методический и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

Главный редактор Б. А. Дорошин

№ 2, 2022

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, цифр, цитат, статистических данных, имен собственных и прочих сведений.

Мнения, выраженные в данном издании, являются авторскими и не обязательно отражают мнение редакции журнала.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

Opinions expressed in this publication are those of the authors and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.

Электронная версия номера размещена
на сайте журнала <http://sociosphere.com/sociosphere>

Редактор – Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет – И. Г. Балашова

Подписано в печать 20.06.2022. Формат 60х84/8. Бумага писчая белая.
Усл.-печ. л. 15,6. Тираж 100 экз.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
440026, Россия, г. Пенза, ул. Мира, д. 35
Тел. (8412)21-68-14
веб-сайт: <http://sociosphere.com>,
e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004, г. Саратов,
ул. им. Н. Г. Чернышевского, д. 88, литера У. Тел. (8452)24-85-33

СРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ МОНОГРАФИЙ И ДРУГИХ КНИГ

*Два места издания Чехия или Россия.
В выходных данных издания
будет значиться*

**Прага: Vědecko vydavatelské
centrum "Sociosféra-CZ"**

или

**Пенза: Научно-издательский
центр "Социосфера"**

РАССЧИТАТЬ СТОИМОСТЬ

- Корректурa текста
- Изготовление оригинал-макета
- Дизайн обложки
- Присвоение ISBN

У НАС ДЕШЕВЛЕ

- Печать тиража в типографии
- Обязательная рассылка
- Отсудка тиража автору